

63.3(2-2чп8)
С51

Альманах

СМОЛЯНОЙ ПУТЬ

Выпуск 2

*Дом отдыха Ижорского завода в Тюрисевя (Ушково),
1948 г.*

Часовня в парке Подменера в пос. Серово

ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНЫЙ АЛЬМАНАХ

**СМОЛЯНОЙ
ПУТЬ**

The logo consists of a 3D-rendered sphere with a gradient from light to dark, positioned above a thick, dark, curved line that resembles a stylized path or a smile. The sphere and the line are rendered with a slight shadow and a gradient, giving them a three-dimensional appearance.

Выпуск 2

**Санкт-Петербург
2015**

Смоляной путь.

Альманах. Выпуск 2 - СПб: Межрегиональный общественный культурный фонд им. Валерия Сулова, 2015. - 188 с.

Во втором выпуске альманаха «Смоляной путь» собраны статьи историков и краеведов - участников историко-культурного фестиваля «Смоляной путь», состоявшегося в октябре 2015г. в Курортном районе Санкт-Петербурга в г. Зеленогорске, г. Сестрорецке, пос. Комарово, пос. Молодежное, пос. Песочный, пос. Репино. Фестиваль творчески сплотил научно-практическую конференцию историков, краеведов, музееведов, специалистов в области исторического туризма с пленэрами художников и показами документальных фильмов, посвященных местам, событиям, людям Курортного района Санкт-Петербурга, творческому диалогу культур стран Скандинавии и России.

На обложке:

Первая стр.:

Камыши. Художник Мария Доронина. Бумага/акварель. 30x20 см, . 2015 г.

Четвертая стр.:

вверху:

Императорское Побережье. День. Художник Марк Павлов.

внизу:

Императорское Побережье. Ночь. Художник Марк Павлов.

ISBN 978-5-94500-090-2

Отпечатано в типографии ООО «Росбалт»
197374, Санкт-Петербург, Оптиков, д.4

© Авторы, 2015

© Овчаренко У.Р., оформление 2015

*КУЩАК Александр Иванович,
депутат Законодательного Собрания
Санкт-Петербурга*

ДОРОГИЕ ЧИТАТЕЛИ АЛЬМАНАХА!

Энциклопедия старинной петербургской жизни полна секретов, загадок и тайн. Казалась бы, доступная, открытая книга былой событийности Северной Пальмиры давно уже нами прочитана и перечитана неоднократно.

Однако ежегодно подвижники – краеведы находят в совершенно открытых источниках всё новые и новые удивительные, поучительные и впечатляющие факты, свидетельствующие о концентрации вокруг Санкт-Петербурга – великолепной имперской столицы России – самых интересных, смелых, мобильных, результативных специалистов совершенно передовых направлений развития человеческой цивилизации.

Историко-культурный фестиваль «Смоляной Путь» был задуман нами в целях выявления историко-культурных доминант, способных стать качественно новыми центрами притяже-

ния туристических потоков. Это особенно важно в период возрождения и активизации внутрироссийского познавательного, обучающего, интеллектуального, патриотического и паломнического туризма.

Очень важно показать петербуржцам побережье Финского залива Карельского перешейка как территорию созидания. Именно здесь интернациональный корпус петровских инженеров начал строить его знаменитые города – заводы, ставшие началом будущей отечественной оборонной промышленности. Именно здесь черпал вдохновение влиятельный интернациональный мир российской научной и творческой интеллигенции. Неслучайно научно-практические конференции в рамках историко-культурного фестиваля задуманы обсуждать взаимовлияние индустрии и культуры. В конечном итоге, в рамках петербургских традиций важно, когда индустриальная Охта осмысливает, воспринимает и осваивает культурное, интеллектуальное, творческое пространство Сестрорецка, Комарово, Репино, Зеленогорска.

Не секрет, что городу уже сегодня нужна обновлённая философия пляжей. В Курортном районе Санкт-Петербурга их протяжённость – более шестидесяти километров. Хорошо, если пляжное пространство станет общественно доступной лабораторией формирования культуры здорового образа жизни. Но специалисты в области психологии и физиологии подтвердят, что наше здоровье во многом формируется нашими помыслами. А их чистота во многом зависит от степени глубины нашего постижения величия и разнообразия того культурного наследия, которое обусловлено нашей отечественной историей, многие страницы которой ярко иллюстрированы на протяжении «Смоляного Пути» – дороги международной индустриально-культурной интеграции.

УВАЖАЕМЫЕ ЧИТАТЕЛИ! ДОРОГИЕ ДРУЗЬЯ!

Историко-культурный фестиваль «Смоляной Путь», работе которого посвящён выпуск второго одноимённого альманаха, задуман и проводится ревнителями, как их называли в старину, истории побережья Финского залива на Карельском перешейке.

Этот проект, как полезное начинание, поддержан и депутатом Законодательного Собрания Санкт-Петербурга А.И. Куцаком и администрацией Курортного района Санкт-Петербурга. В этом предисловии я сразу подчеркну масштабность мероприятий фестиваля. Несомненно, «Смоляной Путь» задуман и проводится как событие общепетербургское, как важное для изучения истории всего Карельского перешейка.

Курортный район Северной столицы – место и усадьбное, и обладающее своей легендарной промышленной историей. Краеведы иногда эмоционально спорят, чья история важнее для этих мест – Сестрорецкого оружейного (инструментального) завода или Сестрорецкого курорта? Понятно, что эти дискуссии в большей степени лишь подчёркивают всю сложную палитру событийного многообразия и насыщенности, которая присуща побережью от Сестрорецка до Смолячково.

В ходе исследовательских дискуссий, пожалуй, более важно выявить как историко-культурные, так и духовные доминанты этих мест. Сегодня в Курортном районе Санкт-Петербурга восстанавливают утраченные храмы. Люди обретаю возможность вновь соприкоснуться с событиями и узнать имена тех, кто сделал эти места интереснейшими для православных паломников.

Курортный район Санкт-Петербурга – территория героизма, мужества и стойкости россиян в сопротивлении оккупации, в борьбе за свою свободу. Нынешний 2015г. – это год 70-летия Великой Победы. И одной из главных тем, вынесенных для обсуждения на конференциях, является подвиг защитников и освободителей блокадного Ленинграда. И что очень важно – повседневный гражданский подвиг простых, рядовых жителей блокадного Ленинграда, оставшийся в свидетельствах тех осадных дней, детских воспоминаниях, дневниках, записанных рассказах родных, своим трудовым и воинским подвигом приблизивших Победу.

Курортный район Санкт-Петербурга – территория сотрудничества. С незапамятных времён люди в этих местах строили, рыбачили, мастерили, заготавливали, придумывали, изобретали, внедряли. История созидания, мирного строительства, творчества на курортном побережье весьма и весьма продолжительна, поучительна, полна загадок и тем для пытливых исследователей.

Сегодня очень важно изучить историю обретения, развития и перспективы сохранения и приумножения именно курортного наследия. Здоровье человека – важный экономический ресурс. Скажем больше – ресурс цивилизационный. Какими были курорты, и какими им быть – вот тема для современных и будущих исследователей.

Таким образом, подвиг, духовный поиск, созидание и здравие – вот направления поиска для людей увлечённых побережьем Финского залива на Карельском перешейке, имя которому Курортный район Санкт-Петербурга.

ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНЫЙ АЛЬМАНАХ

**СМОЛЯНОЙ
ПУТЬ**

Выпуск 2

**Санкт-Петербург
2015**

ГРУППА ИЗДАТЕЛЬСКИХ ПРОЕКТОВ «ОСТРОВ СЛОВ»

www.gennin.ru

e-mail: slovo812@yandex.ru

*АЛЕКСАНДРОВА Ирина Михайловна,
краевед*

РАЗЛИВ. БЛОКАДА 1941-1942

Возвращаясь из Малосковец от родителей отца – дедушки Коли и бабушки Марины, мама со мной на руках сошла с поезда в Разливе. И поспешила к бабушке Тале. А мой отец, Александров Михаил Николаевич – в военкомат, встать на призывной учет.

Дома переполох. Бабушка Таля помогает сыновьям Косте и Павлу собирать вещмешки в дальнюю дорогу. Вячеславу, 17-летнему подростку, тоже не сидится, он желает вырваться из дома, пусть даже бродяжничать. Старший сын Натальи Степановны, Александр Леонтьев, с семьей уже давно жил в Ленинграде. Оттуда был и призван на Ленинградский фронт. Кадровый офицер, закончил службу в звании подполковника.

Встав на учет, Константин Андреевич Клевиц был зачислен в танковую часть, Павел Андреевич Клевиц – в артиллерию. Александров Михаил Николаевич, мой отец, по болезни ног не годный к строевой, но имеющий два высших образования, был зачислен в Штаб головного Авиаотряда.

Так, пятеро мужчин, близких и родных, ушли на защиту Родины! Объятия, слезы, взятия слова «писать чаще», а главное – вернуться живыми. В первый же день объявления войны в спешке, причитаниях и слезах уезжали дачники. В доме и во дворе необычно пусто и вокруг тревожная тишина. Дворовая живность тоже чувствовала общее смятение: козы беспричинно блеяли, у одной козы пропало молоко, куры голосили и метались по загону. Мама со мной окончательно перебралась из отцовского общежития в родительский дом.

Бабушке Тале и деду Андрею, отчиму, уже за 60. Им одним не выжить. Вся надежда на мою маму, молодую, энергичную с высоким чувством долга и ответственности. А возможно и я, «маявка», давала всем силы жить, надеяться, выстоять и победить!

Семья Клевиц, пережившая первую мировую, революцию и Гражданскую войну, из горького опыта зная, что все войны несут голод, разруху и беспредел, проводят домашнюю «инвентаризацию» и срочные закупки необходимых товаров. Сколько лет продлится война – неизвестно, и на сколько возможно, надо подготовиться к осаде.

Дед Андрей, обходя двор, отмечает: чистая вода из колодца есть, дров в сарае заготовлено года на два, живность постепенно будем резать, что-то снимаем с огорода, а главное – есть баня! Это стало особенно актуально, когда закрыли Сестрорецк по «Шипучку», там

поставили часового с автоматом, и государственная баня стала для разливанцев недоступна. Затем дед Андрей вошел в дом и продолжил ревизию продуктов и других необходимых в быту вещей. Он отметил, что надо срочно, пока еще работают в Сестрорецке магазины, закупить соль, спички, хозяйственное мыло, сахар, муку и разные крупы. А так же приобрести свечи и хорошо затариться керосином.

Комбикорма и сено скоро кончились и пришлось резать скотину всю и сразу... Мясо солили, укладывали в бочки и в яму. Рыбок из большого аквариума, что стоял между окон, отдали голодной кошке Муське. Ей же достались и канарейки. А позже и самой Муськи не стало... Тяжелее всего было смотреть на собаку. Со впалыми боками и голодными глазами она подползала на брюхе к деду Андрею, лизала ему руки и умоляюще, вглядываясь в его лицо, просила хоть чего-нибудь поесть. Кажется, он ее застрелил, пока ружье не забрали.

Сразу после объявления войны у всех домохозяев изъяли лодки, велосипеды, приемники, якобы для нужд фронта. 8 сентября, в день ангела Натальи, сомкнулось кольцо блокады. Пока не выпал снег, семья заготавливала травы и сушила их. Некоторые солили: лебеду, крапиву, сныть, кислицу, иван-чай, зверобой, домашней ревеня, многолетний сельдерей. На чердаке, на веревках морозили веточки рябины и гроздь калины. Для поддержания сил сушили листья черной смородины и малины. Не обошли и сосновую хвою – от цинги. Собрав небольшой урожай овощей – картошки, моркови и свеклы, постепенно съедали их. Очистки не выбрасывали, а мыли, сушили и складывали впрок. В самые тяжелые дни из травы, очисток лепили «котлеты» – вку-сны-е... Свеклу же резали на ломтики, слегка подсушивали на противне, получалась как вяленая. Она была чуть сладковатая и заменяла сахар.

В октябре–ноябре месяце 1941 г., пока еще были силы и предчувствия, что возможно, придется дом покинуть, Андрей Константинович стал сколачивать ящики, обертывал их рубероидом. Посуду – медную, чугунную и эмалированную, ковры и дорожки, две 50-литровые бутылки керосина, хрустальные и стеклянные вазочки и даже книги – все тщательно упаковывал и закапывал по всему периметру двора в разных углах. Иконы же все оставались на своих местах. Видимо, бабушка Таля думала, что это святые и их уже точно никто не тронет.

В Разливе в блокаду работал единственный магазин на углу 2-й Тарховской и 2-й Поперечной. До революции он был частным, потом стал государственным. Но мамины карточки здесь не отоваривали. Семьи комсостава были приписаны к магазину № 121, что в Петропавловской крепости в Ленинграде.

Пришла зима – суровая, беспощадная, ледяная зима 1941-1942 гг. Поезда на Ленинград шли только от Лисьего носа, а до Лисьего носа надо было идти пешком. «Полуторки», что шли из Сестрорецка в Ленинград были военными и гражданских не подсаживали. Самое опасное место для жизни человека – это лес от ст. Горская до ст. Лисий нос. Мама шла по проезжей дороге, по ней хоть изредка, но проезжали грузовики. А в лесу, в засаде, сидели людоеды. Сами на дорогу не выходили, но прохожих заманивали. Бросят цигейковую шубу на обочину и ждут – кто наклонится. А леска, привязанная к шубе, вела в глухой кустарник. Леску потихоньку дергали, заманивая «добычу». И уж на кромке леса набрасывались. Бывало, что алчные да глупые люди и «клевали» на эту приманку. Мама, зная их изощренные уловки, всегда обходила стороной, едва ковыляя, сгорбившись, показывая всем своим видом, как она слаба, больна и костлява. А мамочке тогда было всего 32 года, она была еще очень молода и привлекательна. И чтобы не обращать на себя внимание, она мажет сажей лицо, припудривает его золой, надевает темное пальто, а поверх какую-нибудь рваную

шаль. На руках грубые шерстяные варежки, обмотанные ветошью. Это для тепла и удобства. Частенько ноги подкашивались и мама «бежала» на четвереньках. Дойдя до Лисьего носа, садилась на поезд-паровик - и до Финляндского вокзала. А далее опять ноги в руки и к Петропавловке пешком. Ведь трамваи не ходили.

Бабушка Таля, провожая маму в Ленинград, никогда не была уверена, что дочка вернется живой, да еще с хлебом и крупой. Мама и до войны была тоненькой и стройной, а теперь совсем высохла. Отоваренные продукты она оборачивала бинтами вокруг себя, а сверху пальто. Никому и в голову не могло прийти, что идет по дороге не измученная старуха, а молодая женщина, да еще и с провизией.

Были случаи, что магазин был закрыт. Хлеб либо закончился, либо еще не привезли. А скоро ночь, мороз усиливается, аж зубы сводит. И надо где-то заночевать. Семья брата Шуры (Александра Ивановича Леонтьева) жила на ул. Красной Конницы. Собрав последние силы, мама от Петропавловки брела к ним. Они приветливо встречали, угощали кипятком, а иногда и чаем. Спать у них было если не тепло, то очень спокойно. Но однажды, будучи в подобной ситуации, силы маму покинули и она поддалась искушению. Магазин закрыт, хлеб будет только утром. «Зачем мерзнуть, пойдемте, переночуйте у меня. Живу я в доме, где магазин. И рано утром первой будете в очереди» – сладко и вкрадчиво говорила женщина, словно усыпляла, увлекала маму в свою квартиру. Мама знала, что в чужом доме нельзя спать и пить что-либо – можно и не проснуться. Мороз в ту студеную блокадную зиму доходил до 40 градусов, словно проверяя на прочность ленинградцев. Уходить без хлеба нельзя, дома очень ждут. И мама согласилась на ночевку в чужом незнакомом месте. На пороге квартиры встречает вежливый мужчина, вводит в опрятную комнату с кроватью, приносит мягкую подушку со свежей наволочкой. Все располагает ко сну! Сильно уставшую, голодную и замерзшую ее в тепле разморило и так тянет в сон. Но засыпать нельзя – это смерть! Чувство самосохранения ей подсказывает: «перенеси подушку на другую сторону кровати. Сделай по-своему». Сложившись в клубочек и подтянув колени к подбородку, она замерла. Из кухни доносится сдавленный тихий шепот: «кажется, уснула, пора... Можно начинать». Дверь без скрипа открывается, огня не зажигают, мужчина на цыпочках подходит к кровати... Взмах топором и... сильный удар в то место, где должна быть подушка. И тишина. Мужчина, словно тень, ускользает обратно.

Прошло часа два. В висках стучало, сердце гулко ухало. Одна мысль у мамы: «как выйти невредимой?». В окне забрезжило. Скоро рассвет. Мама встает, надевает валенки и, собрав всю волю, отчаянно бодро открывает дверь на кухню: «Доброе утро, хозяева! Спасибо за ночлег!» И, не давая им опомниться, откидывает крючок запертой входной двери и выскакивает на улицу. «Скорей, скорей к магазину. Там люди. Там спасение» – внутренний голос кричал и торопил ее.

Возвращение было такое же долгое, но мама несла хлеб и крупу, а значит - несла жизнь. Не зря славное имя Зоя с греческого переводится – жизнь! И дорога домой показалась ей короче.

На улице холод, пурга, а мне хочется гулять. Мама с бабушкой идут на хитрость. Закутав меня в одеяло, и плотно завязав, уголок одеяла низко опустили за подбородок, чтобы я не отморозила личико. Стукнув кухонной дверью, мама как-будто выходит. Долго-долго топчется и снова стук дверью - вошла. Я ворочаюсь, кручу головой, потому что свежего морозного воздуха я не унюхала. Изловчившись, отодвинула головой край уголка одеяла, и

заметила, что гуляли мы по кухне. Обессиленная мама не могла со мной на руках выходить даже во двор. Да и опасно было. В Разливе в районе Белой горы тоже жила семья людоедов. А мясо младенцев для них это особое лакомство. Так как на своих ногах я еще не ходила, меня на воздух без особой надобности и не выносили. Многие соседи даже не знали о моем существовании. Узнала я это в 2003 г, когда стала оформлять Блокадное удостоверение. Отдав старинную утварь и все документы в будущий Краеведческий музей М. И. Васильеву, я осталась без доказательств. И в расстройстве забыла об их существовании. Тогда я пошла по соседям, ища свидетелей. А они в один голос заявляли, что меня в блокадном Разливе никогда не видели. Вот тогда я и поняла, как меня прятали в те голодные годы, если ближние соседи не знали о моем существовании.

Писем с фронта ждали, как хлеба. Но они приходили с большими перебоями. Чаще всего писал Павел. Он беспокоился о нас, тосковал по дому. И во всех его письмах была не забыта и я, «козявка».

И вот пришел февраль 1942 г. Все обессилили, ноги распухли, еле двигались. Всем в семье плохо, но хуже всех деду Андрею. Он до войны привык много и хорошо питаться, а сейчас... Он жевал все, что мог проглотить, кроме травы. Траву желудок не принимал, его рвало. Он варил корни георгин и ел их, как картошку, хотя в них есть яд. Таскал сухарики «НЗ» из пакетика, предназначенного для меня. А чтобы сохранить объем пакета, заполнял его углями. И настал момент, когда он слег совсем. Он взял карандаш и написал трем сыновьям три прощальных письма. Два письма до адресатов дошли, а третье осталось дома. За всю войну младший Вячеслав не подал родным весточки. Запечатав письма, он подозвал к себе падчерицу Зою, мою маму, и попросил у нее прощения: «Зоя, прости, я сильно перед тобой виноват. Не дал возможности получить образование, не отпустил вовремя замуж, я вполне сознательно пользовался твоей подвижнической дочерней любовью к матери. Прости...». Но мама не простила его. Слишком глубока была рана, нанесенная им обаятельной, умной и перспективной девушке. А он в отместку не сказал, где зарыл столовый сервиз на 12 персон Императорского фарфорового завода, подаренный бабушке Тале еще Иваном Леонтьевичем. «Всю жизнь будешь искать и меня вспоминать», - заметил ехидно дед Андрей. Пока так и есть.

23 марта 1942 г. Андрея Константиновича не стало. Зима лютовала. У мамы не было сил везти покойного на кладбище и тело перенесли на веранду дачи. Позже, уже в мае, тело перевезли на тележке в Тарховку, где и предали земле в Братской могиле. В марте же 1942 г. погибла от голода Раиса Николаевна Александрова, сестра отца, светлый и добрый человек, моя крестная. Всю жизнь до войны она проработала учителем физики и математики. Своей семьи не имела. Всю неистраченную любовь и внимание отдавала ученикам. А в дни войны и блокады вела огромную общественную работу: организовала художественно-политическую агитбригаду для выступлений на прифронтовой полосе. Состояла в патруле по выявлению умерших в квартирах ленинградцев. К ней тянулись взрослые и дети. Она служила магнитом тепла добра и спокойствия. Раиса Николаевна была организатором детских домов для сирот, потерявших родителей и эвакуации их на «большую землю». Тетя Рая очень трепетно относилась ко мне и чрезвычайно гордилась званием «крестная мама». Похоронена на Пискаревском кладбище.

Летом 1942г. прибавлена норма хлеба. На огороде появилась многолетняя зелень. Но прошел слух, что семьи с младенцами обязаны покинуть пределы Сестрорецка. Скоро поступило и предписание. Отец писал с фронта, что его Штаб главного авиасклада базируется

в г. Ярославле и что он ждет нас к себе и комнату для нас уже присмотрел.

В начале августа семья покидала родной дом. И вместо Новосибирска, как все заводчане, направлялись в Ярославль. Вещи были собраны, серые мешки подписаны, получено удостоверение на право получения обеда в пути и билет дальнего следования на троих. Прощание с домом было грустно-торжественное. Бабушка Таля опустилась на колени, горячо молилась, осеняя крестным знамением времянку, дачу, баню, озеро и шепча пересохими губами: «До встречи... До встречи».

ПЕРВЫЙ «А»

Весна 1947 г., апрель, воскресенье. Мама хлопочет у плиты, а я по обыкновению рисую. Неожиданный стук в дверь. Мы переглянулись, вопросительно поглядели друг на друга. Мама идет открывать. Снизу из коридора радостный возглас: «Боже мой, какими судьбами?!». А в ответ громко, отвечают: «Ирина Михайловна Александрова здесь живет?» Чуть замерев от неожиданности, мама торопливо отвечает: «Здесь, здесь! Проходите!». Вошла пожилая женщина, лицо улыбающееся, глаза веселые, представилась: «Здравствуй Ира! Я твоя будущая учительница Вера Васильевна Катулина, пришла записать тебя ко мне, в 1 класс. Учиться-то хочешь?». Я радостно закивала.

Расстегнув пальто и откинув на плечи серый платок, стала записывать мои данные. Открылась голова с густыми седыми волосами, подстриженными «в скобку» по моде 20-30 гг. и, подхваченные черной полукруглой гребенкой. «Обхожу дома, набираю ребятшек, – продолжала Вера Васильевна, – в свой 1-а класс, вот и Ваша дочка, Зоя Ивановна, осенью должна пойти в школу».

Вера Васильевна ушла, а у меня долго радостно и тревожно билось сердце. И весь день разговоров было только о школе. Весна 1947 г. была ранняя, теплая. Приближалось последнее беззаботное лето. Мама говорила, что перед школой надо хорошо отдохнуть – много гулять и много спать. Для будущей учебы мне необходимы силы.

Каждую весну на берегу у нашего забора сооружали качели. Брели длинную доску длиной 2-3 метра и канатами крепили ее к двум соснам, стоящим у самой воды. В тот год, выйдя утром на берег, я увидела, как пятеро подростков взбирались на доску, готовясь к раскатке. Парни стояли, держась за веревки, а девчонки сидели на доске, тесно прижавшись друг к другу. Чтобы лучше видеть, я прижалась к забору спиной прямо напротив качелей. Мощные качели раскачивались медленно. Вот их амплитуда увеличилась – они вылетели над водой и снова возвратились ко мне. Девчонки визжали, смеялись и подзадоривали парней: «А слабо еще выше!?!». Я не заметила, как качели долетели до меня, ударив с силой в грудь и отскочили.

Я сделала шаг в сторону, а воздуха не было... Я заметалась, стала тереть кулачками грудь – не помогло. Воздуха не было. Инстинкт самосохранения подсказывал мне – «беги!» Я стала бегать вокруг дома, что было сил, не останавливаясь. И в какой-то момент приплюснутые ударом бронхи разжались и вырвался звериный рык! Я глубоко вздохнула! Первая мысль: «я жива, ругать не будут». Об этом ударе я никому не рассказывала. Спустя много лет он проявил себя в виде астматического бронхита. А мамочка все недоумевала: «Ну, с чего бы это?»

Незаметно подкатило лето. А лето – это дачники, новые знакомства, значит, будет команда для игры в лапту, в городки. Лодка, что приобрели на паях с рыбаком из Ленинграда, пло-

скодонная. Ход у нее тяжелый, она не режет воду, а гладит ее как утюжок. Но я очень любила греблю. И мне разрешалось, не выходя на большую волну, кататься вдоль берега, туда-сюда.

Но были у меня еще и обязанности: отвезти козу на остров, забрать ее к вечеру. А курочкам необходим кальций, и мы с мамой шли на взморье, в Тарховку, и собирали вдоль линии прибора ракушки. Набирали их мешками, позже сушили на солнце – вот и заготовка на всю зиму. Там же на дюнах рос дикий шиповник. Его заготовливали уже для себя. Целебный чай с витамином «С». А еще ценились зеленые шишечки с молоденьких сосен и свежие побеги. Они спасали от цинги, лечили бронхи и укрепляли иммунитет.

С соседом Колькой Ф. мы дружили с 1 по 4 класс. Вместе учились, вместе играли. Вот и в это последнее лето перед школой частенько он пропадал на нашем дворе. Мы скакали, прыгали, играли то с собакой, то с козой. Рос он мальчиком вольным, без тормозов. Уже в 12 лет попал в детскую колонию. Однажды он избил моего петуха, перелетевшего на его территорию. Я этого ему никогда не простила. Мать же его лелеяла мечту увидеть меня своей невесткой. И применяя черную магию, хотела повлиять на наше с мамой решение.

Однажды из Новороссийска им прислали посылку с яблоками. Она пришла меня угощать. Яблоко вкусное, сочное, так и просится в рот. А мама мне: «Погоди! Пусть полежит, придем с прогулки, тогда и съешь». Едва дождавшись возвращения, я бегом к буфету. А яблока-то на блюде нет, одна черная лужа...

Как-то повадилась Колькина мать каждый вечер занимать у нас $\frac{1}{4}$ хлеба. Якобы забыла купить. А на следующий день, с благодарностью его возвращает. Мама просила ее отдать деньгами – она ни в какую: «Брала хлеб – хлебом и отдам». А мамочка ей не доверяла и все возвращенные кусочки хлеба летели в помойку. Однажды случилась необходимость тете Ане (Колькиной матери) срочно выехать в Ленинград. И просит мою маму покормить ее козочку вечером. Пойло она уже приготовила. «Ладно, – говорит мама, – мне не трудно». Заборов между соседями еще не было, ходить легко, да и козу она привязала к вышке, почти у нашего дома. Напоив и накормив свою и соседскую козу, мама уже собиралась тушить свет и идти спать. Как вдруг ей слышится жалобное блеяние соседской козы. «Надо же, – подумала мама, – видимо, голодная, есть еще хочет». А что дать? И тут вспомнила про четвертинку хлеба, отданную Анной утром. Мама вышла в соседний двор. Разломав хлеб на кусочки и дав козе запить водой, ушла. Все тихо, спокойно, видимо, заснула. Утром, чуть свет, вбегает встревоженная соседка: «Зойка! Ты чем вчера накормила мою козу? Она лежит под деревом сдохшая?!» Мама все подробно рассказала. «Ты с ума сошла! Разве можно было тот хлеб козе давать!», – кричала тетя Аня в бешенстве. «Козе значит твоей нельзя, а нам можно?» – едва сдерживая в себе гнев возразила мама. И, захлопнув дверь перед её носом, ушла в дом. «Как хорошо, что все твои угощения я бросала в помойное ведро, а то бы давно наши кости гнили на погосте...» – удовлетворенно заметила про себя мама.

Прошло много лет. Я встретила мужчину своей мечты. И у нас скоро юбилей – 5 лет счастливой совместной жизни. И тут на перекрестке нос к носу встречаю соседку-колдунью. «Здравствуй Ирочка! Как живешь? – говорит вкрадчиво, наигранно-ласково, – Радуйся пока, осталось дней немного, скоро я у тебя его заберу. Не вышла замуж за моего сына, не быть тебе ни за кем». Не прошло и месяца после той злополучной встречи, как молодой, цветущий мужчина, спортсмен, в возрасте 36 лет скоропостижно скончался у меня на руках от разрыва сердца. Но Бог шельму метит! И скоро она ушла на тот свет от редкого заболевания – рака глаз, т.е. инструмента ее черных дел...

За шумными играми, яркими днями и теплыми веселыми дождями пролетело, промча-

лось лето!

Наступила осень. Утро 1 сентября.

Нас, первоклашек, провожали до школы бабушки, мамы, а то и старшие братья и сестры. И сдавали нас с рук на руки. Я всю ночь вздрагивала – не проспять бы. Ранец заплечный был подготовлен еще за неделю и раз 10 проверено его содержимое. Во-первых, это ранец с большой историей! Он еще до войны верно служил одному из маминых братьев. Сам блекло-серый, из потрепанной старой парусины, но с кожаными ремешками. Задолго до сентября мама его «покрасила», намазав черным гуталином, а потом натёрла свечей, чтобы не пачкал. Ранец был квадратный, с широким дном, очень вместительный. Я его несколько раз примеряла, чтобы подогнать по фигуре. Позже лямки отпускали и его ежегодно подновляли. Так он прослужил мне до 7 класса. В ранце был букварь, две тетради – в косую линейку и клеточку, пенал с заточенными карандашами и резинка. Какой восторг! Я – первоклассница!

Моя первая учительница, Вера Васильевна Катулина, родилась до революции 1917 г, а точнее в конце 19 века, где-то в году 1883-1885. В 16 лет, закончив Учительские курсы, стала преподавателем в младших классах. И всю жизнь с радостью и терпением вводила первоклассников в увлекательный мир знаний. Всегда учитывала наш темперамент, условия жизни в семье и наши наклонности.

Набор 1947 г. нелегкий – это дети войны... Усталые, слабые, болезненные и полуголодные. И Вера Васильевна, сама пережив революцию, три войны и блокаду, с нежностью и заботой относилась к детям, прекрасно все понимала и учитывала. Редко у кого были живы оба родителя. Нас ввели в класс, рассадили по два человека, показали, как сидеть за партой, как поднимать руку, если хочешь спросить, обязательно встать при входе в класс любого старшего по возрасту. Вера Васильевна по журналу сделала перекличку (52 человека). Моя фамилия в списке оказалась первой. Вера Васильевна выбрала дежурного, объяснила его обязанности (проветрить класс, вытереть доску, разлить чернила по чернильницам на каждой парте).

У Веры Васильевны был низкий мягкий голос, ее хотелось слушать и слушать. Всегда спокойная доброжелательная интонация. Одевалась она более чем скромно. Белая строгая блузка с глухим воротом, а сверху темно-синий сатиновый халат. Из большого нагрудного кармана выглядывали очки в черной оправе и маленький блокнотик. И самое интересное, на шее на пеньковой веревочке висел толстый красный, хорошо заточенный карандаш. Ито и поправляла Вера Васильевна наши первые каракули, ставя «См.» Так начиналось мое увлекательное путешествие в мир знаний. И первым проводником в этот мир была нежно любимая мной Катулина Вера Васильевна.

Ее личная жизнь сложилась не очень удачно. Своих детей она не имела. Будучи человеком мягким, сострадающим, Вера Васильевна вышла замуж за вдовца с 4-мя детьми. Она вырастила всех детей, поставила на ноги, спасла в дни войны. Но чужие дети ее любви не приняли. Выросли черствыми, заносчивыми, язвительными. Видимо, сработали родительские гены. И самое печальное – никто из приемных детей и внуков ее подвига не оценил...

Урок, как известно, длится 45 мин. Между уроками перемена по 10 минут. Большая перемена длится 20 минут. Но нам, послевоенным детям, этого было мало. И Вера Васильевна, учитывая нашу быструю утомляемость и постоянное желание спать, старалась нас растормошить, заставить наши мозги работать, желательно с удовольствием. Во-первых, каждые 15 мин. мы делали гимнастику для пальцев. «Мы писали, мы писали, наши пальчики уста-

ли», – пропевали мы. Во-вторых, по ее просьбе мы приносили из дома по два куска черного хлеба, 2 очищенных моркови и 4 кусочка сахара-рафинада. Через 20 мин. усердной учебы Вера Васильевна делала нам перерыв и мы с удовольствием хрумкали наши припасы. Так повторялось на втором и 3 третьем уроке. Но если нашу вялость и невнимательность морковкой с сахаром убрать не удавалось, мы всем классом, во главе с Верой Васильевной бегали вокруг школы. От свежего воздуха и бега наши мозги активизировались и мы вновь готовы были к «бою» (учебе).

Позднее за это «новшество» в работе педагога, не предусмотренное регламентом школы, и за отказ по возрасту (в 1948 году Вере Васильевне было 65 лет) посещать курсы марксизма-ленинизма, ее уволили из школы. Без любимой работы, без постоянного детского щебетания она стала быстро угасать. Летом 1953г. в возрасте 70 лет она умерла. Похоронена на Сестрорецком кладбище. Могила не известна. Общий педагогический стаж её был более 50 лет. Дважды орденоседец!

На школьной территории, в низине, ближе к железной дороге был небольшой прудик. В апреле проснулись лягушки и так весело квакали. Мальчишки что удумали - ловили самых маленьких и запихивали девчонкам за воротник. Визгу было! А мальчишкам только этого и надо. Когда мне забросили лягушку, я вытерпела. Молча оттопырила платье, лягуха и шлепнулась оземь. Мальчишки больше не повторяли это.

К Первомайскому празднику вся школа готовилась загодя. Мастерили бумажные цветы, составляли букеты, нанизывали их на палки. Первоклассники в праздничном шествии не участвовали. Но зато мы стояли вдоль дороги и внимательно следили за происходящим. Нам, разливанкам, далеко ходить не надо, ведь площадь с трибуной находилась у забора большой каменной школы № 434 (где сейчас находится автостоянка, что у магазина «Пятерочка»).

Народа пришло много. Все волновались и чего-то ждали. Вдруг раздался крик: «Идут!» Послышалась духовая музыка, гремели, отливая медью, литавры. Первым прошел Исполком, потом наш завод! Наш Инструментальный! И музыка и колыхание бархатных знамен – все создавало такой праздник души! Потом шла большая фабрика «Весна», другие мелкие предприятия и, наконец, школы. Впереди директор, завуч, учителя и старшие школьники. Трибуна с почетными гостями их уже ждала. 3-4 выступления и так же организованно обратно. Не далеко от площади развернута праздничная торговля. Мы брали чай.

Вот и 17 мая. Для нас учебный год закончился. В актовом зале, на сцене прямоугольный длинный стол, покрытый красной скатертью. За столом директор, наша Вера Васильевна и еще незнакомые учителя. И вдруг в тишине называют мою фамилию: «Ира Александрова, 1-а класс, прошу на сцену, в президиум!». Ноги подкосились, уши заложило, я оглядываюсь на маму. «Иди, иди», – говорил ее взгляд. Вместе с учителями в президиуме сидели 3 девочки. Не знаю, как чувствовали себя другие, но мне было страшно и неловко. Казалось, весь большой зал смотрит только на меня. Но это было очень почетно. Выступила завуч школы, говорила об успешном окончании учениками 1-го класса первой ступени в огромный мир знаний. Потом хвалили нас и наших родителей, вручали табеля с отличием. Я шла домой ошеломленная и счастливая. Такого накала страстей я не получила за все 10 лет учебы.

Я тогда еще не осознавала, что Вера Васильевна уже никогда не будет нашей наставницей. Ведь мы простились не только с первым классом, но с первым и настоящим другом, мудрым и заботливым. Она научила нас думать, сострадать, воспитала в нас чувство собственного

достоинства, требовала от нас искренности. Всегда поощряла творчество и высоко ценила индивидуальность. Только благодаря ее тонкому психологическому подходу к каждому ученику, ее кропотливому уму и терпению, а так же большому уважению к ребенку, как к личности, нас всегда узнавали.

На следующий день, утром 18 мая нас вновь собрали у стен нашей школы, но без портфелей. Была линейка. В руках десятиклассника жалобно прозвучал «последний звонок». Но грусти не было, впереди еще 9 удивительных лет в такой, уже любимой, школе. Потом Вера Васильевна попросила нас построиться парами и идти в кинотеатр «Прожектор». Мы шли на детский утренник, на кинофильм «Каменный цветок». Ура! Что такое «кино», я не знала. Это было мое первое посещение кинотеатра. Я шагала очень быстро, обгоняя других. Меня одергивали, говоря, что мы успеваем. А ноги сами бежали от нетерпения. И вот мы подошли. Розовое каменное здание. От широких входных дверей по обеим сторонам стеклянные витрины с афишами. Входим внутрь. Узкий проход перегороден стойкой. За стойкой контролер - тетя Оля Глазкова. Берет билетки, надрывает контроль и возвращает обратно. Серо-голубая узкая бумажка, как сейчас визитка. На ней дата, № ряда и № места. Мы шумно рассаживаемся. Кроме нас есть еще дети постарше. И вот гаснет свет. Кто-то из ребят громко ойкнул. На белой простыне, называемой экраном живые люди, живая природа. Я смотрю заворуженно, боясь моргнуть. Какие краски, какая музыка! Мне говорили, что оно черно-белое, я этого не заметила. И вот кинофильм закончился. Мы сидим, не двигаясь, во власти экранного детства. Вывел нас из оцепенения голос учителя: «Дети выходим, строимся, обмениваться впечатлениями будем на улице». Я шла, машинально передвигая ноги, а мысли там, в кино, в той красивой сказке. Очнулась я только, когда поравнялась со школой. И вмиг ощутила страшную жару. Ведь на мне зимнее пальто, хоть и нараспашку, да тяжелые глухие ботинки.

Все дети постепенно расходились по домам. Вот и мой переулочек на Разливную набережную. А Вере Васильевне чуть дальше – на ул. Жукова, дом 5. По просьбе мамы и с моим огромным удовольствием, я пригласила Веру Васильевну на чашку чая. Ведь у меня сегодня именины.

*АМИРХАНОВ Леонид Ильясович,
писатель, краевед, издатель*

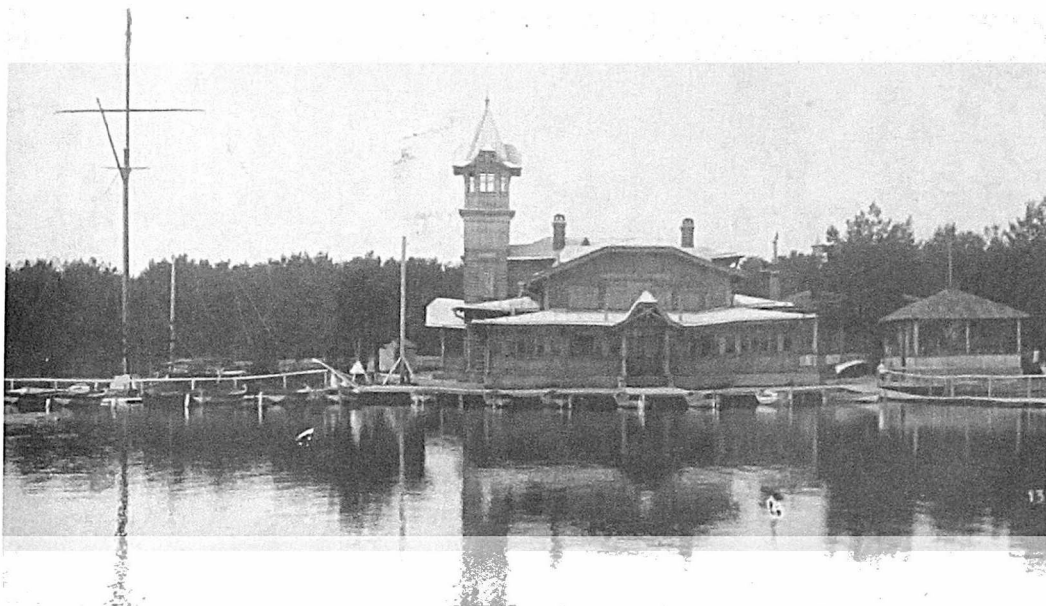
ДАЧНЫЕ ЯХТ-КЛУБЫ

В сентябре 2014 года Сестрорецк отметил своё 300-летие. Как и многое в нашем краю, этот город был создан железной волей Петра Великого. Борьба за выход к Балтийскому морю требовала много оружия, и именно для этого в 1714 году начались подготовительные работы по строительству Сестрорецкого Оружейного завода. В 1720-м сюда прибыл плотинный мастер Бенедикт Беер, который руководил строительством плотины, перегородившей русло реки Сестры. Так появилось озеро, которое поначалу называли просто – заводской разлив. Только значительно позднее слово Разлив стало именем собственным. Плотина позволила воде крутить водяные колёса, которые в свою очередь передавали кручение станкам и всему тому, что должно было крутиться для изготовления палашей, фузей и прочих военных надобностей.

По Указу царя-преобразователя был создан в 1718 году и первый в мире яхт-клуб – «Потомственный Невский флот», после смерти Петра пришедший в полный упадок. Возрождение яхт-клубов произошло усилиями князя А.Я. Лобанова-Ростовского, который в 1816 году купил тендер «Елизавета», а потом построил собственный бриг «Пожарский».

Активная деятельность князя привела к тому, что в феврале 1847 года был утвержден «Частный устав Императорского Санкт-Петербургского яхт-клуба». А уже 8 (20) июля 1847 года недалеко от Толбухина маяка прошла первая русская регата, в которой участвовали семь парусников и, в том числе императорская шхуна «Королева Виктория». Собственно говоря, эту гонку можно считать и первой выставкой достижений яхтенного судостроения. Ведь каждый участник хотел и на людей, то есть на яхты посмотреть и себя показать.

В 1856 году в почетных членах клуба состояли великие князья Алексей Александрович и Николай Константинович, Эрцгерцог Австрийский Фердинанд Максимилиан, принцы Генрих Нидерландский, Адальберг Прусский, Оскар Шведский, Альберт Саксен-Кобургский. И, разумеется, граф Карл Васильевич Нессельроде и светлейший князь Александр Сергеевич Меншиков. Далее в списке – сенаторы, генералы, адмиралы... Среди последних до 1855 года числились адмирал П.С. Нахимов и вице-адмирал В.А. Корнилов, погибшие при обороне Севастополя в годы Крымской войны.

В 1860 году появился еще один яхт-клуб, попроще, – Санкт-Петербургский речной. К концу XIX века считалось хорошим тоном состоять в каком-нибудь яхт-клубе (а их с каждым годом становилось все больше) – если уже не действительным членом, то хотя бы почетным.

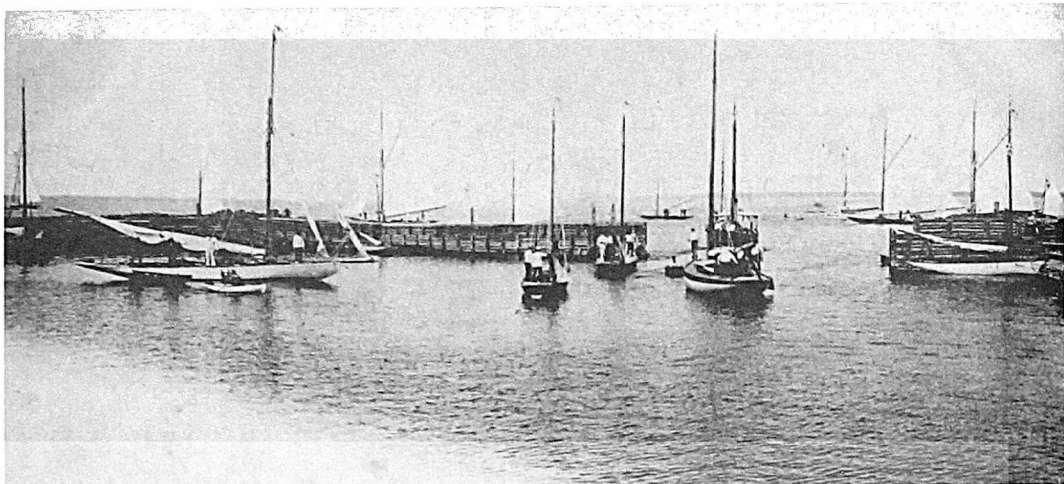
Таким образом, яхты в Сестрорецке появились благодаря давно сложившейся традиции. Ведь и Финский залив, и озеро Разлив привлекали жителей Сестрорецка не только рыбной ловлей, в прошлые годы весьма богатой. К тому же жизнь на берегу моря сама собой предполагает, что прибрежные жители не только рыбаки, но еще и романтики. Финский залив очаровывал не одно поколение петербуржцев и сестроречан.

Катание на лодках и буерах было весьма распространенным развлечением. Поначалу оно было, разумеется, бессистемным, но в начале XX века Сестрорецк превратился в популярнейший курорт, ни в чём не уступавший лучшим европейским. А какой же курорт без белоснежных яхт! Для начала Общество Приморской железной дороги еще в 1898 году перестроило старую пристань для «судов Санкт-Петербургских яхт-клубов». Гостей из Петербурга курорт привлекал не только чистейшим воздухом, но интереснейшей музыкальной программой. Некоторые петербуржцы могли себе позволить прибыть на концерт знаменитого дирижера В. Сука не на трясущемся поезде, а на собственной яхте.

Разумеется, в Сестрорецке было достаточно и своих яхтсменов, которые в начале XX века организовали Сестрорецкий яхт-клуб, сначала называвшийся «Сестрорецким Парусным кружком». Устав «кружка» и флаг был утвержден в 1905 году. На белом полотнище флага, разделенном прямым голубым крестом, в правой верхней части располагался герб Санкт-Петербургской гу-

174162/2

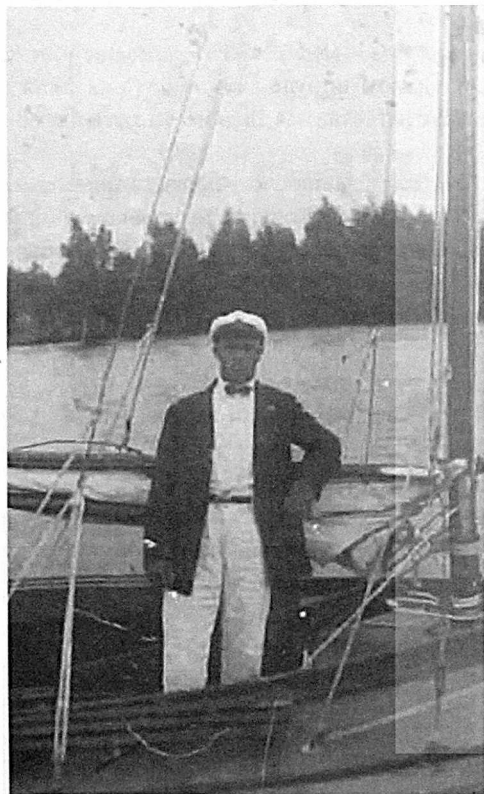
УЛ. И. СЕРГЕЕВА, 7, ТУЛ. 40. 18-13-07

бернии и ниже три буквы «С.П.К.» – Сестрорецкий Парусный кружок.

В 1912 году был утвержден новый Устав и в 1913-м – новый флаг, в котором герб переместился в правую нижнюю часть.

Но этого было, разумеется, мало, и вскоре на Тарховском берегу Разлива недалеко от Спасательной станции Общества Спасания на водах открылся еще один яхт-клуб, одним из учредителей которого был Николай Тихонович Федотов – действительный статский советник, имевший в Тарховке шикарный особняк, к сожалению, не сохранившийся. Его имя увековечено в названии одной из тарховских улиц, начинающейся от железнодорожной станции Разлив, – Федотовской дорожки. Гонки на озере Разлив проводились регулярно, летом – на яхтах, зимой – на буерах.

Пока существовала гавань и пристань у курорта здесь постоянно обитали яхты Сестрорецкого Парусного кружка и петербургских яхт-клубов. Но после октябрьских потрясений гавань забросили, правда, в советское время сообщение Ленинград – Сестрорецк поддерживали речные «трамвайчики».

В это же советское время яхт-клуб на озере Разлив располагался у Угольного острова. В довоенные времена здесь ходили на яхтах, построенных собственными руками. Самыми знаменитыми строителями яхт были потковы, строившими яхты еще в начале XX века. Это одна из самых знаменитых династий Сестрорецка. Первые Ахрапотковы были переведены в Сестрорецк приказом Петра из Олонецких заводов. Самым знаменитым яхтсменом из Ахрапотковых был Евгений Владимирович, долгое время работавший на Сестрорецком заводе токарем-инструментальщиком. Последняя яхта была построена им и его племянником после во-

йны, где-то в начале 1950-х годов и называлась «Услава».

Ахрапотковы строили не только яхты, но и простые лодки, и буеры, гонки на которых были очень популярны в зимнее время. Буеры были у многих жителей Сестрорецка и у многих были свои яхты, правда, в 1930-е годы многим было не до яхт.

В 1950-х годах интерес к водным видам спорта начал возвращаться. Этому способствовала и политика государства, ему не нужны были хилые и чахлые, были нужны сильные и смелые. Одним из самых известных сестрорецких мастеров яхтинга был Алексей Алексеевич Фёдоров, родившийся в Сестрорецке в 1939 году. Он, как многие жители Сестрорецка работал на Сестрорецком заводе, который после Великой Отечественной войны купил несколько небольших яхт для сестрорецкого яхт-клуба. «Гонялись на яхтах» каждый выходной, и Фёдоров был участником почти всех и побеждал довольно часто. Такой яхтсмен не мог быть не замечен, и вскоре его пригласили в спортивное общество «Водник», а затем он перешел в «Спортивный клуб Армии» – СКА. И вот из сестрорецкого любителя вырос «мастер спорта международного класса» – было такое почетное звание в советском спорте.

Но с годами сестрорецкий Разлив из озера постепенно стал превращаться в болото. Специалисты говорят, что это процесс естественный и противостоять ему очень трудно. Поэтому сейчас на Разливе не видно ни яхт, ни даже простых лодок. Однако есть надежда, что яхт-клуб в Сестрорецке возродится, ведь кроме Разлива рядом существует Финский залив, который по-прежнему радует нас своим непредсказуемыми красотами.

Не мог отстать от Сестрорецка и другой прибрежный центр дачного отдыха – Терийоки. Данных о том, что у финнов здесь был свой яхт-клуб не нашлось, видимо, парусная романтика не слишком привлекала горячих финских парней. Хотя правил без исключений не бывает. Инициатором создания яхт-клуба в Терийоках был адмирал

Н.И. Скрыдлов, который и стал его командором. В уставе клуба было записано, что клуб «имеет целью распространение любви к плаванию на парусных, гребных и других судах». Великий князь Кирилл Владимирович согласился стать «Августейшим покровителем» нового яхт-клуба.

Члены клуба носили «двубортный пиджак гражданского покроя с четырьмя черными пуговицами с каждой стороны, с двумя нашивками из черной шелковой тесьмы вокруг обшлагов рукавов; однобортный жилет и брюки из той же материи; фуражку с лакированным козырьком и овальной кокардой, двубортное пальто военного покроя и накидку с капюшоном и разрезами для рук». Летом носили такую же форму, только белого цвета. Для парадных выходов был предусмотрен смокинг с золотыми пуговицами и нашивками.

Как и во многих других яхт-клубах, в Терийокском существовала специальная комиссия, рассматривавшая «нарушения членами клуба правил чести и приличия». На основании высочайшего повеления рисунок флага клуба морской министр С.А. Воеводский утвердил 16 (ст.ст.) апреля 1909 года.

Свой первый сезон яхт-клуб в Терийоках открыл 5 июня 1910 года регатой на кубок Владимира Рейса – известного в то время яхтсмана. На дистанции от Кронштадта до Терийок участвовали яхты всех петербургских клубов. Летом следующего года состоялась полноценная гоночная неделя. Помимо яхт в ней участвовали рыбацьи лодки и яхтенные тузики. Шторма не обходили стороной спокойную гавань Терийок, в 1913 году шторм повредил яхту «Атаира», принадлежавшую ранее почетному члену Императорского речного клуба г-ну Петерсену.

После 1917 года яхт-клуб перестал существовать, но в гавани еще швартовались небольшие суда. Частично сохранившийся после боев Великой отечественной войны причал служил для теплоходов – речных «трамвайчиков». А при Зеленогорском Доме пионеров

действовала секция любителей парусного спорта «Бригантина». И именно в Зеленогорске появились первые любители виндсерфинга, причем до 1989 года их соревнования проводились ежегодно. При подготовке к проведению Олимпиады 1980 года Зеленогорск рассматривался как один из вариантов проведения олимпийской регаты, но международную комиссию не устроила не очень чистая вода Финского залива. Но Зеленогорск в этом совсем не виноват – просто вода Финского залива никогда не отличалась особой прозрачностью.

Постепенно подходной канал и гавань стало затягивать песком. Поэтому пришлось проводить серьезные исследования и анализ волнового и ветрового режимов, а затем и – дноуглубительные работы. Отсыпали соединительную дамбу, осушили гавань, отрыли экскаваторами глубину гавани до 4 метров, а затем снова заполнили водой. Работы велись в расчете на судно с длиной до 25 метров и осадкой 2 – 3 метра. Затем установили буи подходного фарватера, который был восстановлен по тому же направлению створных знаков, которое существовало еще с советских времен. При этом высота южного оградительного мола составила 3,5 метра,

Яхт-клуб в Зеленогорске действует и сейчас. К услугам яхтсменов – причалы двух типов. Первый – вдоль стенки, для небольших судов. Это понтоны на бетонных поплавках с деревянной палубой. Внутри марины – плавучие железобетонные понтоны для судов побольше, они надежны – система раскрепления позволяет отражать изменение уровня воды, которое в связи с нагонными сезонными наводнениями может достигать 2 метров.

В 2007 году в Зеленогорске проходил чемпионат России в классе «Дракон», в 2008-м – этап рейтинговой регаты в классе Farr 30. А в июне 2009-го можно было полюбоваться финишем кругосветной парусной регаты VolvoOceanRace, который состоялся у рифа Котлинской косы.

Сегодня яхт-клуб «Терийоки» – один из самых современных яхт-клубов Северо-запада. С навигационной точки зрения яхт-клуб расположен в очень привлекательном месте – за дамбой, что позволяет без труда выходить в открытый простор Финского залива, минуя сложную навигационную обстановку Невской губы.

В Териоках большое внимание уделяется вопросам экологии и безопасности, что было недавно отмечено Международной федерацией экологического образования, наградившей яхт-клуб «Терийоки» «Голубым флагом» – символом высокого уровня экологической безопасности.

И сегодня мы можем полюбоваться парусами на Финском заливе, и это не может не радовать.

Список иллюстраций:

- 1. А.К. Беггров. Яхтенные гонки на малом Кронштадтском рейде. 1880.*
- 2. Сестрорецкий яхт-клуб в начале XX в. Коллекция С.В. Ренни.*
- 3. Яхты Сестрорецкого яхт-клуба.*
- 4. Евгений Владимирович Ахрапотков на яхте «Светлана».*
- 5. Разлив Лодочные пристани.*
- 6. Адмирал Н.И. Скрыдлов.*
- 7. Яхт-клуб в Териоках.*

*БАЛАЦЕНКО Юрий Дмитриевич,
старший научный сотрудник
музея-усадьбы И.Е. Репина «Пенаты»*

ЧЕТВЕРОНОГИЕ ДРУЗЬЯ ОБИТАТЕЛЕЙ УСАДЬБЫ И.Е. РЕПИНА «ПЕНАТЫ»

Примерно в 50-ти километрах к северу от Санкт Петербурга на берегу Финского залива находится удивительная усадьба. Она принадлежала великому русскому живописцу Илье Ефимовичу Репину (1844-1930), который прожил в ней почти треть жизни. Имение художника получило название «Пенаты» в честь древнеримских богов – хранителей домашнего очага. На рубеже XIX – XX веков было модно давать экзотические имена дачным усадьбам. Сейчас в ней находится мемориальный Музей-усадьба И.Е. Репина «Пенаты».

Ценность усадьбы «Пенаты», как памятника культуры начала XX века, состоит в том, что в ней бережно сохраняются неповторимые интерьеры и мемориальные вещи, принадлежавшие И.Е. Репину – одному из ярких представителей творческой элиты конца существования Российской Империи. Имение является одним из немногих, дошедших до наших дней, дачных комплексов в окрестностях бывшей российской столицы.

История «Пенат» неразрывно связана с жизнью и творчеством Ильи Ефимовича Репина и изобилует разнообразными эпизодами, иногда забавными, а иногда и трагичными. Более чем столетняя история усадьбы и жизнь ее обитателей были очень не простыми. Что само по себе представляет огромный интерес для современных историков, искусствоведов и краеведов. Поэтому необходимо хотя бы вкратце познакомиться с основными событиями, связанными с возникновением усадьбы, ее дальнейшем существовании и с теми, кто там жил.

Весной 1899 года Репин приобрел небольшое имение на Карельском перешейке в деревне Куоккала (ныне поселок Репино). До 1918 года эта местность принадлежала Великому княжеству Финляндскому, которое входило в состав Российской Империи. Имение, купленное на деньги Репина, было оформлено на имя Натальи Борисовны Нордман (1863-1914), которая в те годы была постоянной спутницей художника. Условия сделки держались в секрете из-за опасения возможных претензий, которые могли возникнуть впоследствии со стороны детей Ильи Ефимовича. Только значительно позже, уже после ухода Натальи Борисовны из жизни, Репин, объясняя свой поступок, писал: - «...из боязни, чтобы по моей смерти ее не выселили мои наследники, я перевел на ее имя «Пенаты». Судьба судила иначе: я все еще живу»¹.

Наталья Борисовна Нордман (литературный псевдоним - Северова), не получив никакого специального образования, была человеком чрезвычайно разносторонним. Она родилась в Хельсинки. Ее отец, по происхождению шведский дворянин, дослужился до чина адмирала на русской службе. Наталья Борисовна в юности уехала в Америку. После возвращения в Россию она стала прозаиком и публицистом. Свои приключения в Новом свете

1. Репин И.Е. Избранные письма в двух томах 1867-1930. Искусство. М. 1969. Т. 2. СС.335-336. Письмо И.Е.Репина П.И. Нерадовскому от 14.09.1922.

Нордман описала в автобиографической повести «Беглянка». Повесть печаталась с иллюстрациями Репина в журнале «Нива» за 1900 год. Наталья Борисовна придерживалась самых передовых взглядов для своего времени, выступая в защиту прав женщин, проповедуя вегетарианский образ жизни и идеи эмансипации прислуги. Эти темы нашли отражение в многочисленных брошюрах, вышедших из-под пера Натальи Борисовны. Но «наибольший успех – по мнению старейшего сотрудника музея «Пенаты» Е.В. Кириллиной – принесли Нордман занятия фотографией, которую она освоила на курсах при Русском техническом обществе»². Благодаря этому увлечению Натальи Борисовны, повседневная жизнь репинской усадьбы, дошла до нас в мельчайших подробностях, запечатленная на ее фотографиях.

Сразу же после оформления купчей на усадьбу, на ее территории были начаты работы по перестройке дома и благоустройству близлежащей земли. Они продолжались в течение значительного времени. Последним сооружением в «Пенатах» стал артезианский колодец глубиной 72 метра, вырытый весной 1914 года на берегу пруда, и названный Репиным «Посейдон». Во время реконструкции дом был приспособлен к работе художника-живописца и приобрел причудливый вид.

По проектам Ильи Ефимовича был построен не только его сказочный терем, но и собачья будка, которая предстает перед зрителями на фотографиях Натальи Борисовны. Как сам Репин, так и Нордман любили собак. Наталья Борисовна была одной из первых защитниц прав животных в России. На многих фотографиях, сделанных Натальей Борисовной и заезжими фотографами, перед зрителями предстает как сам не обычный усадебный дом, так его обитатели и гости. И среди них часто мелькают четвероногие друзья хозяев имения.

Кроме Ильи Ефимовича, Натальи Борисовны, сына Репина Юрия Ильича и его семьи в усадьбе жили и их верные спутники. Это одноглазый черный королевский пудель Мик, и названные в честь хозяйки – огромный лохматый Норд и миниатюрный Натик. Причем Норд и Натик вошли в историю усадьбы не только на фотографиях, но и на полотнах Ильи Ефимовича, а вот облик Мика можно увидеть только на фотографиях.

Лидия Чуковская, вспоминая свое детство в Куоккале, писала: — «Разумеется, мы хорошо знаем всех окрестных собак, финских и русских, включая репинского одноглазого пуделя Мика ...»³. О прекрасной жизни Мика в ту пору, когда хозяйкой имения была Наталья Борисовна, можно прочитать в воспоминаниях – «Пенаты» Гая Юрьевича Репина. «...Мика каждую неделю купали и привязывали чистый свежий бант. Остриженный по последней собачьей моде, он лежал на мягкой подушке у камина»⁴. О его трагической кончине будет сказано ниже.

К категории не только друзей, но и помощников хозяев усадьбы можно отнести и лошадь, изображение, которой также осталось на фотографиях. Одним из лучших снимков можно считать тот, на котором она запряжена в санки, которыми управляет сам Репин. История появления в усадьбе ломовой лошади, весьма занятна, поэтому на ней стоит остановиться чуть подробнее.

В конце мая 1909 года на площади перед Николаевским (ныне Московским) вокзалом Санкт-Петербурга был открыт памятник императору Александру III. Это событие, став знаменательным в художественной и общественной жизни России, вызвало в обществе острые споры. «Вместо обычного полубога на скачущем коне, пышущем огнем, перед празднично настроенной публикой оказался грузный «мужик» с туповатым лицом, на крепкой и мало живописной лошади из породы битюгов»⁵.

Репин, присутствовавший на открытии памятника, как вспоминал К.И. Чуковский «в ту минуту, как увидел его, закричал: «Верно! Верно! Толстозадый солдафон! Тут он весь, тут и

2. Кириллина Е.В. Репин в «Пенатах». Лениздат. 1977. С.14.

3. Чуковская Л.К. Памяти детства. Лимбус Пресс. СПб. 2001. С.20.

4. Репин Г.Ю. Пенаты. Архив Юрия Репина в Музее-усадьбе И.Е.Репина «Пенаты». Машинопись. С.15.

5. Кириллина Е.В. Репин в «Пенатах». Лениздат. 1977. С.109.

все его царствование!⁶»

Автор конного памятника Императору князь Паоло (Павел) Петрович Трубецкой (1866-1938), после завершения работы над памятником, подарил Репину ломовую лошадь, которую он использовал в качестве модели для конной статуи. Репин был рад щедрому подарку князя, «называл лошадь Любой, или, почтительно, «Любовью Павловной»⁷.

Очень живописную зарисовку из жизни Любы оставил внук Ильи Ефимовича в своих воспоминаниях. «Помню, – писал Гай Юрьевич Репин, – когда она [Нордман] садилась в поданную коляску или сани, кучер Язя вел себя необыкновенно шумно, бил в ладоши или барабанил кнутами по передку коляски – это все для того, чтобы лошадь не услышала голоса Нордман, которая не разрешала пользоваться кнутом. Кобыла «Люба», (так звали высокую гнедую лошадь) знавшая хорошо свою добрую хозяйку, определив по голосу, кого везет, отказывалась бежать и шла шагом. Несмотря на то, что такое поведение лошади значило опоздание на поезд и потерю целого дня, Нордман не соглашалась прибегнуть к кнуту»⁸. В этом коротком эпизоде хорошо видно, как на деле Наталья Борисовна защищала права животных, даже в тех случаях, когда ее действия причиняли вред ей же самой.

Илья Ефимович высоко оценивал князя как выдающегося скульптора, несмотря на столь эмоциональную оценку его произведения.

Позже, когда пресса в своих напаках на автора и его памятник дошла до крайностей, предлагая взорвать монумент, Репин стал прославлять произведение Паоло Трубецкого. В те годы П.П. Трубецкой пользовался огромной популярностью в художественной среде Москвы и Санкт-Петербурга. Как раз в это время Илья Ефимович, особенно сблизившись со скульптором, написал в 1908 году его живописный портрет. Ныне он находится в Риме, украшая Национальную галерею современного искусства.

Собак же писать Илья Ефимович начал на заре своей творческой карьеры. Небольшую акварель 1861 года, изображавшую путника с собакой, идущих по улице Чугуева, города, где родился И.Е. Репин, вероятно, можно считать первой работой начинающего художника, на которой зритель видит небольшого черного пса с гордо задраным вверх хвостом. В те годы Репин в основном выполнял заказы на иконопись и росписи церквей. Воспоминания раннего детства о родительском доме в Чугуеве нашли отражение в эпистолярном наследии живописца «Далекое близкое». «А какой у нас собачище Разбой – огромный как волк; все говорят: на волка похож – серый и голос страшно громкий: все бояться нашего Разбоя», – писал Репин⁹. Вероятно, сидящий Разбой, или похожий на него пес изображен на рисунке перед домом семьи Репиных.

Всего несколько лет отделяет чугуевскую акварель от полноценной живописной картины 1864 года – «Приготовление к экзамену», написанной Репиным перед поступлением в Академию Художеств. Мирно спящий на ковре пес, подчеркивает непринужденную атмосферу, царящую в комнате, где нет и речи о каком-либо изучении наук. Полотно «Проводы новобранца» 1879 года стало одним из знаковых работ Репина. Его украшают образы двух прекрасных дворян. Одна, сидя рядом с телегой, внимательно наблюдает за тем, что происходит на подворье. Вторая же стоит, понуро опустив голову, спиной к зрителю и смотрит на будущего солдата. Вид второго пса как бы подчеркивает тяжесть момента расставания молодого парня с окружающими.

После покупки в 1892 году Репиным имения «Здравнево» недалеко от Витебска появились еще две картины, на которых изображен четвероногий друг художника. Это портрет любимой охотничьей собаки Ильи Ефимовича Пегаса 1894 года и портрет дочери Репина Надежды с Пегасом на берегу Западной Двины в лунную ночь 1896 года. Облик Пегаса до-

6. Кириллина Е.В. Репин в «Пенатах». Лениздат. 1977. С.110.

7. Кириллина Е.В. Репин в «Пенатах». Лениздат. 1977. С.111.

8. Репин Г.Ю. Пенаты. Архив Юрия Репина в Музее-усадьбе И.Е.Репина «Пенаты». Машинопись. С.5-6.

9. Репин И.Е. Далекое близкое. АХ СССР. М.1960. С.48.

шел до нас и на фотографиях, где он сфотографирован вместе Репиным.

Необходимо отметить, что Пегаса изображал не только сам Репин, но и его сын Юрий Ильич, который также был одаренным художником. Сидящий у стола в кругу семьи Пегас — несомненная удача начинающего живописца.

Свои собаки были и у Юрия Ильича. Одну из них можно увидеть на фотографии К.К. Буллы, сделанной в парке «Пенат» в 1912 году. Внуки Репина Гай и Дий сидят в санках, в которые запряжена охотничья собака Юрия Репина. Стоящий на заднем плане Илья Ефимович, наблюдает за этой сценой в сопровождении черного королевского пуделя Мика.

Ко времени, когда в «Пенатах» уже в полной мере бурлила жизнь, относится портрет Н.Б. Нордман 1903 года. Хозяйка «Пенат» работает за столом, сидя спиной к зрителю. Справа от нее на стуле сидит, зевающий Натик. При создании этого портретного полотна, Репин применил не совсем обычный живописный прием. Зритель, не видя лица Натальи Борисовны, может о нем судить только по бронзовому бюсту работы Репина, изображенному на заднем плане картины. Бюст Натальи Борисовны считается одним из лучших скульптурных произведений Ильи Ефимовича, которое и сейчас украшает экспозицию музея.

К 1908 году относится портрет Норда, стоящего, вероятно, на берегу Финского залива. Портрет под именем «Собака Норд» был выставлен на проходившей в залах Общества поощрения художников Санкт-Петербурга 36-й выставке Передвижников.

На многочисленных фотографиях, сделанных в «Пенатах» можно увидеть и четвероногих гостей усадьбы. Так князь Паоло Трубецкой сфотографирован с небольшой белой собачкой, а всемирно известный русский певец Ф.И. Шаляпин с черным французским бульдогом Булькой, который был его постоянным спутником в «Пенатах». Федор Иванович вместе с Булькой позировал Репину. Но портрет, по мнению самого художника, вышел неудачным, поэтому он его записал, оставив без изменения только пса. Об удивительной трансформации образа Шаляпина написал в своем дневнике К.И. Чуковский, посетивший Репина в октябре 1917 года. «Он [Репин] вытащил несуразную голую женщину, с освещенным животом и закрытым сверху туловищем. У нее странная рука — и у руки собачка. — Ах, да ведь это шаляпинская собачка! — воскликнул я. — Да, да... это был портрет Шаляпина... Не удался... Я вертел и так и сяк... И вот сделал женщину...»¹⁰.

При изучении материалов, относящиеся к жизни И.Е. Репина и его близких в «Пенатах», нигде нет упоминаний о кошках. Нет их на полотнах Ильи Ефимовича и на фотографиях. В сельской местности, в отличие от города, всегда много мышей, а кто как не умелый кот может лучше всех с ними справиться. Полное отсутствие котов в загородном доме явление довольно необычное. Но эта загадка получила довольно простое решение, связанное с тем, что как указывалось выше, Наталья Борисовна была защитницей животных. Разгадка этой «тайны» обнаружилась в воспоминаниях о Передвижниках, написанных художником Я.Д. Минченковым (1871-1938). Яков Данилович первый раз попал в «Пенаты» в сопровождении художника-пейзажиста Ефима Ефимовича Волкова (1844-1920), который был частым гостем у Ильи Ефимовича. Сам репинский дом, который Минченков увидел впервые, ему не понравился. Он посчитал, что в результате постоянных реконструкций дома, «постройка разрослась и стала нескладной, дешевой по стилю»¹¹. К портрету Натальи Борисовны с Натиком он тоже отнесся критически, написав: — «Рядом с ней [Нордман] на стуле, но мордочкой к зрителю — собачка, зевающая во всю собачью пасть. Прекрасно написанные язык и пасть собачки убедительно передают заразительную зевоту. Кажется, что зевает и Нордман за своим писанием, зевал, вероятно, и Репин, писавший эту скучную картину»¹². А в конце визита, когда гости стали разъезжаться, Ефим Ефимович, вероятно, отвечая на

10. Чуковский К.И. Дневник. 1901-1921. М. Прозаик. 2011. С.222.

11. Минченков Я.Д. Воспоминания о передвижниках. Художник РСФСР. Л. 1959. С.176.

12. Минченков Я.Д. Воспоминания о передвижниках. Художник РСФСР. Л. 1959. С.177.

вопрос Якова Даниловича, объяснил, почему в усадьбе Репина не было котов. Этот забавный рассказ Волкова приведен в воспоминаниях так, как его услышал автор: – «Завелись они [мыши] у Ильи. Что делать? Сказано «не убий», и объявила Нордман, чтобы мышей ловили и уносили в поле. Ну да, вот-вот! За мышью полтинник! А вышло так, что поймают мышью, отнесут в поле, а оттуда обратно – и опять полтинник, без конца! Доходной статьёй она стала! Вот то-то и есть!»¹³.

Кроме того, что обитатели «Пенат» любили собак, стала понятна еще одна и, наверное, основная причина отсутствия кошек. Наталья Борисовна, активно защищая права животных, выступала против насильственной ликвидации даже мышей, а кошки по своей природе – истребители грызунов. Появились ли кошки в доме Репина после кончины Нордман или нет, история умалчивает. Во всяком случае, на сегодняшний день, не известны какие-либо источники, где на этот вопрос можно найти ответ. Если же судить по творчеству Ильи Ефимовича и многочисленным фотографиям, то представителей кошачьего племени нет ни там, ни там. Поэтому вряд ли кошки обосновались на территории усадьбы при жизни Репина.

Жизнь четвероногих любимцев имения Репина можно сравнить с тем, как проводили время собаки, обитавшие на даче Владимира Михайловича Бехтерева (1857-1927) «Тихий берег». Его усадьба находилась в деревне Ино (ныне Смолячково). Великий русский психиатр и физиолог В.М. Бехтерев был хорошим знакомым Ильи Ефимовича. Его портрет кисти Репина 1913 года украшает собрание Государственного Русского музея. Дочь академика Ольга Владимировна вспоминала: «У нас всегда было много дворовых собак. Мама любила их, но отец не уделял им никакого внимания и никогда не кормил. Однако стоило ему взять направление к морской аллее, как все собаки (их было штук пять) бросались его сопровождать. Занятый корректурой, отец шел по аллее очень медленно и даже иногда останавливался. За ним по пятам (одна за другой) двигалось собачье шествие, останавливаясь вместе с ним и поворачивая в конце аллеи в обратную сторону. Они все шли с опущенными головами и хвостами, как бы исполняя серьезную обязанность и, сколько бы ни продолжалась прогулка, они оживали только тогда, когда отец прятал корректуру в карман и поворачивал к дому. Тогда, исполнив свой долг, они убегали вперед, и на другой день все повторялось точно также»¹⁴. Ольга Владимировна нередко вместе с отцом навещала Репина в «Пенатах». До Куоккалы «было что-то верст тридцать на лошадях по сыпучим пескам. Ездили за лето раза два и на Ильин день уже обязательно»¹⁵.

Какая судьба постигла Натика и Норда после ухода из жизни Н.Б. Нордман неизвестно. Во всяком случае, в письменных источниках, доступных на сегодняшний день исследователям таких данных нет. А вот о жизни полной лишений и невзгод пуделя Мика и его трагической гибели можно узнать из воспоминаний Гая Юрьевича Репина. Внук великого живописца описал жизнь пса полную драматических подробностей: «Вообще после смерти Нордман многое в Пенатах ... стало терять свой смысл и значение ... страдало хозяйство, страдала прислуга, ибо дедушка, занятый своей работой, был далек от всего ... Особенно сильно пострадал, я считаю, комнатный пес, черный пудель Мик. Если раньше о нем заботились, то теперь прислуга всячески над ним издевалась. Кончилось дело тем, что кто-то из соседей, обвинив Мика в том, что он якобы задавил курицу, потребовал у Репина денежного возмещения. Репин, заплатив соседке за курицу, приговорил Мика к смерти через повешение. И собственноручно повесил Мика на суку одной из трех сосен, под которыми были найдены следы Микиного преступления, пух и перья»¹⁶.

В этой драматичной истории наглядно проявился неровный характер И.Е. Репина, когда он, вероятно, действовал под воздействием сиюминутных эмоций. Надо полагать, что уход из жизни Натальи Борисовны очень сильно повлиял на уже не молодого художника. К.И.

13. Минченков Я.Д. Воспоминания о передвижниках. Художник РСФСР. Л. 1959. С.178.

14. Чудиновский А.Г. В.М.Бехтерев. Жизнеописание. Киров. 2000. С.145.

15. Чудиновский А.Г. В.М.Бехтерев. Жизнеописание. Киров. 2000. С.147.

16. Репин Г.Ю. Пенаты. Архив Юрия Репина в Музее-усадьбе И.Е.Репина «Пенаты». Машинопись. СС.15-16.

Чуковский, посетивший Репина в начале 1925 года, приводит в дневниковых записях слова Ильи Ефимовича: «Самое лучшее время было, когда была жива Наталья Борисовна, когда вы тут жили ... Тогда здесь было много художников и литераторов ... А потом никого»¹⁷. Вероятно, эмоциональная нестабильность психики привела к убийству собственной в прошлом любимой собаки.

В целом 1914 год стал переломным и для России, и для Репина. Начавшаяся война, а потом и революция все изменили в жизни страны и отдельных людей, не избежал этой участи и стареющий живописец. Илья Ефимович, прожив в «Пенатах» три десятилетия, был здесь же похоронен на том месте, которое он сам выбрал для будущей могилы.

17. Чуковский К.И. Дневник. 1922-1935. М. Прозаик. 2011. С.199.

Общий вид на участок Подменера/Демидова. Фото М. Г. Никитина начала 1910-х гг. из коллекции С. Ренни

ра Евгения Клементьевна вышла замуж за бравого гусара Гродненского полка А. Демидова и получила в приданное, в частности, восточную половину усадебного участка в Ваммельсуу (ныне Серово). Западную часть участка К.Г. Подменер оставил за собой.

Участок Подменера/Демидова в Ваммельсуу включал несколько больших и малых зданий и парк, земля для которого была специально привезена из черноземной зоны Украины.[1] По мнению коллекционера С. Ренни, именно по заказу Подменера была выпущена серия открыток «Привет из Ваммелсуу», отпечатанная в издательском доме Клуберга (Выборг). Не очень широко, но это практиковалось у дачников, владельцев вилл и пансионатов. Речь шла не о рекламе, а о некоем «шике» - посылать письмо на открытке с видом собственной виллы.

Была на участке и часовня, приписанная к церкви Святителя и Чудотворца Николая в Райволе. В клировой ведомости райволовской церкви за 1884 год указано: «Имеется в сем приходе в 8-ми верстах по шоссейной дороге часовня во имя Св. Равноапостольного Князя

Главное усадебное здание на участке А. П. Демидова. Фото А. Браво, 2014 г.

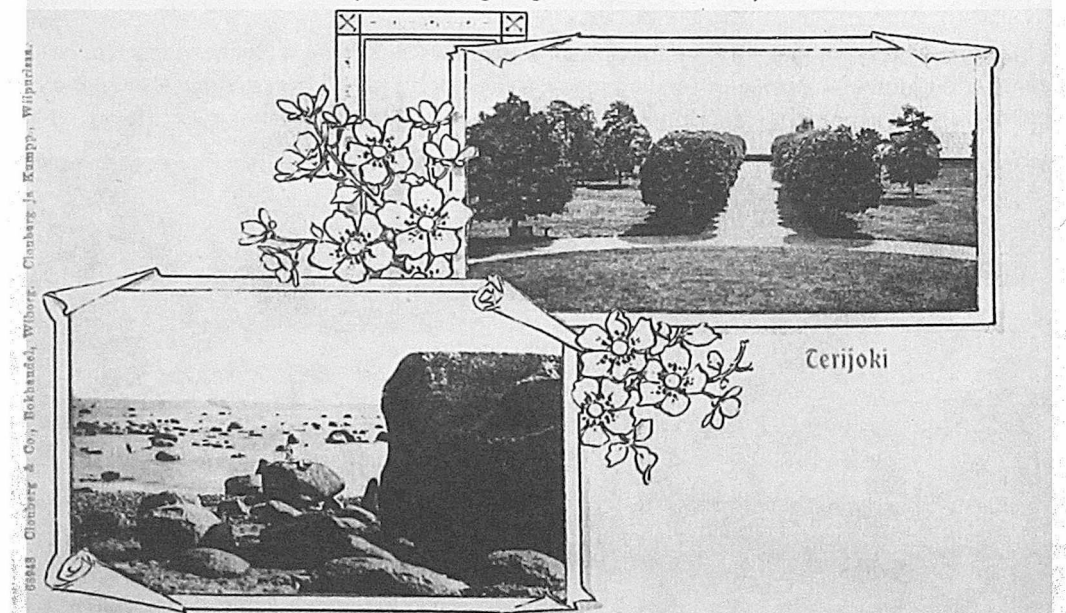

Усадьба К. Г. Подменера. Открытка 1902 г. из коллекции С. Ренни

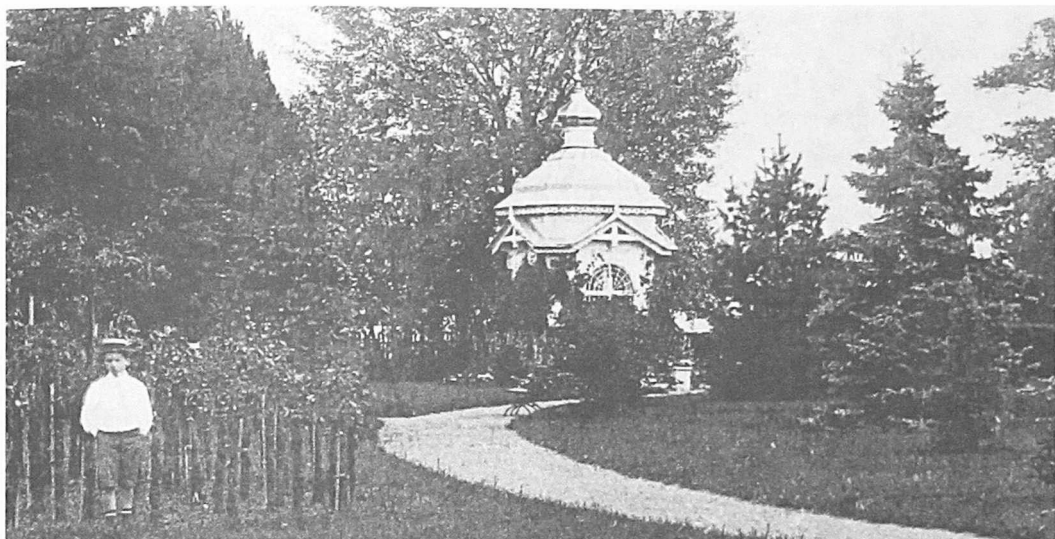
Владимира, в имении Маяжского 2-й гильдии купца К. Подменер в деревни Вамельсу, освященная 15-го Июля 1882 года».[2]

Историческая фотография часовни, сделанная со стороны усадьбы, была недавно найдена в финском издании, посвященном истории волости Уусикиркко.[3]

Самое удивительное заключается в том, что часовня эта сохранилась. Если обойти участок вдоль залива, то можно увидеть перестроенное, но легко узнаваемое здание. Сохра-

Парк на участке Подменера. Открытка из серии «Привет из Ваммелсу»

Часовня в парке Подменера

нившиеся фрагменты наружного декора, оформление оконных проемов, расположение оси здания однозначно говорят о том, что перед нами деревянная часовня конца XIX-го века. Только к этой постройке со стороны залива сделана каменная отмостка. Пристройка с восточной стороны на столбчатом и зашитом досками фундаменте была сделана уже в советское время.

Перестроенная часовня. Фото А. Браво, 2014 г.

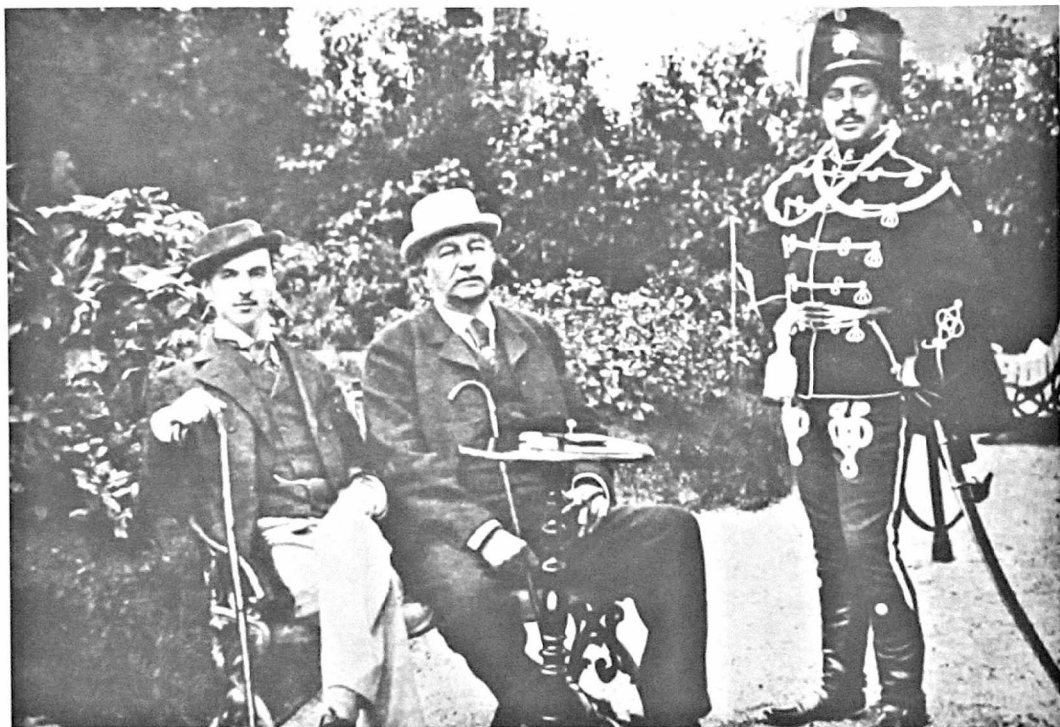

Каменная отсыпка, ведущая к бывшей часовне.
Фото А. Браво, 2014 г.

Несколько слов о владельцах дачной усадьбы в Ваммельсуу (ныне п. Серово).

Клементий Григорьевич Подменер, потомственный почетный гражданин, член правления страхового общества «Россия», совладелец Чонгарских соляных промыслов, купец 2-й гильдии. Его огромный дачный участок был хорошо известен. Леонид Андреев, имевший дачу неподалеку, писал: «Подменеровский сад и дача изображены мною весьма фантастически, но с сохранением настроения в рассказе «Он»».[4]

Зять К.Г. Подменера Анатолий Павлович Демидов (1874 - 1943), третий сын Павла Павловича и Елены Петровны Демидовых, названный в честь знаменитого дяди Анатолия Николаевича, родился 31 октября 1874 г. в имении Сан-Дonato и был крещен там же, в Никольской церкви, 1 декабря 1874 г. Его крестным отцом стал шталмейстер Его Императорского Величества граф Григорий Александрович Строганов, а крестной матерью – племянница Наполеона принцесса Матильда. От брака А.П. Демидова с Евгени-

Сыновья Павла Павловича Демидова князя Сан-Дonato: слева – Элим (Елим) Павлович, справа – Анатолий Павлович. В центре – Анатолий Октавович Жонес де Слонвиль, управляющий демидовскими заводами

ей (домашние и друзья называли ее Эжени) Клементьевной Подменер (1871-1958) на свет появились три дочери: Елена (1901-1970), Евгения (1902-1955) и Аврора (1909-1944). И, если первая дочь, вышедшая замуж за Поля Жоффруа (1903-1991), детей не оставила, то Евгения Анатольевна, в замужестве за Жаном Жербером (1905-1981), и Аврора Анатольевна, в замужестве за Жаном Жиро (1912-1962), имеют многих потомков, проживающих во Франции.

Э. Кяхёнен в своей книге «Прежние Терийоки» писала: «Князь Демидов Сан Донато также принадлежал к высшему свету терийокской эмиграции, хотя жил на стороне Ваммельсуу. Ещё до революции он владел дачей на побережье.<.>. Там же он жил ещё и после революции. У княгини были ценные украшения, в т.ч. и драгоценное ожерелье, которому в Финляндии не нашлось покупателя. Его переправили для продажи в Германию, но как только сделка совершилась, немецкие деньги потеряли ценность и княгиня лишилась огромного состояния. Князь был коллекционером. В его наследстве было в т.ч. 400 тростей, от суковатой дубины до трости с золотым набалдашником. После смерти князя княгиня с дочкой переехала во Францию, где у них тоже была дача».[5]

После войны в усадьбе А. П. Демидова был дом отдыха Ижорского завода.

В настоящее время территория усадьбы находится в ведении Санкт-Петербурга. Учитывая, что чудом дожившее до наших дней постройка на территории этой усадьбы является единственной сохранившейся деревянной православной часовней XIX-го века на всем Карельском перешейке, краеведы Курортного района считают необходимым сохранить ее и восстановить ее исторический облик. Эту инициативу поддержал глава администрации Курортного района Санкт-Петербурга А.В. Куимов.

Литература.

1. Л. Андреев. «SOS» дневники, письма, стр.442
2. Клировая ведомость По Райволовской Николаевской, что в Финляндии, Церкви за 1884

год, <http://ristikivi.spb.ru/docs/raivola-church-1884.html>

3. «Уусикиркко», составитель Арви Коли (Uusikirkko - kylät kujasineen. Arvi Koli, 1990)
4. Л. Андреев. «SOS» дневники, письма, стр.108
5. Э. Кяхёнен. «Прежние Терийоки»

Список иллюстраций:

1. Фрагмент топографической карты 1930-х г. с отмеченной территорией усадьбы Подменера/Демидова.
2. Общий вид на участок Подменера/Демидова. Фото М. Г. Никитина начала 1910-х гг. из коллекции С. Ренни
3. Главное усадебное здание на участке А. П. Демидова. Фото А. Браво, 2014 г.
4. Усадьба К. Г. Подменера. Открытка 1902 г. из коллекции С. Ренни
5. Парк на участке Подменера. Открытка из серии «Привет из Ваммелсуу»
6. Часовня в парке Подменера [3]
7. Перестроенная часовня. Фото А. Браво, 2014 г.
8. Каменная отмостка, ведущая к бывшей часовне. Фото А. Браво, 2014 г.
9. Сыновья Павла Павловича Демидова князя Сан-Дonato: слева – Элим (Елим) Павлович, справа - Анатолий Павлович. В центре - Анатолий Октавович Жонес де Спонвиль, управляющий демидовскими заводами
10. Дом отдыха Ижорского завода в Тюрисея (Ушково), 1948 г.

*ВИЗИРЯКО Татьяна Николаевна,
филолог, библиотекарь санатория «Черная речка»*

УЗОРЫ ВРЕМЕНИ, ИЛИ О ЧЁМ ГОВОРЯТ ЛИТЕРАТУРНЫЕ ПРОТОТИПЫ

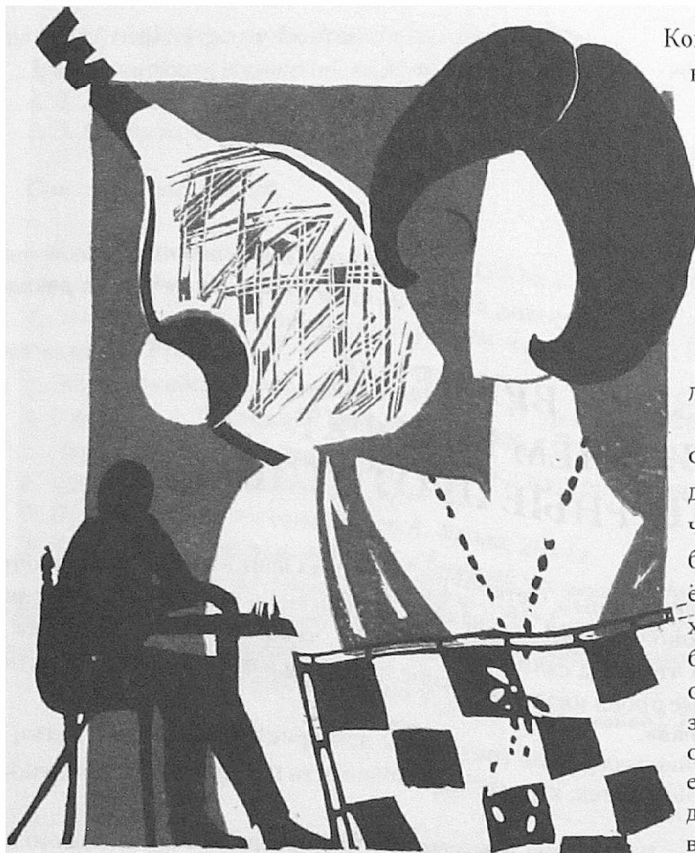
«Финляндией дышал дореволюционный Петербург», – писал Осип Мандельштам в книге «Шум времени». Там же он дополняет: «Я всегда смутно чувствовал особенное значение Финляндии для петербуржца и что сюда ездили додумать то, что нельзя было додумать в Петербурге, нахлобучив по самые брови низкое снежное небо и засыпая в маленьких гостиницах, где вода в кувшине ледяная».

Были на Карельском перешейке маленькие гостиницы для приезжающих «додумать», а еще дачи людей более состоятельных, тех, кто мог себе позволить построить себе за границей маленькое царство.

Дача Павла Николаевича Милюкова, историка, одного из организаторов и лидера конституционно-демократической партии, редактора газеты «Речь», министра иностранных дел Временного правительства, стояла на левом берегу Черной речки, по соседству с домом Леонида Андреева. Павел Николаевич очень любил свой живописный домик, считал, что лучшего сочетания особенностей всей Финляндии в миниатюре не найти нигде, и с удовольствием приглашал сюда, зимой и летом, гостей, друзей и соратников по партии. Здесь наверняка бывал и его молодой единомышленник, соратник по партии кадетов, юрист, человек незаурядных способностей и подающий большие надежды парламентарий Владимир Дмитриевич Набоков, отец будущего писателя Владимира Набокова.

В жизни нет ничего случайного, и через много лет, в эмиграции Владимир Дмитриевич Набоков спас Павла Николаевича Милюкова от смерти, заплатив за это собственной жизнью.

Когда во время лекции в Берлине на П.Н. Милюкова было совершено покушение, Владимир Дмитриевич, не раздумывая, заслонил его собой.

Обратимся к Набокову – писателю. В романе 1929 года «Защита Лужина» есть загадочный образ Леонида Андреева на финляндской земле Карельского перешейка.

Набоков пишет: «И затем в Финляндии, оставшейся у неё в душе, как что-то более русское, чем сама Россия, оттого может быть, что деревянная дача и ёлки, и белая лодка на черном от хвойных отражений озере, особенно замечались, как русское, особенно ценились, как что-то запретное по ту сторону Белоострова, - в этой, еще дачной, еще петербургской Финляндии она несколько раз издали видела знаменитого писателя, очень бледного, с отчетливой

бородкой, всё посматривавшего на небо, где начинали водиться вражеские аэропланы». Из дневника писателя мы знаем, что осенью 1919 года, уставший от революционного бардака, больной измученный писатель, «запертый» в своём холодном доме в Вамельсуу, оказался посреди гражданской войны в Финляндии. Немецкие солдаты из Балтийской дивизии фон дер Гольца рыли окопы в его огороде, а красные военлёты из Кронштадта усердно их бомбили. Потрясённый происходящим, напуганный Леонид Николаевич с семьёй бежал из дома, подальше от войны, и волею судеб оказавшись в Мустамьяках, поселился на даче своего знакомого, писателя и драматурга Ф.Н. Фальковского. Неоднократное упоминание в романе Набокова об Андрееве, «певце» разрушения, разложения, ненадолго пережившего окончательную гибель «старого мира», не случайно. Образ Андреева для Набокова – воплощение ушедшей России.

Казалось бы – какая связь? Леонид Андреев был знаменитейшим писателем, властителем дум, в то время как Владимир Набоков в 1919 году был совсем юным человеком, автором своего первого поэтического сборника. И отношение к Финляндии у него двойственное. Например, существует такая запись, правда не вошедшая в биографическую книгу: «Это было чудовищное, чудовищное путешествие. Поистине чудовищное. Помнится, впервые за свою более или менее сознательную жизнь я провел целый день без ванны». Речь идет о школьной экскурсии Тенишевского училища в 1915 году в Финляндию. Как видим, кувшины с ледяной водой не вдохновляли юного отпрыска аристократической фамилии, в отличие от его не менее знаменитого соученика по училищу. Но тем не менее в 1929 году, через 10 лет после смерти Андреева создан точный, запоминающийся образ. Откуда? Ответ пришел с неожиданной стороны, и катализатором послужили иллюстрации к роману «Защита Лужина» нашей соотечественницы, уроженки Карельского перешейка Валерии Ярцевой.

Валерия создала замечательные работы в технике линогравюры, которые побудили и роман перечитать, и задуматься над ним. Обратимся к роману и к прототипам главного героя его - гроссмейстера Лужина.

Владимир Владимирович Набоков любил подчеркивать, что родился «в один день с Шекспиром и через сто лет после Пушкина», упоминая имена-символы двух великих литератур, которым сам равно принадлежит. В русскую он вошел как Владимиръ Сиринь, литературное существование которого прекратилось в 1937, когда начал публиковаться его последний роман «Дар». В Америке он прославился как Vladimir Nabokov, пишущий на английском и даже внешне сильно отличающийся от Сирина.

Бабочки и шахматы стали символами его творчества. Он любил выискивать узоры судьбы, потаенную симметрию в собственной биографии. И вот – как два крыла бабочки, симметричны друг другу русская и английская половины его творчества. Словно клетки на шахматной доске – восемь по горизонтали, восемь по вертикали – выстраиваются его восемь русских и восемь английских романов. Набоков серьезно увлекался шахматами. Он был достаточно сильным практическим игроком и опубликовал ряд интересных шахматных задач. В их составлении писатель ощущал нечто родственное литературной работе; шахматные задачи для него – приглашение к творчеству, и не пройди он школу шахматной композиции, кто знает, смог ли бы он написать свои зрелые шедевры.

Революция 1917 года заставила Набоковых перебраться в Крым, а затем, в 1919-м, эмигрировать из России. С 1922 года Набоков становится частью русской диаспоры в Берлине, в берлинских газетах и издательствах, организованных русскими эмигрантами, печатаются рассказы Набокова.

Именно в Берлине появляется один из шедевров Набокова – роман «Защита Лужина». Герой Набокова – русский эмигрант, гениальный шахматист, гроссмейстер, творческая личность – переживает трагедию несовместимости созданного им шахматно-музыкально-творческого мира с реальной жизнью.

По мнению многих исследователей творчества Набокова, Александр Иванович Лужин представляет собой одного из очень немногочисленных набоковских героев, наделенного чертами реального человека. Роман представляет собой историю жизни Лужина, начиная с детских лет и кончая его смертью.

Разумеется, литературное произведение – не документальное повествование, и образ главного героя является собирательным. Однако у него есть реальные прототипы.

Один из них Курт Барделебен, немецкий шахматист, теоретик и литератор, в 1924 году покончивший с собой, выбросившись из окна. Этот поступок потряс Набокова.

По своему внешнему облику мешковатого, неуклюжего человека Лужин сходен с польским гроссмейстером Акибой Рубинштейном, который часто был жертвой своих собственных нервов. Допускал грубейшие ошибки в результате переутомления. Тем не менее, те результаты, которых он достиг, свидетельствуют о блестящей силе этого шахматного дарования.

Некоторые житейские перипетии юного Лу-

жина напоминают юность самого Набокова.

Многие исследователи этого образа считают, что основным прототипом Лужина послужил чемпион мира тех лет, знаменитый гроссмейстер Алехин. Однако ни во внешнем облике, ни в образе жизни Лужин ничего общего с ним не имеет. Набоков, создавая образ Лужина, «позаимствовал» для него у Алехина саму манеру шахматной игры (за которой несколько раз пристально наблюдал, присутствуя на турнирах). «Прозрачность и легкость лужинской мысли» соответствует алехинской игре. Она «расходится словно веером, который будет сложен лишь в момент последнего удара» по выражению Зноско-Боровского.

И здесь мы подошли еще к одному из реальных прототипов героя романа – Евгению Александровичу Зноско-Боровскому.

Евгений Александрович Зноско-Боровский как раз имеет отношение к русской Финляндии самое непосредственное. Общение с этим человеком, любившим Карельский перешеек, пережившим там счастливые минуты своей жизни, пожалуй, оказало влияние на Владимира Набокова.

Кто же такой Евгений Александрович Зноско-Боровский? Начнем с того, что он проживал в имении Мариоки на берегу Черной речки после кончины М.В. Крестовской. Здесь родился его единственный сын Кирилл. Крестным отцом Кирилла был Евгений Эпафродитович Картавцов. Жена Зноско-Боровского, актриса Мария Филаретова-Багрова (сценическое имя) была членом труппы Всеволода Мейерхольда, гастролировавшего в Териоках, она позировала для посмертного памятника Марии Всеволодовне Крестовской. Евгений Эпафродитович был благодарен молодой семье Зноско-Боровских за бескорыстие и понимание, и за память ученицы театрального курса Марии Филаретовны к Марии Крестовской.

Зноско-Боровский – один из исследователей театра эпохи Серебряного века. Журналист, секретарь редакции литературно-художественного журнала «Аполлон» (1910-1912), литературный и театральный рецензент, драматург.

Е.А. Зноско-Боровский оставил свое имя в самых громких мифах культуры Серебряного века, например, в истории легендарной Черубины де Габриак: вместе с Михаилом Кузминым он был секундантом Николая Гумилева на его дуэли с Михаилом Волошиным на Черной речке 22 ноября 1909 года. В 1920 году, подобно многим, он попадает в Берлин, где возвращается к литературному творчеству. В 1925 г. пражское издательство «Пламя» выпустило его книгу «Русский театр XX века» – исторический очерк российской драмы всех направлений и течений, сохраняющий свое научное значение и поныне.

Евгений Александрович был разносторонне талантлив, главным своим призванием он считал поэтическое, но на поприще шахматном оставил след не менее яркий.

Говоря о разнообразных талантах Зноско-Боровского, нельзя обойти внимани-

ем страсть к шахматам, захватившую его еще в юности. Уже в 1903 году, в 19-летнем возрасте, он стал, говоря современным языком, чемпионом Петербурга, победителем турнира сильнейших петербургских шахматистов. В 1906 году он получил звание мастера, в 1911-ом стал одним из победителей турнира петербургских и московских шахматистов, время от времени публиковал свои теоретические исследования на страницах специальных изданий.

Помимо шахматных отделов, которые он на протяжении многих лет вел в различных периодических изданиях, Зноско-Боровский основал Русский шахматный кружок в Париже в эмиграции.

Шахматами увлекались, и не на шутку, и его братья, Сергей и Николай, но его страсть к шахматам была захватывающей, и он достиг наибольших результатов. Любителям шахматной игры известно, что Евгений Александрович Зноско-Боровский является единственным российским шахматистом, который выиграл партию у Капабланки во время его гастролей в России в 1913 году.

К слову говоря, выдающегося русского шахматиста Александра Алехина, непобежденно-го чемпиона мира, и Евгения Александровича Зноско-Боровского связывала многолетняя дружба, закрепленная не только совместными партиями, но и регулярными репортажами и статьями Зноско-Боровского о карьере Алехина. Венцом этой шахматной темы в его литературном творчестве стала книга «Капабланка и Алехин. Борьба за мировое первенство в шахматах» (Париж, 1927), посвященная историческому матчу двух легендарных гроссмейстеров, состоявшемуся в том же году в Буэнос-Айресе.

Более того, сам Алехин отдавал должное мудрости и дальновидности Зноско-Боровского и считал, что тот дал ему, еще мальчишке, «путевку» в будущее. В начале шахматной карьеры будущего чемпиона Зноско-Боровский, как устроитель, настоял на участии его в любительском, а не профессиональном турнире, где Алехина ждало неизбежное поражение и утрата веры в собственные силы. Зато победа подхлестнула и честолюбие и жажду к самосовершенствованию. «Это был первый раз, когда Зноско-Боровский, с которым я тогда еще не был знаком лично, сделал мне большое шахматное добро», - пишет Алехин в 1931 году.

Был знаком с Евгением Александровичем и Владимир Владимирович Набоков. Не просто был знаком, но и высоко ценил его как человека, литератора, и особенно шахматиста. В 1927 году он даже посвятил Зноско-Боровскому одну из своих шахматных задач, составлением которых он увлекался. В рецензии на книгу Зноско-Боровского «Капабланка и Алехин. Борьба за мировое первенство в шахматах» в газете «Руль» в 1927 году Набоков писал: «Эта небольшая книжка явится для любителей шахматного искусства занимательным романом [...]. Зноско-Боровский, сам талантливейший игрок, пишет о шахматах мастерски. [...] Отмечаю необыкновенную живописность некоторых выражений автора и бодрый, крепкий темп всего изложения. Зноско-Боровский пишет о шахматах со вкусом, сочно и ладно, как и должен писать дока о своем искусстве».

Но вернемся к молодой зеленогорской художнице Валерии Ярцевой. Оригинал-макет книги «Защита Лужина» величайшего из русских писателей Владимира Набокова с ее иллюстрациями готов и ждет своего издателя. Роман многократно переиздавался, но, на сегодняшний день, нет достойного для него обрамления. Как знать, может быть, магия этих мест, «гений места», что питает творчество: и Леонида Андреева, и Евгения Зноско-Боровского, и Валерии Ярцевой является той ниточкой, что связывает Серебряный век русской культуры с нынешним, 21 веком.

*ГАРАЕВА Раиса Николаевна,
ведущий библиотекарь краеведческого центра Курортного района,
руководитель краеведческого клуба «Сестроречанин»,
писатель*

ОТЧИЗНЫ ВЕРНЫЕ СЫНЫ

История Сестрорецкого инструментального завода им. С.П. Воскова в лицах. XX век

За триста лет в Сестрорецке тысячи тружеников построили царскую резиденцию, оружейный завод, создали рукотворное озеро Разлив, прорыли новые русла и каналы. Насадили десятки тысяч деревьев, построили сотни деревянных домов, родили и воспитали более десятка поколений и прославили своим трудом на всю Россию завод и город Сестрорецк.

За этот период на заводе сменилось более 40 начальников и директоров завода. Одни были талантливыми в военном деле, хорошими организаторами, честно служили России, получая награды заслуженно, другие не оставили заметного следа в истории завода.

В архивных документах можно найти много сведений о работе отдельных рабочих завода. Но проследить жизнь одного рода на протяжении нескольких поколений могут только члены одной династии. Наши современники-сестроречане оставили свои воспоминания,

затратив на это много времени, сил и энергии. Делали они это не только во славу предков, но и из любви к нашей любимой родине — городу Сестрорецку.

В последние годы благодаря публикациям краеведческих изданий и архивным изысканиям мы достаточно много знаем об истории города XVIII и XIX веков. И как не странно, о XX веке, о выдающихся работниках завода, имена которых гремели, а иногда замалчивались еще при их жизни, есть только скудные упоминания в официальных документах. Краткие сведения можно получить о Н.И. Иванове, главном инженере, который получил Государственную премию за создание специального цеха твердосплавного инструмента в 1951 году, об А.С. Смолкине, главном конструкторе, Г.Е. Андрееве, изобретателе, и других талантливых работниках завода. Всегда хочется знать как можно больше о достойном человеке.

Краеведческий центр, создавая проект «Сто знаменитых сестроречан», подключил к этой работе старожилов города и ветеранов завода. Данная статья основана на семейных архивах и воспоминаниях жителей Сестрорецка о послевоенном периоде СИЗ и судьбах его сотрудников.

Хочется назвать выдающихся руководителей и специалистов, которые каждый в свое время выводили завод на новые рубежи. Это директор Весновский Александр Иванович (1909 - 1977), который 10 лет, с 1947 по 1957 гг., восстанавливал завод им. Воскова, осваивая производство новых видов инструмента.

Ординарцев Игорь Андреевич (1930-2011) прошёл путь от технолога в 1952 г. до директора завода в 1981 г. и до первого заместителя министра станко-инструментальной промышленности СССР в 1982 г. При нём была осуществлена автоматизация и модернизация завода, укреплённая молодыми талантливыми кадрами.

Остановимся на некоторых заводчанах подробнее. Начнём с фронтовиков, которые возрождали завод после Великой Отечественной войны.

Почётный гражданин города Сестрорецка Васильев Михаил Иванович (1917 – 2010). Михаил Иванович Васильев родился 27 октября 1917 г. В 1939 г. был призван в ряды Рабоче-Крестьянской Красной Армии. В 1943 г. окончил Астраханское военно-пехотное училище. Во время Великой Отечественной войны служил командиром минометного взвода запасного стрелкового полка. После войны работал помощником мастера, технологом на Сестрорецком инструментальном заводе им. С.П. Воскова.

Был председателем Исполнительного комитета Сестрорецкого районного Совета народных депутатов, первым секретарем Сестрорецкого РК КПСС. В 1961г. избран делегатом XXII съезда КПСС. С 1964 по 1981 гг. – директор Сестрорецкого инструментального завода им. С.П. Воскова – в те времена одного из крупнейших предприятий машиностроительной отрасли промышленности СССР, а также фактически градообразующего предприятия в Сестрорецке. При нём завод вышел на первые места в своей отрасли, расширяя ассортимент и рынки сбыта продукции.

Неоднократно избирался депутатом Сестрорецко-

го районного Совета народных депутатов и Ленинградского городского Совета народных депутатов, несколько лет возглавлял городскую жилищную комиссию. На общественных началах работал председателем Общества охраны памятников Сестрорецкого района города Ленинграда.

С 1987 по 1992 г. – председатель Совета ветеранов войны, труда, Вооруженных сил и правоохранительных органов Курортного района. Награжден орденом Ленина, орденом Октябрьской Революции, орденом Трудового Красного Знамени, многими медалями.

В 2004 г. решением Муниципального совета города Сестрорецка М.И. Васильев был первым удостоен звания «Почетный гражданин города Сестрорецка». Скончался 14 мая 2010 г. Похоронен на Сестрорецком кладбище.

Из воспоминаний горожан и заводчан.

«Очень благодарна судьбе за то, что много лет знаю Михаила Ивановича Васильева, - так начинает свой рассказ Ирина Михайловна Александрова, - В те годы жизнь на заводе кипела. Помимо производственных дел - спорт, вечерняя школа, вечерний техникум и отделение Северо-западного политехнического института. Превосходно были организованы праздники. Еще до войны был создан духовой оркестр, без участия которого не обходилось ни одно торжественное мероприятие. Лишь заслышав звуки трубы и звон литавр, люди на улицах с гордостью говорили: «Смотри, это восковцы идут!»

Почти 40 лет знала Михаила Ивановича и его семью Людмила Николаевна Рябчихина: «Он всегда отличался интеллигентностью и тактом. Я часто бывала в гостях у супружеской четы Васильевых. К жене он обращается не иначе, как Юленька. И это на 65-м году совместной жизни. Причем, когда Михаил Иванович был директором завода, а Юлия Александровна 30 лет - заместителем начальника цеха № 11, существовал негласный семейный закон: «Дома никаких разговоров о работе. Дабы не было поводов для разногласий.

Двери их дома всегда были открыты для людей. М.И. Васильев никогда не отказывал в помощи. Даже стиральную машину мог соседу запросто починить. Денег не возьмет. Человеческие отношения для него важнее.

У меня сохранились приятные воспоминания о прекрасных заводских праздниках, о многочисленных туристических поездках сотрудников в другие города страны. М.И. Васильев всегда считал, что совместный отдых только на пользу работе. Когда же проходило вынужденное акционирование завода во времена перестройки, Васильев, хотя был тогда уже на пенсии, болезненно переживал процесс акционирования. На заводе в свое время работали его родные (отец, мать, сестра и другие родственники), сам он отдал предприятию всю душу - 17 лет был его директором.

Михаил Иванович был человеком обязательным. Давал слово - обязательно его сдерживал. Он хорошо разбирался в людях, видел их способности и давал возможность себя проявить. Это коснулось и меня, за что я ему очень благодарна» .

Из интервью журналисту Сергею Кукушкину можно узнать о семейной жизни М.И. Васильева. Его отец работал на заводе в то время, когда Миша 3-х лет от роду находился еще в Псковской губернии. В 36-м году Михаил Иванович сам пришёл на завод рабочим, хоть и был тогда еще школьником - просто тяжело заболел отец, семью нужно было кормить.

После войны Михаил Иванович вернулся на завод в трудное время - надо было все восстанавливать. Тогда были привезены из Германии станки. Никто толком не знал, с какой стороны к ним подойти. Работал старшим технологом, потом был начальником разных цехов. Производство поэтому знал, как свои пять пальцев. Руководил парткомом завода, позже был избран секретарем райкома партии. Через несколько лет снова вернулся на завод уже в качестве директора. За время, пока Васильев руководил заводом, предприятию вручили орден Октябрьской революции, в 1967 году - Почетное знамя ЦК КПСС, Президиума Верховного Совета СССР, Совета министров СССР, ЦК ВЛКСМ и ВЦСПС. Свои собственные награды - ордена Ленина, Трудового Красного Знамени и Октябрьской Революции - воспринимал как высокую оценку деятельности предприятия. Каждый год продукцию завода выставляли на ВДНХ, представляли на многочисленных выставках в

Германии, Италии, Франции и других странах. За границей директор был всего один раз, обычно посылал туда специалистов, считая, что ему в это время необходимо быть на заводе.

Михаила Ивановича не один раз избирали депутатом Ленгорсовета и председателем жилищной комиссии. Завод строил много жилья для своих рабочих. И к сдаче очередного объекта злые языки утверждали: «Вот на этот раз семья директора обязательно переберется в новую квартиру». Но этого так и не случилось. Васильевы прожили всю жизнь в старом фонде.

Когда было решено организовать садоводство для рабочих завода, сразу было не так много желающих взять участок. Васильевы, давно мечтавшие поработать на земле, подали заявление и были включены в список. Позднее оказалось, что количество желающих значительно возросло, не каждому повезет. В один прекрасный день глава семьи вернулся с работы, и, предварительно извинившись перед женой, сказал: «Не будет у нас участка, я вычеркнул нашу фамилию из списков». Пообещал, что не будет, так и вышло – не было у них участка до самой смерти. Наслаждались они природой на участке друзей Панфиловых.

В юности Михаил Васильев был прекрасным спортсменом. В Сестрорецке все его знали как великолепного игрока в волейбол и баскетбол»

Из архива краеведческого центра.

М.И. Васильев очень много времени и сил отдавал изучению родного края и города Сестрорецка. На протяжении десятилетий он собирал открытки, фотографии, редкие документы, которые сегодня стали основой экспозиции в музее истории края в 434-й школе в Разливе. Много материалов было передано в музей «Сарай и Шалаш В.И.Ленина в Разливе». Несколько лет Михаил Иванович возглавлял районное Общество по охране памятников истории и культуры. Здесь был создан первый краеведческий музей города.

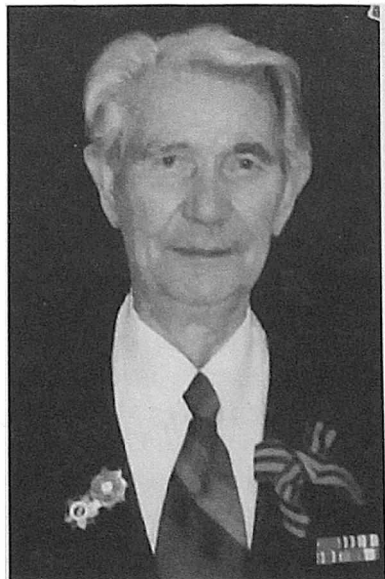
У Михаила Ивановича были прекрасные отношения с сыном Михаила Зоценко, Валерием. Он неоднократно бывал в доме писателя на улице Полевой 14-а, а также в Ленинградской квартире М.М. Зоценко на канале Грибоедова в доме 9. Вещи знаменитого писателя, которые передал М.И.Васильеву его сын, сегодня хранятся в музейной экспозиции библиотеки имени Зоценко в Сестрорецке. Среди переданных материалов план дома писателя, фотография писателя, на которой он вместе с М.И. Калининым.

Кошелев Глеб Васильевич перед смертью передал фотоархив семьи Васильевых краеведческому центру.

Кузьмин Павел Андреевич (1920 - 2007).

Павла Андреевича Кузьмина называли «честью и совестью» района. Родился он на Псковщине 20 июля 1920 года. После окончания школы и педагогических курсов Кузьмин стал сельским учителем. В 1940 году был призван на военную службу, попал на Северный флот. Всю войну Павел Андреевич провел на тральщике, не раз смотрел смерти в лицо. Моряков, работающих на минных тральщиках, называли «командами смертников». За ратный труд Павел Андреевич Кузьмин был награжден орденом Отечественной войны I-й степени, медалями «За Победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.», «За оборону Советского Заполярья». В мирные дни его грудь украсили еще около десятка юбилейных медалей.

После демобилизации Кузьмин приехал в Сестрорецк, где жил его старший брат, и поступил на работу преподавателем в ремесленное училище. Вскоре его назначили за-

местителем директора. Честность, добросовестность, трудолюбие Павла Андреевича были замечены руководством района, и он был приглашен на работу в райком партии. Сначала работал инструктором, затем заведующим орготдела, председателем районной партийной комиссии. Не раз избирался депутатом Районного Совета. В 1969 году он был направлен на работу в партийную комиссию городского комитета партии, а затем областного.

Павел Андреевич всю жизнь честно служил Родине и своему народу. Люди платили ему за это большим уважением и любовью. Кузьмин был настоящим ветеранским вожаком. 20 апреля 1987 года была учреждена общественная организация, которая объединила в своих рядах ветеранов Великой Отечественной войны, труженников тыла военных лет, ветеранов Вооруженных сил страны, правоохранительных органов и ветеранов труда. В нашем районе она насчитывала более 15 тысяч человек. Первым председателем Совета стал бывший директор завода им. Воскова М.И.Васильев, его заместителем – Павел Андреевич Кузьмин. Через некоторое время Михаил Иванович по состоянию здоровья ушел с поста председателя и им стал П.А. Кузьмин. На этой должности Павел Андреевич проработал 20 лет. Причем безвозмездно. Когда было введено звание «Почетный гражданин города Сестрорецка», одним из первых его получил Кузьмин.

Павел Андреевич был фанатиком многих видов спорта. До 80 лет он играл в волейбол, ходил на лыжах, катался на велосипеде. Принимал активное участие во всех районных спортивных соревнованиях. Он был хорошим семьянином. Со своей женой Верой Александровной прожил 60 лет, вырастил сына и внука.

9 июля 2007 года перестало биться его сердце. Вся его жизнь – пример честного служения Родине и народу. В последний путь Павла Андреевича Кузьмина провожало несколько сотен сестроречан.

*Он был для многих братом и отцом,
Помочь старался, словом или делом,
Всю жизнь он был талантливый борцом
И дипломатом мудрым и умелым.*

Эти стихи читал на панихиде его соратник, почетный житель Сестрорецка - Ю.П. Мыльников.

Клевиц Константин Андреевич (1919–1996).

Его жизнь неразрывно связана с сестрорецким заводом. Родился 25 апреля 1919 г. в городе Камышловое Екатеринбургской губернии в семье Сестрорецкого оружейника Андрея Константиновича Клевица.

1922г. - возвращение с родителями на родину, в Сестрорецк.

1927-1935гг. - обучение в 1-й Сестрорецкой средней школе.

1935-1939гг. - Ленинградский Сестрорецкий техникум.

1939г. - работа на заводе № 196, технологом.

1940г. - призван в ряды РККА.

1941-1945гг. - фронт! Танкистом прошёл пол России, был на Курской дуге, защищал Сталинград, был ранен. О таких говорили: «Не горел и не тонул, до Берлина дотянул». Демобилизовался после окончания войны.

1945г. - Поступил в Учебно-Курсовой комбинат БГМП. Женился.

1946г. - зачислен машинистом в Балтийское Морское пароходство на суда заграничного плавания.

1949г. - уволился по собственному желанию.

1949г. - поступил на Инструментальный завод им. Воскова, цех № 2- слесарем.

1979г. - уволен в связи с уходом на пенсию.

До 1989г. - периодически работал на заводе. Общий стаж около 50 лет.

Вырастил сына и двух внуков.

Награды и поощрения:

1. Медаль «За Боевые заслуги».
2. Медаль «За Отвагу».
3. Орден Отечественной войны 2 -й степени.
4. Медаль «Маршал Жуков».
5. За оборону Сталинграда.
6. За освобождение Варшавы.
7. Доска Почета.
8. Юбилейные медали в честь создания СССР.
9. Медаль «Ветеран труда».
10. Знак «Почетный восковец».

По воспоминаниям племянницы Константин Андреевич Клевиц был всегда душой компании, пользовался большим уважением у коллег по цеху № 2, где проработал слесарем 30 лет. Цех был инструментальным цехом второго порядка. Выпускал инструмент для внутреннего пользования на заводе. Здесь собрались высококвалифицированные мастера. Своей смекалкой, рациональными предложениями и упорным трудом Константин Андреевич не раз добивался высоких результатов в соцсоревнованиях. Скромный, тактичный и чрезвычайно требовательный к себе, он был Мастером с большой буквы!

Умер 26.01.1996г. Похоронен на Сестрорецком кладбище.

Кошелев Василий Гаврилович (1882 – 1942)

Представляет дореволюционное поколение петровской династии. Родился 10 декабря (по старому стилю) 1882 года в Сестрорецке в семье заводских мастеровых. Родители Василия заботились об образовании сына и после начальной школы направили его учиться в специальные классы II-го Василеостровского училища Императорского Русского Технического Общества. Сдав на отлично почти все выпускные экзамены по десяти предметам, в 1905 году он вернулся домой и поступил работать чертежником на Сестрорецкий оружейный завод. Этой специальности Василий Гаврилович останется верен всю жизнь. Даже будучи главным конструктором завода, он после окончания рабочей смены будет преподавать черчение в фабрично-заводском училище (ФЗУ), предшественнике нашего профессионального училища, в вечерних заводских техникуме и институте.

Авторитет у Василия Гавриловича и дома, и на работе оставался непререкаемым. Достаточно было сказать, чтобы любое его указание выполнялось. Но и хорошо отдохнуть он тоже умел. Например, играл на балалайке в заводском инструментальном ансамбле, и вообще, постоянно был в центре заводской жизни.

Когда в 1934 году встал вопрос - кого направить в Швейцарию, чтобы перенять опыт у зарубежных коллег по проектированию станкостроительных цехов, то никто не сомневался о необходимости включения в группу В. Г. Кошелева. Новый цех должен был изготавливать прецизионные станки, чтобы освободиться от их импорта в СССР.

За время работы на заводе Василий Гаврилович получил патенты на множество своих изобретений. Так, придуманный им высоко-производительный делительный полуавтомат позволил перейти к серийному производству отечественных микрометров и штангенциркулей.

Не подлежит сомнению, что Василий Гаврилович принес бы еще много пользы родному заводу и стране, если бы не война. С началом Великой Отечественной Кошелевы не эвакуировались. Осенью его семья перебралась к старшей сестре Ляле на улицу Желябова. Василий Гаврилович продолжал работать на Сестрорецком инструментальном заводе в Сестрорецке. 9 сентября он вместе с начальником заводской столовой попал под минометный обстрел (случилось это совсем рядом с проходной завода на Набережной реки Сестры). Женщину убило, а его раненного осколками мины, увезли в госпиталь в Ленинград. Семье в суматохе ничего не сказали, и они оставались в неведении почти целый месяц. Когда Василия Гавриловича выписали, он сразу поехал к старшей дочери, так как к тому моменту завод эвакуировали в Ленинград, и смысла оставаться в Сестрорецке уже не было.

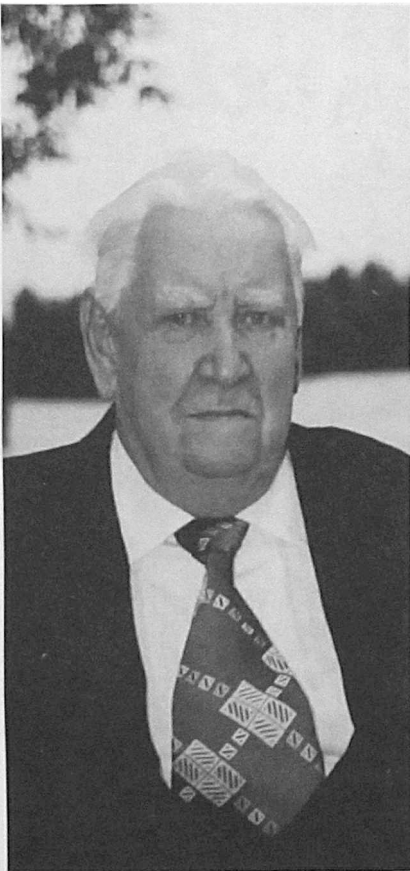
Он стал работать на эвакуированных в Ленинград двух заводских площадках. Так и ходил пешком с одного производства на другое. Семья пережила первую блокадную зиму. Но к апрелю 1942 года Василий Гаврилович уже еле держался на ногах от истощения. При заводе открыли больничный стационар. 4 апреля сыновья, Глеб и Борис, отвезли туда Василия Гавриловича на саночках. На следующий день талантливого изобретателя не стало. Дело свое он завещал сыновьям Борису и Глебу, которые с честью выполнили заветы отца.

Кошелев Глеб Васильевич (1927 – 2012).

Родился 5 марта 1927 года в деревянном доме № 46 по ул. Володарского. Его мать Мария Николаевна, в девичестве - Андреева, была домохозяйкой. Родители Марии Николаевны жили в Разливе на ул. Жукова, д.3/11.

Глеб с братом Борисом – двойняшки, учились в Сестрорецке. Когда братья учились в пятом классе, началась война с Финляндией. Им запомнилось, как с одноклассниками делали затемнения окон черной бумагой, за что им потом внесли благодарность в свидетельство об окончании школы (семи классов). Не было дров, и мальчишки по льду озера Разлив ходили на гривы пилить дрова, впрягались в сани по 2-3 человека и везли дрова домой. Было им тогда по 11 лет.

Наступил 1941 год. 31 августа финские войска прорвались к старой границе. Сестрорецк перешел на военное положение. С наступлением осени всех сестроречан переселили за Водосливной канал в Разлив, завод эвакуировали в Новосибирск, а частично - на Новгородскую улицу в Ленинграде. Завод стал называться «Красным инструментальщиком». Осенью 1941 года семья переехала в Ленинград, на улицу Желябова, в квартиру к старшей сестре Лёле. Начиналась тяжелая блокадная зима. Родители и сестра Галя устроились работать на завод, стали получать рабочие карточки. Это помогало пережить голод. Однако отец, Василий Глебович, скончался в апреле, мать, Мария Николаевна, умерла в июне 1942 года.

Мальчики поступили в ремесленное училище. Учились сначала в Ленинграде, потом в Москве. Там братья работали токарями на авиационном заводе. Вернулись в Ленинград только в 1947-м, жили сначала у сестры Гали, затем переехали в Сестрорецк, в свой дом на улице Володарского. Поступили в техникум «Трудовые резервы», работали и учились. В 1956 г. Глеб окончил техникум «Трудовые резервы». Женится на Ольге Александровне Сидоровой, сестроречанке. Работал на заводе «Компрессор» начальником участка, в 1964 году вернулся на завод им. С.П. Воскова.

Более 25 лет трудился Глеб Васильевич заместителем начальника отдела технического контроля, а затем - начальником ОТК, заместителем директора по общим вопросам. За годы его работы показатели качества выпускаемого инструмента по результатам проведенных государственных аттестаций возросли в несколько раз, существенно возросла эффективность производства и экономия от внедрения новой техники. Г.В. Кошелев неоднократно избирался членом Заводского комитета, Председателем группы Народного контроля. За достижение высоких производственных показателей и активное участие в общественной жизни завода и района он многократно награждался медалями и Почётными грамотами. Большое внимание уделял он развитию парусного и водно-моторного спорта в Курортном районе.

В 2000 году Глеб Васильевич написал и издал книгу «Победу помним поименно» о 2000 сестроречанах, работавших на заводе им. С.П. Воскова в годы Великой Отечественной войны.

Глеб Васильевич принимал активное участие в создании Музея истории г. Сестрорецка на базе средней школы № 434. Обладал замечательными человеческими качествами, много внимания уделял молодежи.

В 2010 году решением Муниципального совета города Сестрорецка Глебу Васильевичу Кошелеву было присвоено звание «Почетный житель города Сестрорецка» с формулировкой «за большие заслуги в развитии отечественного инструментального производства, участие в общественной жизни, краеведческую деятельность, воспитание патриотизма и любви к родному городу». В его семье две дочери и 4 внука.

Умер Г.В. Кошелев 19 октября 2012 года, успев передать семейный архив в Краеведческий центр Сестрорецка. Похоронен на Сестрорецком кладбище.

Еще одна заводская судьба - **Галибов Владислав Федорович (1932 - 2009)**

Родился 02.06.1932 г. в Сестрорецке. Страницы биографии: школа до войны, 1 - й степени. Война, блокада в Сестрорецке. Эвакуация осенью 1942 г. в Новосибирск. Возвращение домой в 1945 г., отец погиб. Дом разрушен. Предоставлены 2 комнаты коммунальные, в деревянном доме по адресу 6-я Тарховская улица, дом 19.

1947г. – поступление в ПТУ г. Сестрорецка. После его окончания - распределение на завод имени Воскова, в цех №14, в котором проработал всю жизнь, в начале пути – слесарем – механиком.

1954г. – служба в армии, Челябинск, «Маяк». Во время ядерного взрыва получил сильное облучение. 1957г. – возвращение из армии, женитьба. Рождение 3 детей, которые с годами все погибли. 1958г. – поступление в вечерний техникум при Инструментальном заводе.

1962г. – по окончании техникума становится технологом станкостроительного цеха № 14. 1963г. – автокатастрофа, вся семья сильно травмирована, гибель дочери, первого ребенка. 1964г. – поступление в вечерний Политехнический институт при заводе. 1970г. – заканчивает его с блеском.

После окончания института продолжает работать в цехе № 14 машиностроительным технологом. Поступив на Инструментальный завод еще подростком, любя механику до самозабвения, проработал «без побега» в одном цехе – 60 лет. Не было работы, с которой он бы не справился.

Уважаемый человек на заводе. Стоит только произнести «Галибов» - как собеседник улыбается и прибавляет: « Это Мастер! Это человек с большой буквы». Неугомонный и неравнодушный, активно включался в общественную работу (народный дружинник, народный постовой при ГАИ). Имея характер творческий, постоянно участвовал в рационализаторских разработках, являясь Председателем совета рационализаторов завода. За время

60-летней безупречной работы на заводе, В.Ф. Галибов проявил себя как мастеровой, как штучный товар. Он был одним из тех резких, прямых и искренних, кристально – честных людей, кто мог с открытым сердцем сказать – «ЧЕСТЬ ИМЕЮ».

Его награды и звания:

- 1) «Житель Блокадного Ленинграда» (медаль)
- 2) «Почетный Чернобылец»
- 3) «Ветеран труда»
- 4) «Почетный донор» (знак)
- 5) «Ударник коммунистического труда»
- 6) «За доблестный труд».

За годы работы награждался многочисленными почетными грамотами, денежными премиями, выдвигался на Доску почета. Уйдя на пенсию, Владислав Фёдорович Галибов не расстался с заводом, продолжал приходить в цех консультантом на несколько часов. Скончался 19.08.2009г. Похоронен на Сестрорецком кладбище (участок № 6).

Хочется вспомнить

Фехретдинова Жарефа Абдурауфовича

Родился 1.10.1934г. в г. Сестрорецке в семье рабочих. 1-й класс закончил в 434 школе, потом учился в Зеленогорске. Началась война. В 1942г. в сентябре семья эвакуировалась в Барнаул, в Алтайский край. В 1949г – женился. После армии вернулся во 2-й цех второго порядка, где проработал фрезеровщиком до 1996 г. Ушел с завода в возрасте 62 лет.

За время работы на заводе награжден знаком:

1. «Почетный восковец»
2. «Ударник коммунистического труда»
3. «Житель блокадного Ленинграда»
4. «100-летие В.И. Ленина»
5. «Ударник 10-й пятилетки»

С 1957г. награжден орденами: «Октябрьской революции», «Трудового Красного знамени», «Ветеран труда». С 1996 по 2005гг. продолжал трудиться в ДЭУ. В 2005г. в возрасте 71г. ушел на заслуженный отдых. Стаж работы 50 лет. Воспитал троих детей. Проживает: Сестрорецк, ул. Инструментальщиков.

Потомственный сестроречанин - Александр Михайлович Ефимов. Из заводской газеты: «1 сентября 2001 года исполнилось 70 лет Александру Михайловичу Ефимову, потомственному сестроречанину. По окончании школы работал киномехаником. После службы в армии пришел на завод Воскова, где и проработал более 35 лет в цехе №7. В течении 20-ти лет избирался председателем цехового комитета. Вел большую общественную и воспитательную работу, пользовался большим уважением и авторитетом в коллективе.

Более 15 лет избирался членом президиума заводского комитета, работал председателем производственно-массовой комиссии. Был членом обкома профсоюза. Избирался депутатом Районного Совета, народным заседателем. За досрочное выполнение заданий пятилеток награжден Общесоюзным знаком «Ударник 9-й, 10-й и 11-й пятилеток». Награжден медалью «Ветеран труда», дипломом Всесоюзной выставки достижений народного хозяйства.

Награжден орденом «Знак Почета», медалями: «За трудовую доблесть», «За трудовое отличие». Имеет звание «Заслуженный Восковец». В 2000 году отметил «Золотую свадьбу». Имеет дочь, внука и 5-летнюю правнучку Настю: радость и счастье его жизни».

Панфилов Николай Александрович (1924 - 1996)

Страницы жизни Панфилова Николая Александровича, начальника отдела механизации и автоматизации, что на «голубятне» 22-го цеха. Родился 31.12.1924г., в деревне Слепино, Ломоносовского района Ленинградской области.

В 1947-1950гг. учился в заводском станкостроительном техникуме по специальности «техник-технолог инструментального производства». С апреля 1951 г. работал на Сестрорецком инструментальном заводе им. Воскова: старшим мастером, старшим технологом, заместителем начальника цеха, начальником бюро автоматизации, начальником отдела механизации и автоматизации, инженером-конструктором, ведущим конструктором.

Про него можно сказать, что вся его жизнь – поиск. Тридцать три года рабочего стажа Николая Александровича отданы заводу. Николай Александрович — человек счастливой судьбы. Хотя начиналась она нелегко — из-за войны. В 1941 году, парнишкой, Николай Панфилов ушел из девятого класса одной из школ Ломоносовского района нашей области на оборонные работы. Напоследок войны «хватил» фронтовой жизни. Закончил службу в Советской Армии в 1947 году. После демобилизации тотчас начал трудиться, но кем мог работать без специальности?! И Николай Александрович поступил в инструментальный техникум в Сестрорецке, находившийся в здании 22-го цеха.

Учиться Н.А. Панфилов начал сразу на втором курсе. Среди товарищей выделялся и военной выправкой, и физическим здоровьем. Но более всего вызывало уважение к его фронтовому прошлому. Занимался Н.А. Панфилов серьезно. По окончании техникума пришел технологом в цех фрез № 9. И сразу у него проявилась тяга к изобретательству. Недаром сегодня на заводе вспоминают, что своим умом, а зачастую и своими руками Николаи Александрович автоматизировал в этом цехе все, что только было можно автоматизировать. Его решения всегда были оригинальны, нестандартны. Когда же на заводе организовался отдел механизации и автоматизации, другой кандидатуры для начальника этого отдела, кроме Панфилова просто не было. Он был убежден: за автоматикой - будущее. Ряд задач, решенных сотрудниками ОМА, имел важное значение не только для СИЗ, но и для всей отрасли.

При непосредственном участии Н.А. Панфилова уровень автоматизации заводского основного производства достиг сорока восьми процентов, уровень механизации - восьмидесяти девяти, Николаем Александровичем подано сорок шесть рацпредложений с экономическим эффектом в пятьсот тысяч рублей. Он получил десять авторских свидетельств на изобретения с экономической эффективностью в двести шестнадцать тысяч рублей. Только в ходе одиннадцатой пятилетки (1981-1985 гг.) под его руководством созданы и внедрены 39 единиц автоматов СИ -070 и СИ-071 для сверления стружечных отверстий в круглых плашках во всем диапазоне размеров. Например, в цехе твердосплавного инструмента рабочих заменяют станки, созданные в бюро автоматизации и механизации. Рядом с автоматом СИ-060А стоит его родной брат — полуавтомат СИ-060. Здесь же знаменитая «качалка Панфилова» — БАМ- 120.

Эффект других станков, применяемых в комплексе был таким: девятый цех выпускал столько же продукции, сколько и тот завод, который первым освоил производство твердосплавного инструмента. Но там работало 40 человек высокой квалификации, в цехе N 9 — четырнадцать.

И это не единственный пример, когда кардинальное новшество, внедрение принципиально новой технологии оказалось неразрывно связанным с именем Панфилова. Так, одним из первых в стране Сестрорецкий завод внедрил продольно-винтовой прокат сверл. Это была настоящая революция! Ведь если новейший фрезерный автомат давал за смену двести сверл, то прокатный стан 2—2,5 тысячи!

Недаром многолетний, замечательный труд Николая Александровича был отмечен правительственной наградой — орденом «Знак Почета». Н.А. Панфилов был обладателем золотой, большой серебряной и трех бронзовых медалей ВДНХ, а также многих почетных званий.

Из документов семейного архива, предоставленного в краеведческий центр Курортного района его дочерью Панфиловой-Панасенко Натальей Николаевной: «За время работы имел правительственные награды: Почетные грамоты машстанкостроения, НТО машпрома, награжден медалями ВДНХ, знаками: отличник соцсоревнования РСФСР, «Лучший рационализатор Машстанкопрома», Изобретатель СССР. За добросовестную работу заносился на доску почета. Присвоено звание «Почетный Восковец». «Ветеран труда» с 1984 г.

Его жена - Панфилова Вера Сергеевна, 1928г. рождения, проработала на Сестрорецком инструментальном заводе им. Воскова с 1951 по 1983г. Для неё Николай Александрович сконструировал небольшой станок в единственном экземпляре.

Из записи в трудовой книжке Панфилова Н.А.: место работы - Сестрорецкий инструментальный завод им. Воскова - с 1951 по 1985 год.

Вкладыш в трудовую книжку о наградах: «Запись №10. 1959 г. За выполнение плана, модернизацию и автоматизацию цеха выдать 500 рублей». Завод получил прибыль от автоматизации более 1 млн. рублей.

Панфилов Николай Александрович умер 7 апреля 1996 г. Похоронен на Сестрорецком кладбище, участок 7, через дорожку от могилы Васильева М.И., верного друга.

Постскриптум.

То, что не рассказано, но сохранено семьей в письмах Павла Кукушкина -сестрорецкого рабочего, в 30-е годы работавшего в Москве. Например, «в декабре 1932г рабочему полагалось в месяц от государства 1 кг крупы, 800 г сахара, 1-2 кг мяса. Иждивенцам меньше. Дед пишет, что масла и яиц вообще не видят. В 1933 г стало еще хуже, зарплату сократили, а цены остались прежними. У Клавдии (жены) нет ботинок, да их и не купить, если берут 1 кг мяса, то тянут его на неделю. Бывают дни, когда мы сидим на хлебе и чае, сахара не хватает, а на рынке подкупить нет средств. Часто у нас обед состоит из щей или супа, без второго.

Даже каши мы не можем сварить, потому что с того пайка, что дают нам на месяц, можно сварить только три раза. Между тем я на заводе принужден работать, тянуться изо всех сил, таковы стали нормы. Вся семья наша сильно похудела. До чего только мы дойдем? У нас есть магазины, в которых все есть, как в старое время, но купить там мы не можем, ибо продают там на лом золота и серебра. Был у меня серебряный портсигар, так я давно его туда снес, принеся оттуда муки, масла и двести грамм колбасы для лакомства».

Продолжу цитировать: «За что я работаю? За полуголодное существование? Мне ведь надо еще одеться, одеть семью. Ведь у меня же, как у каждого живого человека есть и культурные нужды, мне ведь тоже хочется купить газету, журнал, книгу, сходить в театр... Иногда станет так тяжело, что выпьешь с горя водки. О! Этого у нас достаточно, пожалуйста, без очереди, сколько угодно, и человек со слабой волей может скатиться».

Вот так! Сильно, не правда ли? Напоминаю, весна 1933 года. Время первых пятилеток и свершений, из людей вытягивали все соки во славу будущего коммунизма! В октябре 1933г Павел пишет, что за сентябрь не выдали сахара, хоть и убрали урожай, картошка по карточкам. «Люди огрубели, стали нервные, ругаются друг с другом и даже дерутся из-за пустяка. Мы медленно умираем. «За будущее» уговаривают нас. Журавль в небе!». Смею предположить, что и на СИЗ в тридцатые годы ситуация была схожей.

Владелец писем долго думала – не навредит ли огласка писем потомкам семьи...

Зачем мы собираем воспоминания, документы, вырезки из газет, старые полувековые книжные издания? Так мы сохраняем память нации о её жизни в разных обстоятельствах и временных отрезках. Издалека можно сделать выводы: «Что было хорошо, а что никогда не должно повториться». Мы мечтаем о счастливом будущем в процветающей России. Надеемся, что так оно и будет: «...пока такие люди в стране российской есть».

ГРИГОРЬЕВА Нина Васильевна,
писатель-краевед

ДАЧИ – СВОИ, ЧУЖИЕ И ОБЩИЕ

Сегодня, в начале XXI века, возможно ли отыскать что-либо необычное или занимательное в прошлой дачной жизни Карельского перешейка? Может ли эта тема иметь отношение к нашей, далеко шагнувшей цивилизации? Должны ли мы это прошлое, столетней давности, ворошить, и если должны, то с какой целью и под каким знаком? А, может быть, именно сегодня стоит задуматься над отношением людей, проживавших здесь, к истории как Карельского перешейка, так и своей Родины, к культуре и, конечно, к природе. Эти люди сформировались в условиях, о которых мы так немного знаем, были другими, далёкими и непохожими на нас.

Нам не дано познать строй их души, но от них остались предметы материальной культуры – их фотографии, воспоминания, дачи, сады и парки. Всё это загадочный след в истории нашей земли. Не нам ли следует его разгадать?

Слово «дача» – одно из тех русских, скорее, национальных понятий, которые не переводятся на другие языки и входят в них в своём первоначальном обличье. В них сохраняется даже фонетика – «самовар, спутник, бабушка». Однако, в слове «дача» остаётся только произношение, но глубинный смысл уходит. Исконное русское слово, каких в нашем языке не так уж много, произошло от слова «дар», «дарить», «давать». То есть, «дачей» поощрялись чьи-то заслуги, человек выделялся своей особой важностью или необходимостью власти имущим и получал «дачу» как награду. Словом, всё началось с царя, Ивана Грозного. Самому крупному землевладельцу в Метсъякюля Евгению Картавцову было доподлинно известно, что его родовое гнездо в Курской губернии было пожаловано одному из его предков царём Иваном Васильевичем в XVI веке за заслуги перед Отечеством. Такова связь времен.

Дачная жизнь – это тот непосредственный контакт с живой природой, которого лишены горожане. Естественно, она вдохновляла, в первую очередь, художников, но и дачные романы, о которых так много написано, это также проявление заложенной в человеке естественности, отсутствие городских условностей, большая свобода самовыражения.

Но с годами у слова «дачи» появились новые тонкие оттенки – свидетели грядущих перемен. Обратимся к русской литературе: когда чеховский Лопухин хочет вырубить вишнёвый сад и на его месте построить дачи, он имеет в виду смену сословий, а заодно и смену эпох. «Вишнёвый сад» – поместье, принадлежащее никчёмным, по его мнению, ничем не занятым людям. Лопухин надеется, что в дачах будут жить другие люди, умеющие трудиться и возделывать свои маленькие участки, чтобы выращивать на них «дары» земли. А вот у Горького эта же тема подхвачена, но по-новому. Понятие землевладения в чём-то соединяется с чеховским, но делает крутой поворот. «Дачники» (как и «Мещане», как и «Варвары») – новый или, напротив, исконный человеческий тип. «Проклятая суета безделья» – так характеризует горьковских дачников Варвара Басова. Но у Горького «дачники» – уже почти бездельники, люди ничтожные, и, в отличие от чеховских героев, лишённые даже аристократизма духа, способности любоваться прекрасным, природой. Однако, как бы ни любовалась Раневская

своим Вишнёвым садом, который она не в состоянии ни сохранить, ни защитить, в конечном итоге, она с лёгкостью покидает его. «Вишнёвый сад» - не дача, это родовое гнездо, о котором простолудин Лопухин мог только мечтать. Но ему «гнезда» не нужны – ему нужны именно дачи. Он прагматик, устремлённый в будущее. Но мы-то знаем, чем обернётся его будущее.

Дача Л.Н. Андреева

Скульптор И.Я.Гинцбург, писатель Л.Н.Андреев, А.М.Андреева, В.В.Стасов, Н.Б.Нордман и И.Е.Репин у зимней веранды в «Пенатах». Фотография К.К. Буллы. 1905

Дачи – свои, чужие и общие. Я перефразировала высказывание русского писателя Леонида Андреева о детях. В действительности дачи как дети. Их надо создать, о них заботиться и через муки созидания появляется привязанность и любовь к строению, к растениям, к земле. Всё требует человеческих рук и труда. К детскому дачному сезону необходимы особые условия – спортивные площадки, велосипедные дорожки, качели и даже безопасность. Не случайно писатель запретил привозить на свою дачу сына Даниила. Когда ребёнку было 6 лет, его летом привезли на Чёрную речку, где с ним чуть не случилась трагедия. Сначала он попытался броситься с моста в реку, и его поймали в последний момент. На следующий раз Даниила привезли к отцу уже зимой. Андреевские дети, «свои, чужие и общие», катались с высокого берега по льду Чёрной речки, и только Даня угодил в полынью, откуда его чудом вытащили за валенок. Знаменитый писатель, угадав в своём сыне существо нестандартное, запретил привозить на свою дачу во избежание трагедии будущего автора философско-религиозного трактата «Роза Мира». Для остальных детей берега Чёрной речки стали «малой родиной». И они память о даче, ставшей родным домом, сохранят не только в сердцах, но и в книгах. Вера Андреева написала воспоминания «Дом на Чёрной речке», Вадим Андреев – «Детство». Внучка писателя Ирина Григорьевна Андреева в книге «Леонид Андреев. Далёкие. Близкие.» пишет: «Порой мне кажется, что и я выросла в нём, в этом огромном, таинственном и родном доме..., не виденном мною никогда. Это был необычный дом. И всё в нём было необычно – и высокая башня, и сочетание брёвен и огромных камней фундамента, и крупная красная черепица крыши, и просторные комнаты, больше похожие на залы, и странная, тяжёлая мебель, камины... Этот Дом был весь рождён и соткан воображением моего деда... Образ огромного дома привораживал, преследовал и звал – к тихому омуту залива Чёрной речки, к высокому обрыву, к соснам, уходящим прямо к звёздам...»

За еду и одежду работал на семью Андреевых и финский паренёк, ему было только десять

Дача Воронина. Рисунок 1990 года

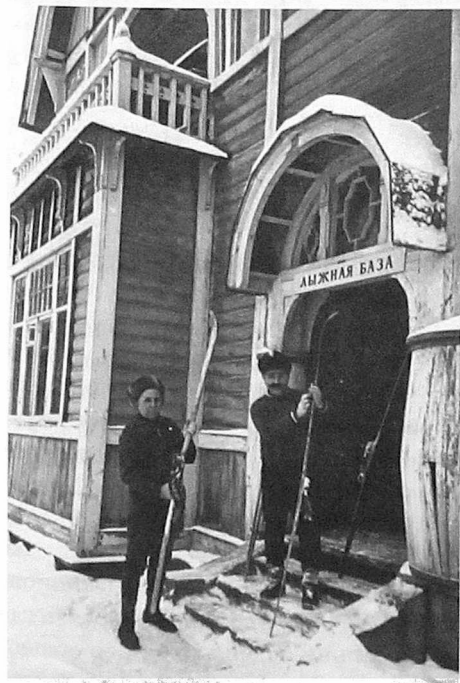
лет. Он чистил конюшню и выполнял мелкую работу по дому. Его младшая сестрёнка донашивала платья от Веры Андреевой. Сегодня уже нет Элины Фолк, но лет двадцать назад она вместе с односельчанками каждое лето приезжала в Молодёжное и Серово отдать дань уважения земле, на которой родилась в 1914 году. Обязательным ритуалом коренных жителей этих мест по приезду из Финляндии было опустить ноги в холодную воду Чёрной речки, руками прикоснуться к фундаментам своих домов, сорвать цветок шиповника, подарить нам по пачке финского кофе и полюбоваться дачей Воронина.

Дача Воронина сегодня не сохранилась. Её уничтожили в 1991 году. Сегодня сложно доказать, что хозяином этой великолепной дачи бы Михаил Степанович Воронин. Вензели с инициалами МВ, которые были вписаны и в деревянный декор, и над камином, сегодня можно увидеть только на фото.

*Дача Воронина, лестница, ведущая в дом. Фото 1910 года.
В левом и правом верхних углах дверей отчетливый вензель МВ*

Факт постройки шедевра деревянного зодчества запечатлён в выпуске Ежегодника Общества Архитекторов – Художников за 1910 год. Нам известно, что автором проекта этой дачи был петербургский архитектор – художник Пётр Петрович Бук (1865 – 19..?)

Дача Воронина. Фото 1965 года Дача Воронина. Фото 1990 года

Начнём поиск владельца роскошной и дорогостоящей дачи. Из адресной книги Санкт – Петербурга за 1913 год известно, что предприниматель и торговец Воронин Михаил Степанович был женат на лютеранке Сусанне, по всей видимости, финской шведке, и в этом браке было несколько детей. Имя Воронина мы встречаем во втором завещании Евгения Эпафродитовича Картавцова. В этом документе Картавцов лишает наследства, и в том числе дачи, своего приёмного сына Всеволода за недостойное поведение. Вечная проблема отцов и детей поселилась в имении Мариоки, когда жена морского офицера Марта фон Хартман взяла на себя освободившуюся роль хозяйки. Но возвратимся к истории дачи Воронина, который предположительно стоял во главе крупной страховой компании «Саламандра». Жил ли он здесь после революции – неизвестно. Местный житель, русский поэт – акмеист Вадим Гарднер в 1927 году вспоминает безымянного хозяина виллы, высокого и статного шведа, говорившего только по-английски. Он предоставлял свои залы теософскому обществу – русским и финнам. Для них гостевание происходило не на даче, а на вилле. Русское понятие «дача» в бытность Финляндии с 1918 года не прижилось на Карельском перешейке. Дачи стали называться имениями, поместьями, усадьбами, так как жили в них постоянно.

Дача М.В.Крестовской

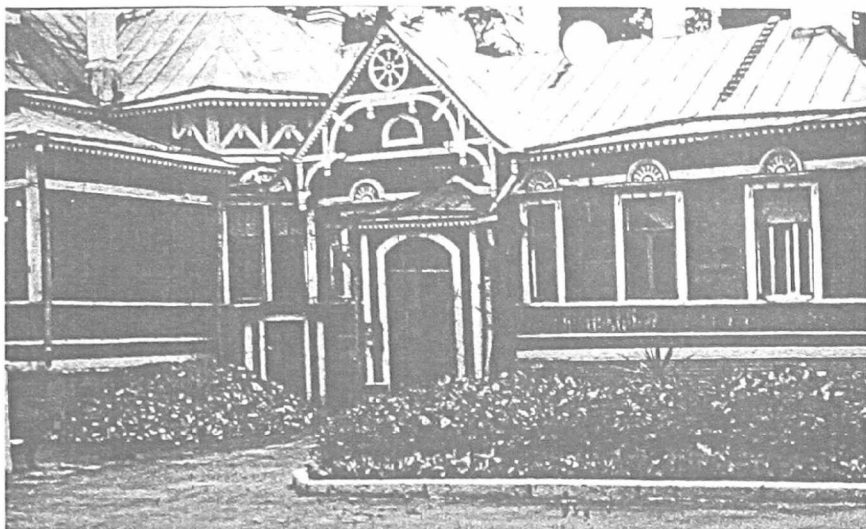
Воронины – не такая уж редкая фамилия, она-то и создала некую путаницу. Была неподалёку от Чёрной речки дача академика, мецената и домовладельца Михаила Степановича Воронина (1838 – 1903). На своей даче известный ботаник занимался научной работой. Под его началом образовалось общество «Малых ботаников» - единомышленников Воронина: Бекетов А.Н., Фаминцын А.С., Виноградский С.Н., Гоби Х.Я., Ивановский Д.И. и другие. Со стороны их увлечение плесенью, грибами и водорослями казалось местным жителям чудачеством. Но из этих экспериментов на берегу озера Ваммель-Ярви возникла новая наука – микробиология. Но родственница Воронина Ю.Н. Тваровская написала: «О даче думаю просто с ужасом...здесь хоть изредка да видишь людей, с которыми можно отвести душу, а там если и будешь бывать в обществе, то всех тех же ботаников, которые более как о своих грибах, ни о чём не говорят». На

даче этого Воронина сын С.П. Боткина молодой Евгений встретил красивую девочку и предложил ей стать его женой. На что приёмная дочь известного ботаника рассмеялась и попросила немного подождать. Ей было только 14 лет, и звали её Ольга Мануйлова. Об этих отношениях я расскажу позднее, а сегодня правнук Воронина Владимир Владимирович Мелентьев хранит память о своих предках и состоит в дружбе с зарубежными родственниками со стороны Боткиных и Ворониных.

Классическая дача на берегу Чёрной речки

Жена русского писателя М.Е. Салтыкова-Щедрина на арендованной даче в Финляндии очень страдала от нехватки светского общества. Елизавета Аполлоновна жаловалась друзьям: «Сиди тут и смотри на это глупое озеро». Салтыковы сняли дачу у дочери княгини А.А. Оболенской Елизаветы Андреевны. Там же рядом в Мустамьяках (Горьковское) были дачи С.П. Боткина под названием «Культяяла» и М.С. Воронина. На Карельском перешейке С. Щедрин пишет, тем же летом 1886 года, «Мелочи жизни» и задумывается о собственной даче. В 1888 году за год до смерти писатель всё-таки покупает собственное имение на берегу Финского залива. «Всякий истый петербуржец на три месяца в год обрекает себя на нечеловеческое житьё. ...Я говорю не о «барах», которые разъезжаются по собственным деревням и за границу, а о простых смертных, которые расплозятся по дачам, потому что за зиму Петербург их задавил. Кто поэкономнее, тот забирает из задних комнат мебелишку и старую, разнокалиберную посуду, увязывает на воза, садит сверху кухарку и едет. Другие нанимают дачи с мебелью и посудой и находят обломки и черепки. Постелей нет, или такие, что привыкать надо. Вместо простора – теснота, вместо тишины – судаченье соседей, вместо воздуха – сырость, вместо восстанавливающих солнечных лучей – туман и дожди. Именно так было поступлено и со мной, больным, почти умирающим. Вместо того, чтобы везти меня за границу, куда, впрочем, я и сам не чаял доехать, повезли меня в Финляндию. Дача – на берегу озера, которое во время ветра невыносимо гудит, а в прочее время разликает окрест приятную сырость. Домик маленький, но весёленький, мебель сносная, но о зеркале и в помине нет. Поэтому утром я наливаю в рукомойник воды и причёсываюсь над ним. Простору довольно, и большой сад для прогулок.»

Дача Мюссара или Мюзера. Териоки

Существовали на территории Финляндии и казённые дачи. Так на левом берегу Чёрной речки был так называемый «профессорский уголок» от Медико-Хирургической академии, где полный дачный пансион предоставлялся профессуре этого учебного заведения. Навещавший своих преподавателей студент – медик В.М. Бехтерев позднее, когда стал известным учёным, покупает участок на берегу залива и строит имение «Тихий берег». Неподальку от Бехтерева художник Валентин Серов занимается устройством своей дачи. Он с гордостью подписывал в письмах к друзьям – «собственная дача, мне». Но дружеского соседского общения между ними не было. Их общим другом и учителем был Илья Ефимович Репин.

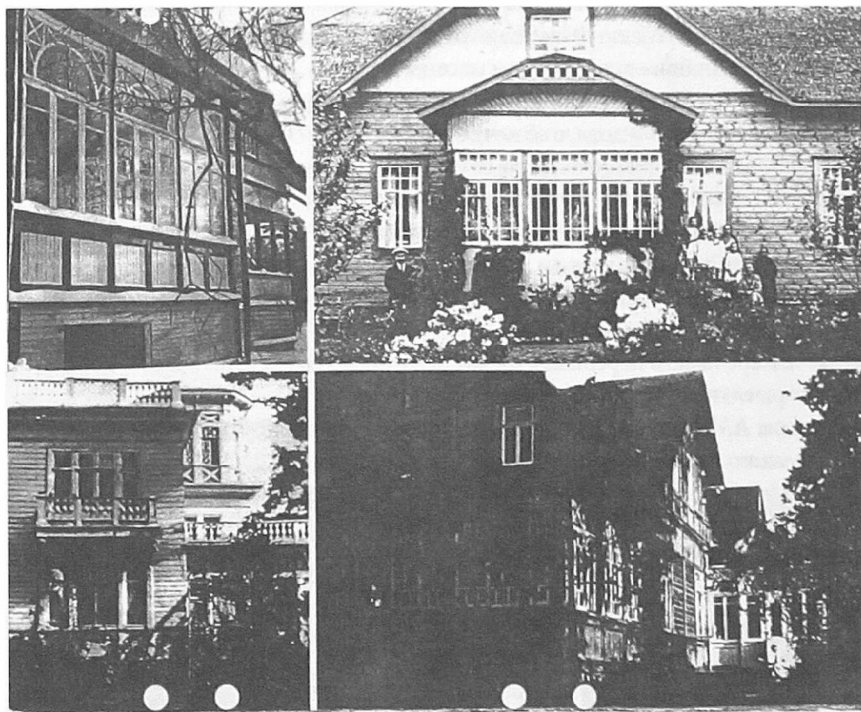

Приют для мальчиков. Райвола. 1907 год

Существовали и дачи различных обществ, таких как «Общество помощи бедным семьям поляков, пострадавших от войны»; «Братская помощь»; для престарелых ветеранов сцены, общества поощрения художников Е.И. Мюссара, литературного общества; детский санаторий им. Е.В. Колачевской в Сестрорецке, Евгеньевского приюта в Тарховке, Фребелевское общество для содействия первоначальному воспитанию, пансионат для мальчиков-сирот в Райвола, всех не перечислить.

Хочется сказать несколько слов о проживании в арендованной даче летом 1899 года русского художника Александра Николаевича Бенуа. В его воспоминаниях одна из глав названа: «На Чёрной речке в Финляндии». Небольшая дача находилась на том месте, где начиналась песчаная коса. Рядом в полуверсте снял дачу его брат Альберт с сестрой Катей. На даче Александра Николаевича бывали Лев Бакст, Валентин Серов, Дмитрий Философов и Сергей Дягилев. Их идея создать новое художественное общество «Мир искусства» появилась здесь. «Дача, нанятая Альбертом по-

полам с Катей, представляла собой большой, старомодный, покрашенный светло-жёлтой краской дом в два этажа с обязательной вышкой – бельведером. Уже издали можно было заприметить благодаря тому гигантскому, похожему на императорский штандарт, флагу, который развевался с высокой мачты. Хотя дача и была огромная и поместительная, однако обитателей в ней набралось такое множество, что всем стало тесновато... здесь, на Чёрной речке, гостило по несколько человек зараз, и всех он кормил, если не роскошно, то обильно и вкусно. А главное, что ценили гости Альберта, это настроение непрерывного веселья, царившего в его доме. Смех, песни, шутки, игры, всяческие дурачества и представления непереводились...».

Дачи в Териоках

Факт существования дачной жизни сыграл определённую роль в быте и творчестве петербургской интеллигенции. Дружеские контакты объединяли дачников на земле Карельского перешейка между собой. Как правило, в тёплые летние вечера местом общения были видовые площадки «на закат». Дневная жизнь была подчинена многосложной обрядности – с утра неспешный завтрак, домашние дела и подготовка к обеду. После обеденного часа более сложная процедура – наряды, компании, прогулки, танцы, концерты. У настоящих дачников каждый день недели имел свой распорядок, но и он мог нарушаться из-за плохой погоды, нездоровья или сильных увлечений. На дачах закручивались романы и возникали драмы под стать шекспировским. Где, как ни здесь, горожанин оказывался в атмосфере личной свободы. Но иногда в личную жизнь вторгались непредвиденные обстоятельства... Так домовладелец Евгений Картавцов познакомил свою жену Марию Крестовскую с известным микробиологом Сергеем Николаевичем Виноградским. И, можно сказать, срежиссировал их дачный роман, которые, как правило, не бывают счастливыми, а Крестовская пережила любовную трагедию обострением болезни. Её земная жизнь закончилась на даче 24 июня 1910 года. И появилась другая Крестовская, которую изваял из бронзы скульптор Всеволод Лишев. Образ грустной женщины на гранитном пьедестале вызвал большой интерес к Марии Всеволодовне. О

ней ходили легенды и мифы, большую часть из которых заложила она сама. Шведский писатель П.М. Ингель в 1933 году романтическими красками изобразил писательницу в своей новелле. Роман о могиле любви появится в Финляндии из-под пера Якко Терентила. Марта фон Хартман в 1972 году выпустит свои воспоминания на шведском языке под названием «Гонимые ветром». Особое место в её книге уделено ненавистной свекрови Марии Всеволодовне. Сегодня можно расшифровать надпись на могиле Крестовской. Почему вдовец Евгений Эпафродитович всенародно покаялся перед умершей женой? Ответ прост – не любил при жизни, но был безутешен после её кончины. Странно, но через много лет Картавцов и Виноградский оказались во Франции, и последний присылает убийственное письмо Картавцову с одним вопросом: «Вы теперь рады, что избавились от покойной?!». Об этом письме возмущённый Евгений Эпафродитович сообщил своему другу Анатолию Фёдоровичу Кони в 1927 году. К могиле Крестовской или, как её называли, «могиле Любви» шли потоком местные жители, заезжие родственники и любопытные туристы. Незазорно было фотографироваться рядом с бронзовой скульптурой, приумножая при этом легенды о подземном ходе, о её нечаянной любви к Виноградскому и о её душе, которая порхает по Марьиной горе бабочкой или птицей. И под влиянием загадочной ауры Крестовской влюблённые молодые пары клялись друг другу в верности и любви, как будто спрашивая благословения у покойной. Романтические настроения у молодёжи поддерживала и «Лестница грешниц», по которой подниматься во искупление грехов должны только женщины. А особам мужского пола было достаточно дотронуться до металлической туфельки. Памятник Крестовской стал сакральным на берегу Чёрной речки.

Но камней на Карельском перешейке много. Если на каждом из них написать имена тех людей – дачников, которые жили и творили в Русской Финляндии, то на них обязательно будут имена – А.Д. Шереметева, А.И. Зилоти, А.Н. Куропаткина, В.И. Иксуль, Т.Л. Щепников-Куперник, А.А. Оля, всех невозможно перечислить.

Дача Вадима Гарднера

Ещё один огромный камень, высотой с двухэтажный дом хранит многовековую тайну у истоков Чёрной речки. Это один из древних языческих капищ Карельского перешейка. Его неровная площадка имеет выбоины, которые свидетельствуют о совершении каких-то ритуалов. В древности язычники – корелы молились своим богам большей частью о хорошей погоде, об исцелении от болезней, о предотвращении падежа скота. Одним словом, о комфортном проживании в этом сыром

и ветреном краю. Чувствовали ли древний дух финского народа Леонид Андреев, Максим Горький и Мария Андреева, семья Бенуа и другие дачники, которые ради развлечения поднимались на эту громадину? Художник Валентин Серов писал с этого камня в 1902 году финскую мельницу. Сегодня и камень, и обновлённую мельницу можно увидеть на девятом километре Средне-Выборгского шоссе. Только финская деревня рядом с мельницей исчезла с лица земли, после того, как люди с помощью взрыва пытались расколоть этот удивительный камень. Сегодня на этом месте запустение.

Фундаментами русских дач, финских строений служили родные камни Карельского перешейка. Что представляла из себя стандартная дача? Её архитектура зависела от материального состояния хозяина, будь то шедевр деревянного зодчества или подобие русской крестьянской избы. Чаще всего на северном побережье строили большие двухэтажные дома с двумя или тремя входами. Примером может служить дача Воронина, имеющая разные виды со всех четырех сторон. Высокий бельведер балкона, бывшая веранда с видом на залив. Если по финской традиции защитой строений от злых духов были ели, то русские дачники ограждали участки теми же валунами. Сады и огороды, ледники, спортивные площадки, газоны создавали красивый дачный комплекс. Это стоило денег и повседневного ухода. Для менее обеспеченных дачников были снятые на лето флигели, мансарды, комнаты и углы. Когда желающих провести лето в русской Финляндии было больше, чем достаточно, то домовладельцы – арендаторы сдавали свои личные кровати и уходили на проживание в амбары и скотные дворы. Но когда случались какие-либо проблемы, то дачный отдых был обособлен от полицейских, да и врачей брали из числа соседей. Примером служит врачебная практика Владимира Михайловича Бехтерева и его коллег – дачников Лыжина и Турнера, проживавших летом на Карельском перешейке.

Имена всех дачников пока неизвестны, но собственная дача спасла многих петербуржцев от голода и террора после свержения российского самодержавия. Карельский перешеек, ставший территорией нового государства Финляндия превратился в стартовую площадку для эмиграции в Европу.

Уцелевшие артефакты прошлого Карельского перешейка — места духовной и энергетической подзарядки. В сердцах петербуржцев и гостей города жива потребность в природе, культуре и красоте. Приглашаем всех в свободный день посетить Комарово, репинские Пенаты, Марьину гору, старую финскую мельницу, Серовский уступ, берег Золотого пляжа в Зеленогорске в час заката, сестрорецкие дюны, парки и православные соборы. И прошлое Карельского перешейка с его малоизученными дачами, с его атмосферой, воздухом наполнит наши суетные души надеждой на почётную принадлежность к человеческому роду.

Дача Айнола в Териоках.

*ЖИЛЬЦОВА Елена Николаевна,
лектор-экскурсовод
Приморского краеведческого музея*

КОЙВИСТОВСКИЙ (ПРИМОРСКИЙ) РАЙОН. АДМИНИСТРАТИВНО-ТЕРРИТОРИАЛЬНОЕ ДЕЛЕНИЕ В 1940 - 1954 ГГ

За последние 74 года административное деление Карельского перешейка претерпело значительные изменения. В настоящее время территория перешейка, не входящая в Санкт-Петербург, поделена на 3 района:

- Выборгский;
- Приозерский;
- Всеволожский.

В современных границах Выборгского района находятся административные единицы - г. Приморск (бывший Койвисто) и Приморское городское поселение.

Как и во многих населенные пунктах Карельского перешейка, после 1940 года в Койвисто происходят значительные изменения. Город становится центром Койвистовского района. Некоторым аспектам рождения и исчезновения с советских карт этого района и будет посвящена данная статья, написанная на основе послевоенных правительственных документов, в том числе хранящихся в областном архиве (ГУК ЛОГАВ) г. Выборга.

При рассмотрении финской карты 1939 года, становится понятно, что слово «рождение» не совсем правильное для Койвистовского района, скорее подойдет выражение «перерождение», так как на 1939 год в состав Виппуринской (Выборгской) губернии входила административная единица Койвистовская волость, простиравшаяся от совр. поселка Ключевое до озера Высокинского. Сюда же входили Березовые острова и полуостров Кипперорт.

История волости фактически закончилась 20 февраля 1940 года, когда в ходе советско-финляндской войны части Красной Армии заняли финский поселок Койвисто.

Мирный договор между Союзом Советских Социалистических Республик и Финляндской Республикой определил новую границу между двумя странами. Статья II договора гласит:

«Государственная граница между СССР и Финляндской Республикой устанавливается по новой линии, по которой в состав территории СССР включается весь Карельский перешеек с г. Выборгом (Виппури) и Выборгским заливом с островами, ряд островов в Финском заливе, ... - согласно прилагаемой к настоящему Договору карте...»¹.

С присоединением новых территорий к СССР возникла проблема определения их нового административного статуса.

31 марта 1940 г. Шестая сессия Верховного Совета СССР (первого созыва) приняла Закон, в котором говорилось: «Идя навстречу пожеланиям трудящихся Карельской Автономной Советской Социалистической Республики и руководствуясь принципом свободного развития национальностей, Верховный Совет Союза Советских Социалистических Республик постановляет:

1. Территорию, отошедшую от Финляндии к СССР, на основании мирного договора между СССР и Финляндией от 12 марта 1940 г., за исключением небольшой полосы, примыкающей непосредственно к Ленинграду, передать в состав Карельской Автономной Советской Социалистической Республики, в том числе передать города: Выборг, Антреа, Кексгольм...

2. Преобразовать Карельскую Автономную Советскую Социалистическую Республику в Союзную Карело-Финскую Социалистическую республику...

3. Просить Верховный Совет Российской Советской Федеративной Социалистической Республики и Верховный Совет Карело-Финской Советской Социалистической Республики представить на рассмотрение Верховного Совета СССР, проект установления точной границы между РСФСР и Карело-Финской ССР»².

16 мая 1940 г Президиум Верховного Совета РСФСР издаёт указ «Об образовании Каннельярвского, Раутовского и Койвистовского районов в Ленинградской области», по которому на территории Карельского перешейка, отошедшей к Ленинградской области, образуются:

Койвистовский район с центром в городе Койвисто (Приморск);

Каннельярвский район с центром в селении Каннельярви (Победа);

Раутовский район с центром в поселке Рауту (Сосново)³.

К концу июня в районных центрах создаются переселенческие отделы для активизации заселения гражданским населением Карельского перешейка.

В центральных изданиях Ленинградской области «Ленинградская правда» и Карело-Финской ССР «Ленинское знамя» (до августа 1940 г. это издание называлось «Красная Карелия» представлена информация о работе коммунистов по организации обустройства переселенцев. В районных газетах публиковались открытые письма членов правления колхозников-переселенцев с призывами о переезде в районы Карельского перешейка новых жителей, печатались наглядные материалы об организации колхозов образцового типа, в общем, проводилась мощная агитационная кампания по переселению и освоению нового края⁴.

Увеличение населения приводит к созданию местных поселковых и сельских советов.

Согласно выписки из протокола заседания исполкома Леноблсовета депутатов трудящихся № 020-15 от 01.08.1940 г⁵ (хранится в ГУК ЛОГАВ Ф. Р-144. Оп. 1. Д.2 Л.10).

«Об установлении административно-территориального деления и образования сельских и поселковых Советов на территории Каннельярвского, Раутовского и Койвистовского районов Ленинградской области» административно-территориальный состав Койвистовского

2. ВВС СССР. 1940. № 12. С.1.

3. ЦГА СПб. Ф.7179. Оп.59. Д.231. Л.1.

4. Герасченко Лилия Валентиновна «Переселенческая политика советского государства на Карельском перешейке в 1940 - 1953г.г.»

5. Решение Исполкома Леноблсовета № 20-15 утверждено указом Президиума ВС РСФСР от 16.11.40г.

района следующий⁶ (проследим его по карте Карельского перешейка на декабрь 1945 года):

- Колкольский сельсовет: Колкола – центр сельсовета, Латунен, Совалло, Хистанен, Хумалиоки.
- Липпольский сельсовет: Липпола – центр сельсовета, Кархула, Хяркеля, Ярвела.
- Мелольский сельсовет: Мелола – центр сельсовета, Хатьялахти.
- Уискольский сельсовет: Уискола (на карте Ускола)⁷ – центр сельсовета, Парту, Халила.
- Бьёркский поселковый Совет: Сааранпя – центр поселкового совета, Патола, Хюйти, Эйстиля.

• Койвистовский городской Совет в составе населенных пунктов: г. Койвисто районного подчинения, Безымянный и Тервохортиала.

8 августа 1940 г. Президиум Верховного Совета СССР издает указ «Об установлении границы между Российской Советской Федеративной Социалистической Республикой и Карело-Финской Советской Социалистической Республикой», где утверждает представление Верховного Совета Российской Советской Федеративной Социалистической Республики и Верховного Совета Карело-Финской Советской Социалистической Республики об установлении границы между двумя субъектами (с запада на восток).

Согласно текста указа граница проходит следующим образом:

«От Финского залива между островами Тиуринсаари (Зап. Березовый) и Койвисто (Бол. Березовый), по проливу Койвистонсалми до населенного пункта Тервахартиала (ул. Пляжная г. Приморска), оставляя населенный пункт Тервахартиала в составе Карело-Финской ССР;

далее от населенного пункта Тервахартиала до ж/д станции Ляхтеенмяки (Бор), оставляя её в составе Карело-Финской ССР;

далее от станции Ляхтеенмяки (Бор) до населенного пункта Лемминкюля (сейчас входит в состав населенного пункта Прибылово), оставляя её в составе Ленинградской области РСФСР;

далее от населенного пункта Лемминкюля (входит в состав Прибылово) граница проходит через населенные пункты Хярккэ (Черничное) и Ляхде (на сегод. день населенного пункта не существует), оставляя их в составе Карело-Финской ССР, и выходит на ж/д станцию Ляйпясуо (название не изменилось), оставляя её в составе Ленинградской области РСФСР⁸...»

После указа Президиума Верховного Совета СССР от 8 августа 1940 г. складывается ситуация, когда территория бывшей Койвистовской волости делится между союзными республиками Ка-ФССР и РСФСР, а населенный пункт Тервахартиала, 8 дней входивший в Койвистовский район Ленинградской области, отошел к Карело-Финской ССР (Виллальский сельский Совет: сюда же относились населенные пункты п-ова Кипперорт, о-вов Пийсаари, Тиуринсаари).

Начиная с 23 августа 1940 г. границы Койвистовского района постоянно расширяются. В этот момент решением Исполнительного комитета Ленинградского областного Совета Депутатов трудящихся в Койвистовский райониз Томмиловского Сельского Совета Каннельярвского районаперечислен населенный пункт Уусикирко⁹.

6. ГКУ ЛОГАВ. НСБ. Оп.1. Д.49. Л.242. об.

7. Решением Исполнительного Комитета Ленинградского областного Совета депутатов трудящихся от 01 августа 1940 г. № 20-15 населенный пункт Уискола был ошибочно зачислен в состав Каннельярвского района Ленинградской области как селение Ускола (ЦГА СПб. Ф.7179. Оп.11. Д.407. Л.2); переподчинен Койвистовскому району в октябре 1940 г. на основании решения Исполнительного комитета Ленинградского областного Совета депутатов трудящихся «О внесении изменений в территориальное деление Раутовского, Койвистовского и Каннельярвского районов Ленинградской области (ЦГА СПб. Ф.7179. Оп.11. Д.407. Л.9)

8. ВВС СССР. 1940. № 30. С.1. Указ Президиума Верховного Совета СССР от 8 августа 1940 г. «Об установлении границ между Советской Федеративной Социалистической Республикой и Карело-Финской Советской Социалистической Республикой населенный пункт Тервахартиала Койвистовского района Ленинградской области к Карело-Финской Советской Социалистической Республикой». Утвержден 1 марта 1941 г. на Восьмой сессии Верховного Совета СССР (первого созыва) (ВВС СССР. 1941. № 12. С.2).

9. ЦГА СПб. Ф.7179. Оп. 11. Д.407. Л.3.

В октябре 1940 г. по решению того же исполкома «О внесении изменений в территориальное деление Раутовского, Койвистовского и Каннельярвского районов Ленинградской области», в состав Койвистовского района были перечислены деревни Антерола и Каллиола¹⁰.

12.11. 1940 г. согласно документам ГКУ ЛОГАВ (Ф. НСБ. Оп. 1. Д. 30. Л. 6.) «В дополнение к решению исполкома Леноблсовета от 1. 08.1940 г. на территории КР решают образовывать следующие сельские советы:

1. Хумалиокский с/с с центром в селении Хумалиоки;
2. Краснопольский с/с с центром в селении Китула;
3. Куолемоярвский с/с с центром в селении Сурпентиккяля (на карте Пентиккяля);
4. Карьяланский с/с с центром в селении Карьялайнен;
5. Приморский с/с с центром в селении Тайвола (на карте КП Тойвола);
6. Местерярвский с/с с селениями Иокела, Тайкино^{11, 12} и ж/д станция Ино с центром в селении Иокела (на карте Яаковала)¹³.

Этим же решением Исполнительного комитета Ленинградской областной совет депутатов трудящихся от 12 ноября 1940 г. № 26-188-а:

- в состав Липпольского сельского Совета включено селение Тиккола;
- центром Мелольского сельского Совета установлено селение Хатъялахти;
- центром Бьеркского поселкового Совета - селение Патола¹⁴.

7 января 1941 г. Указом Президиума Верховного Совета РСФСР¹⁵ в Койвистовском районе утверждает образование дополнительно только 3 сельсоветов:

Иокельский сельский Совет;

Кайпиальский сельский Совет;

Хумалиокский сельский Совет (селение Хумалиоки перечислено из состава Колкольского сельсовета в Хумалиокский сельский Совет).

22 июня 1941 года, в связи с началом ВОВ, Указом Президиума Верховного Совета СССР «Об объявлении в отдельных местностях СССР военного положения, на основании пункта «п» статьи 49 Конституции СССР, на территориях Карело-Финской ССР и Ленинградской области РСФСР было объявлено военное положение¹⁶.

В соответствии с пунктом 2 Указа все функции органов государственной власти в Виipurском (Выборгском), Яскинском (Лесогорском) и Какисалмском (Кексгольмском - Приозерском) районах КФ ССР, Койвистовском, Каннельярвском и Раутовском районах Ленинградской области РСФСР в области обороны, обеспечения общественного порядка и государственной безопасности были переданы военным советам и высшему командованию войсковых соединений¹⁷.

В июле-сентябре 1941 г. все местные Советы Виipurского, Яскинского (Лесогорского), Какисалмского (Кексгольмского - Приозерского), Койвистовского (Приморского), Канне-

10. ЦГА СПб. Ф.7179. Оп. 11. Д.407. Л.9.

11. «Карельский перешеек - Земля неизвестная. Ч.2. юго-западный сектор: Уусикиркко (Поляны). - СПб.: ООО «Издательство «Карелика», 2010, с.191.

12. Е.А. Балашов «Метаморфозы топонимии Карельского перешейка. Краткое исследование по этимологии географических названий». - СПб.: ООО «Изд-во Карелика», 2009. - с. 161.

13. ГКУ ЛОГАВФ. НСБ. Оп. 1. Д. 30. Л. 6.

14. ГКУ ЛОГАВ. НСБ. Оп. 1. Д.30. Л.6.

15. ВВС СССР. 1941. № 15. С. 4.

16. ВВС СССР. 1941. № 29. С.1.

17. ВВС СССР. 1941. № 29. С.1.

льярвского (Победовский) и Раутовского (Сосновского) районов прекратили свою деятельность в связи с временной оккупацией территории района финскими войсками.

На сайте финского архива sa-kuva.fi найдена фотография с надписью: «Такой дом построен русскими, чтобы заменить сгоревший в Койвисто. Койвисто 1941.09.01». Дата в надписи указывает на то, что Койвисто был занят финскими частями 1 сентября, хотя по воспоминаниям П.Е. Мельникова Койвисто был занят 2 сентября 1941 года.¹⁸

18 июня 1944 года бойцы 46 стрелковой дивизии освобождают г. Койвисто, 23 июня заканчиваются бои за Березовые острова. И, судя по «Выписке из протокола заседания Исполкома Леноблсовета депутатов трудящихся» от 24.06.1944 г. № 79 -106¹⁹ «Об утверждении исполкомов рай/гор/советов депутатов трудящихся районов, освобожденных от немецко-фашистских захватчиков».

В Койвисто сразу восстанавливают исполком Койвистовского райсовета. Председателем исполкома назначен Петров М.П.; секретарем – Осьма(о)чко О.П. Член исполкома: Лазарев А.П. – секретарь РК ВКП(б). Документ подписан председателем исполкома ЛОСДТ – Н.Соловьёвым.

Много интересных документов этого периода хранится в ГКУ ЛОГАВ, например: Ф.НСБ. Оп.1. Д.49 «Распоряжения и выписки из протоколов заседаний исполкома Лен.обл. совета депутатов трудящихся 1944 г.»

Л.197. «Выписка из протокола заседания Исполкома Леноблсовета депутатов трудящихся» от 23.06.1944 г.

О передаче кирпичного (керамического) завода в Койвистовском районе Областному управлению промышленности стройматериалов.

Принять завод обязали т.Грохотова.

Распоряжение Исполкома Леноблсовета депутатов трудящихся от 03.07.44 г. «О восстановлении рыбообрабатывающего завода г. Койвисто».

Л. 237. Распоряжение Исполкома Леноблсовета депутатов трудящихся № 3-55 от 29.07.44 г. «О восстановлении лесопильного завода г. Койвисто». Распоряжение подписано зам. председателя - Е. Барыкин.

В дополнение: Распоряжение Исполкома Леноблсовета депутатов трудящихся:

1. Каннельярвскому райсовету - Передать ЛОУМПУ лесопильный завод в районе озера Сула-Ярви для переброски оборудования на Койвистовский завод.

2. Разрешить завоз в КР 200 рабочих и их семей.

3. Исполкому КР советов депутатов трудящихся:

4. Выделить участки для подсобного хозяйства;

5. Выделить жилплощадь работникам предприятия.

Л.258 Выписка из протокола заседания Исполкома Леноблсовета депутатов трудящихся от 15.08.44 г.

«Об организации народного суда для обслуживания Карельского перешейка».

18. Они сражались за Койвисто. / СПб: Изд.-торг. Дом «Остров», 2008 г., стр.79-81
19. ГКУ ЛОГАВ. Ф.НСБ. Оп.1. Д.49 Л.198.

Разрешить организовать народный суд для обслуживания г. Териоки, Койвистовского, Каннельярвского и Раутовского районов с местом нахождения в г. Териоки.

С расширением переселенческой деятельности на КП восстанавливаются поселковые и сельские Советы.

Не позднее 20 сентября 1944 г. возобновил свою деятельность Бьеркский поселковый Совет.²⁰

Не позднее 15 ноября 1944 г. возобновил свою деятельность Мелольский сельский Совет.²¹

Не позднее 6 декабря 1944 г. возобновил свою деятельность Иокельский, Колкольский, Уискольский и Хумалиокский сельские Советы.²²

Не позднее 21 декабря 1944 г. возобновил свою деятельность Липпольский сельский Совет.²³

По состоянию на 31 декабря 1944 г. не был восстановлен только Кайпиальский сельский Совет, так как на его территории не проживало гражданское население²⁴. Кайпиальский сельский Совет (центр сельсовета – селение Кирстиняля)²⁵ возобновил свою деятельность не позднее 7 июня 1945 г.²⁶

Виллальский с/с Выборгского р-на был восстановлен 13.03.1945 г.

Военное положение продолжало сохраняться на территориях вплоть до окончания второй мировой войны, и было отменено только 21 сентября 1945 года Указом Президиума Верховного Совета СССР «О признании утратившими силу Указов Президиума Верховного Совета СССР об объявлении в ряде местностей СССР военного положения».²⁷

Ф. Р-144. Оп.1. Д.2 «Протоколы и выписки из протоколов заседаний Койвистовского райисполкома за 1944 год с приложениями».

Л.1. Постановление исполкома райсовета ВКП(б) Койвистовского Района от 26.06.1944 г. «О наведении порядка в городе и районе»:

Начальнику РО НКВД т. Николаеву организовать контрольно-пропускные пункты на окраине города, усилить патрулирование по городу, установить посты в местах концентрации ценностей, организовать учет всех прибывающих в город и район.

1. Запретить всем организациям, в/ч и отдельным лицам самовольно занимать жильё и промышленные здания, склады и прочие помещения, расходовать строительные материалы, промышленные товары, изымать имущество, инвентарь, оборудование из домов, зданий в городе и районе без разрешения исполкома Райсовета.

В протоколах заседаний Койвистовского Райисполкома часто отмечается несоблюдение предприятиями и жителями города стандарта светомаскировки.

Указом Президиума Верховного Совета СССР от 24 ноября 1944 года «О включении в со-

20. ЦГА СПб. Ф.7179. Оп. 15. Д.294. Л.66.

21. ЦГА СПб. Ф.7179. Оп. 15. Д.294. Л.33.

22. ЦГА СПб. Ф.7179. Оп.15. Д. 294. Л.23; ГКУ ЛОГАВ. Ф.Р-144. Оп.1. Д.5. Л.6.

23. ГКУ ЛОГАВ. Ф.Р-144. Оп.1. Д.2 Л.123.

24. ЦГА СПб. Ф.7179. Оп.15. Д.367. Л.22.

25. ГКУ ЛОГАВ. Ф. Р-156. Оп.2. Д.2. Л.1.

26. ЦГА СПб. Ф.7179. Оп.15. Д.367. Л.122.

27. ВВС СССР. 1945. № 71.

став Ленинградской области Выборгского, Кексгольмского и Яскинского районов, расположенных на Карельском перешейке» территории Выборгского, Кексгольмского и Яскинского районов были переданы из состава Карело-Финской ССР в Ленинградскую область РСФСР. (Решение исполкома Леноблсовета депутатов трудящихся от 5 декабря 1944 г. № 86-81 «О включении в состав Ленинградской области городов Выборг и Кексгольм и Выборгского, Кексгольмского и Яскинского районов Карело-Финской ССР и образовании городских, районных и сельских Советов»). Меняется граница между КаФСР и РСФСР.

15 декабря 1944 года был подписан акт согласительной комиссии по изменению границы между РСФСР и Карело-Финской ССР. Граница между Карело-Финской ССР и Ленинградской области устанавливается по государственной границе СССР с Финляндией до границы Куркиокского района Карело-Финской ССР²⁸, а это значит, что территория бывшей финской Койвистовской волости полностью вошла в состав Ленинградской области.

Секретным Указом Президиума Верховного Совета РСФСР от 1 октября 1948 года «О переименовании районов, городов, рабочих поселков и сельских Советов Ленинградской области»:

1. Койвистовский район переименован в Приморский район и районный центр город Койвисто переименован в город Приморск; рабочий поселок Бьеркский Приморского района переименован в рабочий поселок Красноостровский;²⁹
2. Переименованы сельские Советы Приморского района Ленинградской области;³⁰
3. Иокельский сельский Совет в Октябрьский и селение Иокела в Октябрьское; (на карте 7 слайда – Местерярви)
4. Кайпиальский сельский Совет в Тарасовский и селение Кирстинияля в Тарасовское;
5. Колкольский сельский Совет в Мальшевский и селение Колкала в Мальшево;
6. Липпольский сельский Совет в Никоновский и селение Тиккала в Никоново;
7. Мелольский сельский Совет в Александровский и селение Хатьялахти в Александровка;
8. Уискольский сельский Совет в Краснофлотский и селение Куярви в Краснофлотское;
9. Хумалиокский сельский Совет в Рябовский и селение Куолемоярви в Рябово.

ГКУ ЛОГАВ Ф. 701. Оп.3. Д.10.Л.10. «Из Президиума Верховного Совета РСФСР» вырезка из газеты (названия нет, в интернете на сайте Tegijoki.spb.ru «Ленинградская здравница» 13 октября 1948 г.) статья «О переименовании населенных пунктов курортного района г. Ленинграда» включены: Зеленогорск, Репино, Ушково, Комарово, Дюны, Солнечное, Серово, Молодежное, Смолячково, Молодцово, Щурово.

Л.41. Решение Ленинградского областного совета депутатов трудящихся № 61/66 от 06.10.48 г. (ссылка на указ Президиума ВС от 01.10.48 г.):

Переименовать Койвистовский район в Приморский;
Бьеркский поселковый совет в Красноостровский.

В документах жителей иногда допускаются разночтения в названии населенного пункта:

Например, в свидетельстве о рождении Лазаревой Т.И. местом рождения указывается поселок Красноостровк (1956 г.), а в свидетельстве о браке родителей - место регистрации п. Красноостровский.

¹ГКУ ЛОГАВ Ф. 701. Оп.3. Д.10. Указ Президиума Верховного Совета РСФСР о переименовании населенных пунктов; ж/д станции, карта района, списки сельсоветов 1948-1949 г.г.

Л.1-9. Печатный вариант Указа президиума Верховного Совета РСФСР от 13.01.1949 г. «О переименовании населенных пунктов Ленинградской области». В верхнем правом углу

28. ЦГА СПб. Ф. 7179. Оп. 14. Д. 311. Л. 81-82.

29. БИК Леноблсовета. 1948. № 23. С.1.

30. БИК Леноблсовета. 1948. № 23. С.2.

надпись «Без опубликования в печати».

Указ подписан Председателем Верховного Совета РСФСР И. Власовым.

Выходные данные: Москва: 13.01.49 г

На основании указа населенным пунктам Приморского района Ленинградской области присвоены следующие наименования:³¹

- Александровский (Меллольский) сельский Совет:
- Камышевка (быв.Меллола, Павола, Сипрола, Ливанола, Хопиала, Варпулила, Сеппяля, Питкяля, мыза Вилликкиала);
- Красная Долина (быв.Аккала);
- Красный бор (быв.Муталахти);
- Луговое (быв.Татила);
- Мамонтовка (быв.Пихкала);
- Мысовое (быв.Ласола, Пахкалахти);
- Пионерское (быв.Куолемярви).

Краснофлотский (Уискольский) сельский Совет:

- Заполье (быв.Пейпола);
- Зеленый Холм (быв.Патру);
- Клеверное (быв.Рантамяки);
- Красногвардейское (быв.Халола, Корпела, мыза Равантти);
- Межозерное (быв.Антерола, Каллиола);
- Сосновый Бор (быв.Халила, Хаканен);
- Тимофеевка (быв.Мамиа);
- Урожайное (быв.Уискола, Хюттиле).

Красноостровский (Бьеркский) поселковый Совет:

- Островное (быв.Лангасмари);
- Петровское (быв.Эйстиля, Инкерттиля);
- Печорское (быв.Патала);
- Рыбачье (быв.Хютти).
- Малышевский (Колкольский) сельский Совет:
- Ельники (быв.Хиетанен, Алакюля);
- Зайчихино (быв.Кайпиала, Кунналлискоти, Раутанен);
- Красная Нива (быв.Леммикюля, Нярья, Алатало);
- Мельничное (быв.Латтула).

Никоновский (Липпольский) сельский Совет:

- Дятлово (быв.Илякюля);
- Тригорье (быв.Липпола, Хюлькюля);
- Черничное (быв.Хярькке, Пеусса).

Октябрьский (Иокельский) сельский Совет:

- Боровое (быв.Иеремианмяки);
- Волково (быв.Сортавала);
- Дубки (быв.Тамикко);
- Зеленая Роща (быв.Анттонала, Тони, Ускеланмяки, Юккола, Вихмала);
- Низовка (быв.Роусси, Ховиа);
- Озерки (быв.Сейвясте, Местерярви);

- Первомайское (Кивинапа) (быв.Тайкина);
- Пески (быв.Вохнола, Витиккала, Алипумала);
- Разино (быв.Тойвола);
- Рассказово (быв.Иорола, Хянниля).

Рябовский (Хумалиокский) сельский Совет:

- Балтийское (быв.Ниемикюля);
- Высокое (быв.Мурила);
- Ермилово (быв.Хумалиоки, Кивиокомьяки, Мутапелто);
- Заречье (быв.Юва);
- Карасевка (быв.Пенттиля);
- Лиственное (быв.Инкиля, Мерисилата);
- Лужки (быв.Карьялайнен, Конну);
- Морское (быв.Тяхкяпяя);
- Окуневка (быв.Кипинола).

Тарасовский (Кайпиальский) сельский Совет(на карте 8 слайда – Поляны):

- Бугры (быв.Валтонен);
- Вишневка (быв.Юлякюля, Пехкесенмяки);
- Ершовка (быв.Ярвенхови);
- Знаменка (быв.Ярмиля);
- Кремневка (быв.Курппа, Хялкеля);
- Овражное (быв.Хюпияниemi);
- Осетрово (быв.Хапала);
- Подгорное (быв.Китула, Путрола, Кеппола);
- Поляны (быв.Усикиркко, Линкка, Иткюмяки);
- Сенновка (быв.Тарккала);
- Уткино (быв.Кайпиала);
- Хвойное (быв.Пийспала).

Виллальский с/спереименовывается в Прибыловский.

Решением Исполнительного комитета Ленинградского областного Совета депутатов трудящихся от 4 апреля 1950 № 28-14, утвержденным Указом Президиума Верховного Совета РСФСР от 15 мая 1950 г.:

1. В границы Приморского района из Выборгского района перечислен Прибыловский сельский Совет;

2. В состав Прибыловского сельского Совета включены перечисленные из Токаревского сельского Совета Выборгского района населенные пункты Заовражье, Лисино и Стрелково;

3. В состав Никоновского сельского Совета включен населенный пункт Песчановка, перечисленный из Токаревского сельского Совета Выборгского района.³²

Таким образом, происходит увеличение Приморского района за счет уменьшения Выборгского района.

Решением Исполнительного комитета Ленинградского областного Совета депутатов трудящихся от 2 октября 1950 г. № 73-9:

1. Селение Ермилово Рябовского сельского Совета перечислено в границы Малышевского сельского Совета;

2. Селение Кремневка Тарасовского сельского Совета перечислено в границы Красно-

флотскогосельского Совета;

3. Селение Красная Долина и Пионерское Александровского сельского Совета перечислены в границы Рябовского сельского Совета;

4. Селение Озерное и Сенновка Тарасовского сельского Совета перечислены в границы Рябовского сельского Совета;

5. Селение Октябрьское Октябрьского сельского Совета перечислено в границы Тарасовского сельского Совета;

6. Населенный пункт Карасевка Рябовского сельского совета передан в административное подчинение Приморскому городскому Совету депутатов трудящихся;

7. Острова Пейсаари и Тиуринсаари выведены из административного подчинения Прибыловского сельского Совета и переданы в Красноостровский поселковый Совет.

Указом Президиума Верховного совета РСФСР от 3 апреля 1954 г. Приморский район был упразднен.

Территория бывшего Приморского района в составе:

1. Города Приморска;
2. Красноостровского поселкового Совета;
3. Александровского сельсовета;
4. Краснофлотского сельсовета;
5. Малышевского сельсовета;
6. Никоновского сельсовета;
7. Октябрьского сельсовета;
8. Прибыловского сельсовета;
9. Рябовского сельсовета;
10. Тарасовского сельсовета

– была передана в состав Рошинского района Ленинградской области.³³

Указом П ВС РСФСР от 16 июня 1954 г.:³⁴

- Октябрьский, Приветненский и Тарасовский с/с объединены в один Октябрьский с/с (центр – Приветненское);
- Малышевский и Рябовский с/с объединены в один Рябовский с/с (центр с/с Рябово).

Решением исполкома Леноблсовета дт от 25 июня 1956 г. № 19-27, утвержденным Указом Президиума ВС РСФСР от 9 августа 1956 г.³⁵ : Александровский и Рябовский с/с объединены в Рябовский с/с.

Указом Президиума ВС РСФСР от 4 января 1957 г. Приморск и рабочий поселок Красноостровский Рошинского р-на переданы в состав Выборгского района Ленинградской области.

Указом Президиума ВС РСФСР от 1 февраля 1963 года «Об укрупнении районов, образовании городов и изменении подчиненности районов и городов Ленинградской области» вместо ранее существовавших Выборгского, Приозерского и Рошинского районов в Ленинградской области был образован Выборгский сельский район с центром в городе Выборг.³⁶

С этого времени на картах Ленинградской области больше нет ни Койвистовского, ни Рошинского р-нов.

33. ВВС СССР. 1954. № 8. С. 304.

34. ЦГА СПб. Ф.7179. Оп.53 А. Д. 531. Л. 24.

35. ГА РФ. Ф.А-385. Оп. 13. Д. 804. Л. 24.; ЦГА СПб. Ф. 7179. Оп. 56. Д. 35. Л. 54

36. ВВС РСФСР. 1963. № 5. Ст.87.

ИЗОТОВА Маргарита Дмитриевна,
художник-искусствовед

ЕЛЕНА МАРТИЛЛА. БЛОКАДА. 1941-1944

«Я» больше нет. Есть «МЫ».

Е.О. Марттила. Из личного дневника.

В ночь на 22 июня 1941 года Елена Марттила вместе с друзьями-школьниками гуляла по набережной Невы после выпускного бала. Они ещё не знали, что в 4 утра враг перешёл границу Советского Союза, и начался «Тот самый длинный день в году с его безоблачной погодой, что выдал общую беду на всех, на все четыре года»... В 12 часов В.И. Молотов объявил о мобилизации военнообязанных 1905-1918 г.р. Всем классом отправились в райком комсомола записываться добровольцами на фронт. Мальчиков отправили в военкомат (из двенадцати войну пережили только трое). Елену вместе с другими девочками определили на курсы Российского Общества Красного Креста. Одноклассницы составили звено дружины: учились обрабатывать раны, накладывать жгуты и шины, носить раненых на носилках, обращаться с гранатами и противогазом. Девочкам выдали военную форму. В ноябре сдали экзамен, но врачебная комиссия признала всю группу непригодной для военной службы из-за дистрофии. Елену направили в детскую больницу имени Крупской (14-я линия Васильевского острова). Приходилось работать в операционной, в прозекторской. «Самое ужасное, мне приходилось выносить трупы детей в подвал. Там штабелями лежали детские трупы. Дети умирали не от болезней, а от голода. Навсегда запомнилась надпись химическим карандашом на ноге мальчика: «Олег Власов. 11 лет».

Елена Марттила родилась в Петрограде в 1923 году. Её отец Оскар Антонович Марттила родом из Финского города Котка. Был курсантом военного училища. Репрессирован в 1937-38 году. Реабилитирован посмертно в 1991-м. Блокаду делили вместе с мамой Евдокией Васильевной. До войны она устроилась чернорабочей на завод им. Козицкого, и поэтому девочка стала посещать детский сад, где на неё оказала серьёзное влияние воспитательница Екатерина Николаевна Огнева. Она прекрасно рисовала, играла на рояле, писала стихи, знала природу, и всему этому учила детей.

«Когда начала рисовать, даже и вспомнить трудно - с незапамятных времён. Рисовала я везде и всюду, красками и карандашами, углем и мелом, лепила фигурки из снега и песка, выкладывала рисунки прямо на земле из камешков, ягод и листьев, вышивала нитками по полотну целые картины, тут же придумывая их. Мои «скульптуры» из снега или песка долго стояли в сквере, а ягодные картинки на дорожках, ведущих в лес, ребята и взрослые осторожно обходили - видно, нравились.

Вот только большие картины рисовать я побаивалась. Мне казалось, что настоящие художники рисуют большие полотна, расстелив их на полу. Однажды мне в руки попал прекрасный портрет Владимира Ильича. Ленин сидит за письменным столом и читает газету

«Правда», а позади него - полки и книги, книги, книги... Так мне этот портрет понравился, что я отыскала где-то большой лист бумаги, расстелила его на полу, плюхнулась сама на живот и стала рисовать. Я даже не замечала, как кто-то перешагивал через меня. Что-то надо мной передавали друг другу. Я рисовала. Рисовала настоящий портрет... На следующий день папа купил мне краски: шесть круглых цветных лепёшек, наклеенных на картонку с дырочкой, и принёс целый ворох старых плакатов. На обратной их стороне можно было отлично рисовать».

В 1934 г. Елена участвовала в первом Всероссийском конкурсе юных дарований. Её работы участвовали на выставке Школы юных дарований при Академии художеств в Доме культуры им. Кирова и были премированы. Выставки проводились в школе, в районе, в городе. Лучшие работы были отправлены на Международные выставки во Францию, США. По итогам Всероссийского конкурса Марттила была принята в число тридцати детей, из которых организовали группу для обучения. Ученики школы получали стипендию. Преподавали Невельштейн, Лепилов, Анисович, Оболенский. «Я помню, когда клали на пол наши работы после очередного задания, то Самуил Григорьевич передвигал от первого номера до последнего. И я была вторым номером почти постоянно». В ШЮД одновременно учились В. Васильковский, В. Пушкин, Т. Мантурова, С. Загонек, В. Старов, П. Смукрович и многие другие. Сохранилась грамота, выданная Елене Марттиле: «передовая студентка-ударница» была премирована книгой «Дон-Кихот».

«На Васильевском острове, в 12-й общеобразовательной школе, где я училась, была своя студия, мы сами репетировали, шили костюмы, рисовали декорации. Нас никто никогда не заставлял. Идейного руководства у нас не было, была потребность. У нас очень хороший директор была - умная, образованная, чуткая - Рахиль Михайловна Сориц. Я с нею очень дружила. Наш кружок пожелал поставить спектакль в Доме Пионеров. Битком был набит зал. Ставили «Клопа» Маяковского! Спектакль был красочный, о нём даже в газетах писали! «Свадьбу» Чеховскую ставили, была композиция Блоковская, композиция по Толстому, по Лермонтову. Всё это было с портретами писателей, которые я рисовала. Помню Маяковского, Толстого, Сократа, Чехова. Как это было интересно: своя страна молодёжная, ребячья... Атмосфера в школе была насыщена интересом к театру, к литературе. Постоянно существовали литературные, театральные коллективы. Руководителей почти не было. Всё было на горячем энтузиазме и жажде знаний».

В 1939 г. Елена делала декорации к спектаклю «Плоды просвещения» (вместе с Михаилом Лапшиным). Постановщиком был в будущем известный режиссёр БДТ им. Горького Илья Ольшвангер. Театральные опыты пригодились в её дальнейшей судьбе: после войны она станет театральным художником и педагогом.

Война ворвалась внезапно. Но она не прервала мечты стать художником. «После того, как меня не взяли в армию из-за дистрофии, я работала в детской больнице имени Крупской. Между дежурствами было свободное время, и у меня появилась мысль об учёбе. И вдруг я узнала, что в Ленинграде продолжает работать Художественное училище. Это было в ноябре 1941 года. И я решила учиться. Я выдержала экзамен, меня приняли сразу на второй курс педагогического факультета, так как у меня была хорошая подготовка... Первое время мы вместе работали. Рисовали натурщиков и друг друга. Работали над гипсом, писали натюрморт с роскошной голубой фарфоровой вазой, оправленной в бронзу, и парчовыми драпировками. В студии топились буржуйка - нашими работами... Мы любовались красивыми залами, зеркалами, шикарными расписными мраморными стенами.

Училище находилось на Таврической улице. Когда перестали ходить трамваи, ходила в ЛХУ пешком с 18-й линии Васильевского острова. Доходила до Стрелки, опускалась на лёд, шла по нему через Неву по диагонали. Это страшно, когда посредине Невы ты одна - обратно уже не вернёшься, вперёд ещё далеко, а по дороге встречаются трупы замёрзших людей.

На той стороне Невы, у Марсова поля, я вылезала на набережную на четвереньках, потому что ступеньки замерзли и превратились в ледяную горку. Дальше я шла по диагонали через Марсово поле на Лебяжий мостик, на улицу Пестеля. И дальше вокруг решетки Таврического сада до Таврической улицы, до дома № 35, и утешалась красотой его фасада, и всё страшное оставалось за дверью».

Ленинградское художественное училище им. Н.К. Рериха («Таврическое», как его называли) возобновило свою работу в страшные блокадные дни благодаря стараниям его директора Яна Константиновича Шабловского (его портрет на фоне блокадного города Елена Марттила написала в 1942 г.). Ему удалось собрать бывших учеников художественных школ, студентов из Мухинского училища и Академии художеств. Он не только спасал от голодной смерти (учащимся выдавали рабочие карточки), но укреплял веру в то, что искусство нужно, что о художниках кто-то заботится и поддерживает в них искру жизни. «Когда мы пешком приплетались, кто откуда в училище и видели, что оно цело и невредимо и Ян Константинович на посту, нас ждут и о нас заботятся и мы - вместе, мы верили, что всё это временно и что ещё будет оно, будущее. Нас ждали красивые залы, мраморная лестница, витражи и зеркала, статуи... Ян Константинович вёл занятия по перспективе и истории искусств. Говоря о блокаде, он просил нас: «Смотрите, запоминайте, вы - художники, вам потом рассказывать об этом людям». Слова эти стали пророчеством творческой судьбы Елены Оскаровны. Тема блокады никогда её не отпустит. Через свои работы она покажет людям правду, которую пережила сама, её современники, весь город.

На рисунках и гравюрах Елены Марттилы - зал с высокими овальными окнами бывшего особняка генерала Куропаткина, накрест заклеенные бумагой. Лес мольбертов, и буржуйка с выведенной в окно трубой. Статуя обнажённой Венеры и закутанные студенты. На подиуме стоит девочка-дистрофик в балетной пачке и мужских сапогах. Тлеет буржуйка. Рисующие - в ушанках и тёплых платках. Так давалось искусство.

«Однажды в конце февраля, возвращаясь из художественного училища, я помогла идти нашему студенту, Жене. Он передвигался с большим трудом и всё заваливался назад. Мы как-то дотащились до угла Кирочной улицы и Таврического сада, и здесь Женя рухнул на ступеньки подъезда какого-то дома, и сказал, что ему сюда. Я упрашивала его не садиться, а дойти до своей квартиры, но он не послушался. Он так и остался сидеть на ступеньке, а я побрела домой на Васильевский остров, задавая себе задачу дойти до определённого места и сесть, затем ещё до другого места, и там сесть, и так до своего дома на 18-й линии Васильевского острова. В училище Женя больше не пришёл.

Образ Жени тревожил меня всегда. Я чувствовала себя как бы в долгу перед ним. Я пыталась рассказать о нём в рисунке. Жене было 17 лет. Его портрет хранится в Русском музее. Жене бы это понравилось. Мне кажется, что его творческая биография как бы продлилась».

В рисунках Елены Марттилы - будни блокадной страшной зимы 1941-1942 г. Спасительная коммунальная кухня без окон, где женщина на корточках топит плиту, на которой сидят все дети квартиры. «У соседки было двое детей. Зимой мы переселились из наших комнат на кухню. Там не было окон и было теплее и не так опасно: осколки не попадут. Дети спали на плите. После того, как в нашу квартиру попали снаряды и бомба, мы вместе с соседями переезжали с места на место. Жили ввосьмером, на кухне, переходили далее. Вместе переносили блокадные невзгоды.

Соседка Зейнаб Ахмедовна ходила на работу через бесконечную ледяную пустыню. У неё было двое детей. Четырёхлетний Алик без конца повторял: «Дай большой хлеб! Дай большой хлеб! Дай большой хлеб!». Мы уже слышать это не могли, отламывали от своего хлеба маленькие кусочки и давали ему, но он всё время повторял: «Дай большой хлеб!».

На рисунках Елены Марттилы - и этот полуобезумевший мальчик, и его мама, у которой уже почти закрылись глаза и слиплись губы, но она идет на работу через Неву, и добрый

Змей-Горыныч - печурка с длиннющей шейей-трубой, и потухшее Солнце дома - оранжевый абажур, и ненужные ныне вещицы на комод, обязательный чёрный репродуктор, который тикал ночью и днём, и люди, - кто лежит, и не может уж встать, кто сидит, нахохлившись, а кто - ухитряется двигаться и помогать другим. Вот юная Елена пришла навестить учителя Беера. Он - в кресле-качалке, завёрнутый в одеяло, пытается читать. На кровати кто-то лежит. Блокадники знали: кто лёг - не встанет... Дежурная девушка с лопатой, бредущие на Неву за водой, мертвый матрос на перекрёстке, мальчишка-ремесленник, - их завезли в город из деревень, да так и бросили, и они бродили по городу как собачки... Один из рисунков называется «Не смотри!» (набросок декабря 1941 г.). «На Суворовском я встретила одноклассницу Зою Смирнову. Она только что потеряла родителей. И тут показалась машина, беспорядочно гружёная трупам. Я прижала подружку к себе и сказала «Не смотри!». Были и редкие праздники: Новый 1942-й год «встречали с моей одноклассницей Валею Ермолаевой и её знакомыми - Николаем Плисс и Анатолием, капитаном и фельдшером подводной лодки. Мама достала по карточкам воблину и сварила ароматный суп, и крупы положила. Пшено - праздник! Ребята принесли дров, несколько поленьев, одну банку консервов, полхлеба и плитку шоколада! И ещё - патефон. Валя читала стихи. Ребята протопили буржуйку, «накрыли на стол», а мы сидели в одеялах на диване».

«Однажды в феврале я поняла, что до утра не дотяну. Если лягу, встать уже не смогу (до того у меня уже были обмороки с потерей сознания, по 2-3 обморока в сутки). Я просто не смела лечь - это конец... И так стало обидно - я молода, а меня заставляют умирать, как будто жизнь моя ничего не стоит! И кто заставляет? Гитлер! Фашист! И не в бою, а в постели! Пусть я умру, но хотя бы как художник, с кистью в руках. С этим как-то успокоилась, почувствовала себя сильной, раз не ною. Взяла листок бумаги, какую-то кисть и, увидев себя в маленьком зеркальце, решила рисовать то, что вижу. Коптилка слабо мерцала, а я уже увлеклась и не хотела думать о смерти. Передо мной была натура, и я рисовала. Может быть, люди потом поймут, что ленинградцы не сдавались так просто.

Пока я водила кистью, прошла ночь. Вдруг, подняв глаза, я увидела слабый свет сквозь щели в шторе. Настало утро. Утро дня, которого я не чаяла увидеть. Я победила! Я преодолела смерть, не подчинилась приказу Гитлера - умертвить всех ленинградцев. Сквозь смерть я увидела это утро. Мысль, что я не умерла, что теперь-то я не умру, буду жить, ощущалась каждой клеточкой истощённого организма и вливала силы. Вот уже второе, нет, десятое дыхание открылось! Мне стало весело и спокойно. Единственный хлеб, что меня спас, - моя работа и вера.

Получила хлебные карточки за февраль, смогу ли получить за март? Сидеть больно. Ходить трудно. Но я хожу, с палкой. Меня бабушкой называют...».

В Публичной библиотеке хранится этот «Автопортрет. Перед смертью. Февраль 1942» (акварель). Он поразителен: очень точен, художественно-совершенен и наполнен удивительной силой. Он примагничивает, от него нельзя оторваться, хотя внешней эффектации нет никакой. Смерть отбросила все детали, растворила подробности. Блик в левом глазу - как точка прицела, спасительный маяк. Таких работ в искусстве мало, почти нет. Её место - в постоянной экспозиции Музея истории города или Русского музея. Человечество должно ею гордиться. Все знают показную, внешне экспрессивную картину Мунка «Крик», - выражение человеческой слабости и страха. Почему же не знают сдержанную, мужественную и гораздо более выразительную работу Елены Марттилы? Почему не знают этот пример живительной силы искусства, его духовную мощь?

Удивительно, но в городе работала Публичная библиотека. Один из рисунков - женщина (видимо, сотрудница) с трудом несёт стопку книг, а другая читает у окна. Рисунок называется «В Публичной библиотеке (голова кружится)». Январь 1942 г.»

После войны, когда Елена Оскарловна получила возможность работать по своим набро-

скам, она не воспользовалась живописью, цветом. Она выбрала черно-белую литографию и гравюру на картоне как более соответствующие образу блокадного Ленинграда. «Город был удивительно тихим, белым и трагически-красивым. Была крошечная тишина. Ни шума машин, ни звука шагов. Жутко и тихо. И как единственный далёкий и слабый, но живой - звук метронома по радио: так... так... так...».

Ленинградские виды, сделанные по наброскам, удивительно поэтичны. Угол дома с башней и сказочными воротами Булочной, ослепшие фонари, мёртвые провода, и по-прежнему праздничные греческие фронтоны, которые как драгоценность ватой укутал пышный блокадный снег. Как никогда прекрасные, снежные шары непобедимо-живых деревьев. Для художника - рай: пропала томительная, чертёжная прямизна. Дрогнули струны архитектурных линий, и родилась особая музыка штрихов, где трепет всеобщей жизни соединяется с трепетом рисующей руки. Вот литография «Подворотня»: «Никто нигде не убирал, нечистоты выливали из окон и с лестниц. До второго и третьего этажа была ледяная жёлтая глыба, и в ней были люди...». Это ужасное описание впрямую относится к работе, но в ней торжествует какая-то невысказанная красота, сопряжённая с ужасом, но победившая ужас.

Сегодня мы сталкиваемся в живописи, в литературе, в кино, с преднамеренным культом ужаса и грязи. Возможно, «загламуренный», стерилизованный современный мир сощурился по разрушениям. Возможно, он подсознательно (а может - и сознательно) провоцирует их. Ленинград был реальным театром смерти. Но, видимо, культура имеет свои инерционные силы противодействия злу. Это - и увиденные картины, прочитанные книги, просмотренные и созданные спектакли, музыка, сам город с его воплощённой гармонией, - уверена, что всё это в сознании юной художницы определило её взгляд на жизнь. Одна из гравюр называется «На концерт». Мужчина на саночках везёт не труп, - виолончель, а мальчик подталкивает сзади. Было ли так на самом деле? Может, и не было, но очень хотелось, чтобы было.

Другая гравюра Марттилы названа «Ленинградская мадонна» (вариант картины «На дежурстве»). Мать на посту в подворотне укрывает своё дитя. Она же - «Берегиня». Это - суть блокады. Не секрет, что в первые блокадные месяцы умирали чаще мужчины, а женщины находили в себе силы жить и защищать семью. Перводанная природная сила могла быть названа разными именами в соответствии с культурой, воспитанием тех или иных людей, но она была самой главной, победившей смерть.

Конечно, Елена Марттила не могла обойти стороной образы Д. Шостаковича и О. Берггольц. Дмитрия Дмитриевича она рисовала с натуры в 1944 г., - делала наброски во время прослушивания Седьмой симфонии в зале филармонии. Позже был сделан портрет. Гравюра «Говорит Ленинград» воссоздаёт знакомый по фотографии образ поэтессы, которая была душой и ангелом-хранительницей Ленинграда.

Дневник Елены Оскаровны Мартиллы, выдержки из которого здесь приводятся, хранятся в ГПБ. Следует обратить внимание на эту очень важную часть её творческого наследия. Её наблюдения - не просто отметки памяти. Это - литературно-художественные описания человека высокой культуры. Несомненно, что её учителя (остатки старой интеллигенции), театральные постановки, которые ставились в школе, классика, которую она впитала, - именно эти жившие в душе голоса высочайшей ленинградско-петербургской культуры сделали её уникальным художником-очевидцем, сумевшим создать образ блокадного города и его героев.

Имя Елены Оскаровны Марттилы (в силу скромности этого человека или молчаливости её искусства) не так хорошо знают, как имена Шостаковича и Берггольц, но это неверно. Её вклад не менее велик. Пройдя до войны короткий творческий путь в натурном рисунке, в живописи, в создании театральных декораций, она сумела создать многоликую панораму города, наполненную личными чувствами, живыми впечатлениями. В своём творчестве она

зашла по ту сторону смерти. Опыт её уникален.

Сегодня, в наши дни, мировая общественность плохо представляет себе, что такое Ленинград и блокада, а это крайне важно. Седьмая симфония пробилась в ряд мировых шедевров. Имя Ольги Берггольц тоже известно. «Блокадная серия» Е.О. Марттилы должна быть поставлена в этот ряд как достояние национальной культуры. Подвиг Ленинграда на Земле не имеет себе равных, и то, что в блокадном городе рисовали художники - беспрецедентный факт культуры. Это мы должны понимать. Мы должны сделать так, чтобы «Блокадная серия» Елены Марттилы с выдержками из её дневников была в постоянной экспозиции одного из наших главных музеев. Её работы необходимо включить в проект нового Музея блокады как его важную и неотъемлемую часть.

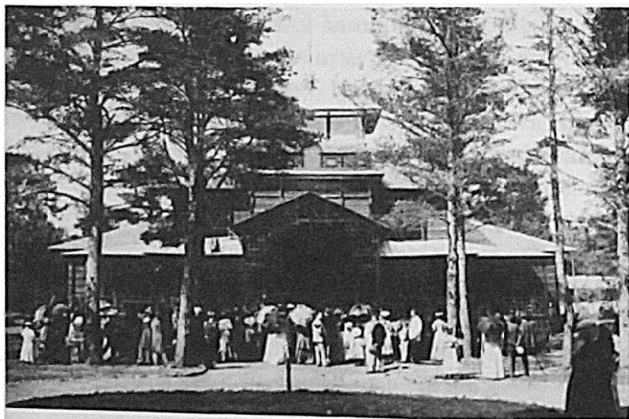
*КАРПОВА Елена Витальевна,
историк*

ПАРК В ТЕРИЙОКАХ

Летом 2015 года в Зеленогорске состоялись праздничные мероприятия, посвященные 60-летию городского парка культуры и отдыха. Отсчет ведется с 1955 года в связи с тем, что именно в этом году велись активные работы по благоустройству парка: на площади в два гектара были разбиты газоны и клумбы с сотнями цветов, высажены 10 тысяч кустарников, 200 деревьев — клены, тополя. Произведена очистка лесного массива и проложены новые пешеходные дорожки и аллеи. У Летнего театра сооружен фонтан. По проектам зодчих, приезжавших в расположенный неподалеку Дом отдыха архитекторов, в парке начали устанавливать беседки и павильоны. Были оборудованы аттракционы, новые спортивные, танцевальные и театрально-зрелищные площадки.

Работ действительно было проделано немало, однако, 1955 год можно считать годом основания парка лишь условно. Еще в 1948 году финское название Терийоки (Terijoki) было изменено на Зеленогорск, и уже тогда парк получил свое современное название: ЗПКиО – Зеленогорский парк культуры и отдыха. Но история зарождения и развития парка началась задолго до этого.

В конце XIX века в том месте, где сейчас расположен парк, размещалась служба пожарной охраны. Строения в Терийоках были деревянные, опасность пожаров была чрезвычайно высока. Поэтому организации противопожарной безопасности уделялось должное внимание. Каждый мужчина поселка, достигший 18-ти лет, приписывался к местной пожарной общине и платил туда налоги. Терийокские женщины и дети тоже участвовали в пожарном движении. В Доме пожарной охраны они проводили лотереи и сборы пожертвований в пользу пожарного общества, устраивали спектакли, концерты. В концертах участвовали и сами пожарные: играли на музыкальных инструментах. Постепенно Дом пожарной охраны стал местом притяжения жителей поселка. Неподалеку были построены небольшой стадион, площадки клуба «Лаун-Теннис» и пристань для яхт. Все эти объекты вместе с прилегающей зеленой зоной на берегу Финского залива стали называть «Парком пожарной команды».

Живописный окружающий ландшафт и целительный для здоровья микроклимат этого места стали привлекать в парк отдыхающих из Петербурга. После постройки железной дороги доехать на поезде до Терийок стало возможно всего за пару часов. От вокзала до парка добирались потом на конных упряжках. Рост числа посетителей парка привел к тому, что на берегу были построены танцевальная площадка и ресторан с залом длиной в несколько десятков метров.

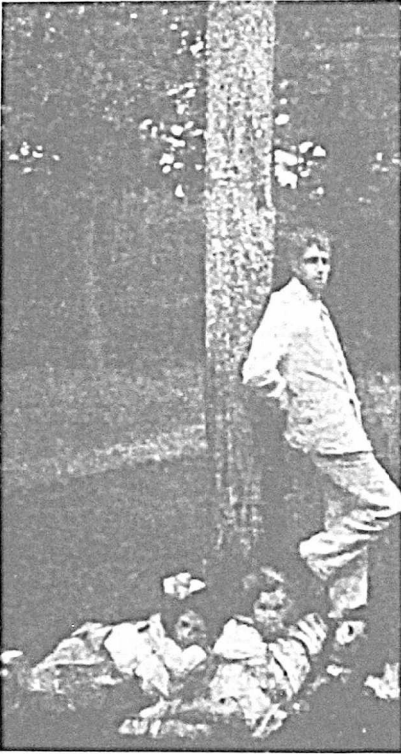
А самым знаменитым стало построенное в центральной части парка ярко-желтое здание курзала «Казино». Автором проекта здания был известный архитектор Юлий Федорович Бруни. Здание это до наших дней не сохранилось. Принадлежал курзал «Обществу благоустройства дачной жизни», то есть был в собственности терийокских дачников. Курзал, или кургауз, как его еще называли на западный манер, – это помещение на курорте, предназначенное для отдыха и проведения культурно-развлекательных мероприятий. Как и положено курзалу, «Казино» было многофункциональным. Размещалась здесь, в частности, водолечебница. Петербуржцы, по моде того времени, могли приехать сюда «на воды». Минеральную воду привозили с территории Финляндии, из Ловийсы (фин. Loviisa). Отдыхающим предлагались различные процедуры. А вечерами они могли развлекаться в большом танцевальном зале с паркетными полами.

Был в курзале и концертный зал, вмещавший 200 человек. Постоянной антрепризы не было. По субботам дачники показывали любительские пьесы. По воскресным и праздничным дням давались различные представления. Здесь можно было увидеть и цыганский хор, и циркачей, и дрессировщиков животных. Но достаточно часто сюда приезжали и профессиональные артисты из Петербурга. Первый спектакль состоялся 7-го августа 1894 года. На этой сцене выступали многие известные деятели культуры – Александр Блок, Максим Горький, Владимир Маяковский, Мария Андреева, Корней Чуковский, Николай Евреинов, Леонид Андреев.

В начале XX века название «Парк пожарной команды» постепенно перестало употребляться, и эту зону отдыха стали называть «Общественным парком». Парк стал центром культурной жизни петербургской дачной публики. Летом 1907 года в Терийоки приехала труппа режиссера Владимира Ростиславовича Гардина. Владимир Гардин, который впоследствии стал одним из первых русских кинорежиссеров, в начале века стремился ставить пьесы остросоциальной направленности, запрещенные российской цензурой. Поэтому у Гардина возникла идея — ставить спектакли в Финляндии, где цензура была менее строга. Выбор Гардина пал на Терийоки, где он снял зал в парковом «Казино».

К постановке «К звездам» Гарин привлек известного режиссёра Всеволода Эмильевича Мейерхольда, который в это лето работал в поселке Оллила (фин. Ollila, ныне Солнечное), где была создана Оллиловская музыкальная студия. Вечера музыкальной студии проходили в основном по воскресеньям и собирали зрителей со всей округи и любителей музыкально-театрального искусства, приезжавших из Петербурга. Студия периодически выезжала «на гастроли», показывая свои постановки в Систарйоки (фин. Siestarjoki, ныне Сестрорецк). Один из таких гастрольных «Вечеров нового искусства» прошел 13 июля 1907 года в Терийокском «Казино». Главным режиссером вечера был В. Мейерхольд. Первое отделение было литературным. Стихи читали А. Блок, С. Городецкий, А. Рославлев, В. Пяст, И. Василевский. Во втором отделении были показаны инсценировки двух романсов на музыку П. Чайковского и танец из «Саломеи» О. Уайльда. На одном из летних представлений был В.И. Ленин, приехавший на Петербургскую общегородскую конференцию РСДРП, проходившую в Терийоках 8 июля 1907 года.

Каждое лето в Терийоках собирались представители питерской творческой интеллигенции. Самым ярким и запоминающимся стал 1912 год. Театральный сезон этого года был особенным – экспериментальным. Инициатором терийокского эксперимента выступила Любовь Дмитриевна Блок, дочь Дмитрия Менделеева и жена Александра Блока. Она была увлечена театром, и именно она придумала организовать летний театр под Петербургом, в котором можно было бы свободно и творчески работать. Этой идеей Любовь Дмитриевна поделилась со своей подругой Валентиной Петровной Веригиной, известной актрисой, которая, в свою очередь, рассказала об этом своим знакомым — завсегдатаям знаменитого арт-кафе «Бродячая собака». Идею одобрили и поддержали Борис Пронин, администратор «Бродячей собаки» и Николай Бычков, муж Веригиной. Для реализации плана выбрали Терийоки. «Казино» в это время было акционерным обществом, делами которого заведовал молодой швед В.И. Ионкер. С ним удалось быстро договориться об условиях аренды.

В.Э.Мейерхольд

мрачная из-за высоких деревьев парка. Комнаты актеров (почти все) находились на втором этаже, тут же жил Мейерхольд. Внизу помещалась семья Мейерхольда, а нижняя гостиная была отдана в распоряжение гостей. На большой террасе обедали, пили чай».

Есть две версии появления этой виллы в Терийоках. Согласно одной из них владельцем виллы был дипломат, итальянский консул по фамилии Лепони, который приобрел небольшой участок земли на берегу залива около парка еще в конце XIX века, и затем построил здесь дачу. По другой версии дореволюционным собственником виллы был богатый землевладелец Матти Пиетинен. А название «Лепони» происходит от финского слова *iero*, в переводе на русский язык означающего «отдых». Здание было построено в стиле скандинавского модерна. Вилла впечатляла скатами андерсеновских крыш, крытыми галереями второго этажа, ромбической расстекловкой веранд, и особенно своей доминантой — четырехэтажной башней с балконами. Борис Алперс, в то время еще совсем

молодой человек, а впоследствии известный советский театровед, так описывал актерскую обитель: «Дача Лепони - огромное деревянное здание, похожее на корабль шекспировских времен, со множеством пристроек, галереек и крытых переходов...». Всеволод Мейерхольд называл виллу «домом Эшеров» и говорил, что в ней водятся привидения («Падение дома Эшеров» — рассказ Эдгара Аллана По, включающий стихотворение

Вилла Лепони

С предложением поставить несколько спектаклей обратились к Всеволоду Эмильевичу Мейерхольду. Мейерхольд согласился, начал репетировать с актёрами, постепенно вошел во вкус, у него возник ряд интересных идей, и режиссер решил работать с труппой весь сезон и даже привез семью в Терийоки. Помощником режиссера стал К.К. Кузьмин-Караваев. Хозяйственной организацией Териокской труппы занимались Б.К. Пронин и П. Луцевич. Актерская труппа состояла из В.П. Лачинова, Л.Д. Блок, В.П. Веригиной-Бычковой, А.А. Мгеброва, его невесты Виктории Чекан, Е.П. Кульбиной, жены Н.И. Кульбина. Кульбины жили по соседству в Куоккале (с 1948 г – Репино).

По инициативе Мейерхольда в Терийоках было основано «Товарищество актёров, писателей, музыкантов, художников». Члены товарищества поселились на вилле «Лепони». Карин Смирнова (дочь драматурга Августа Стриндберга) описывала это так: «Группа артистов (частично любителей) и писателей поселилась на лето в большой, очень запущенной «даче» почти без мебели и гардин, с грязными обоями, скудно обставленной плохими железными кроватями, комодами и случайно собранными разными стульями». Воспоминания жившей там В.П. Веригиной иные: «Дача была огромная, с хорошо обставленными комнатами, немного

«Обитель привидений»). В 1920-е годы вилла станет главным зданием Терийокского Морского курорта (фин. *Terijoen Merikyylly*) с казино и рестораном, который обслуживали официантки в национальных костюмах. В 1940-е годы здесь будет «Ленинградская здравница», а позже — ресторан «Жемчужина». До наших дней здание не сохранилось, в 1970-е годы оно сгорело.

Спектакли «Товарищества актёров, писателей, музыкантов, художников» шли на сцене «Казино». Театральная сцена здесь была не простой, она представляла собой сложную техническую конструкцию. Именно на этой сцене Всеволодом Мейерхольдом был придуман и апробирован новый подход к режиссуре, инсценировке спектаклей и актерской игре. Согласно этому методу первичным на сцене должно быть движение, физическое действие. Звуки и эмоции — вторичны. Режиссер добивался от актеров того, чтобы они более эффектно выражали себя и одновременно доносили авторскую идею до зрителя в первую очередь пластикой своего тела. Этот метод Всеволод Мейерхольд назвал «биомеханикой». А свои театральные новшества Терийокского театрального сезона 1912 года Мейерхольд называл «театром иронического гротеска».

Здесь, на территории русской Финляндии, у Мейерхольда была реальная возможность свободного творческого процесса, поиска, экспериментов. В русскую театральную цензуру пьесы подчеркнута не представлялись. Но, тем не менее, художественный совет, все же существовал. Входили в него многие известные люди того времени — Михаил Гнесин, Владимир Соловьев, Николай Кульбин. Забавно, что в Терийоках худсовет заседал не в зале, а, зачастую, пользуясь солнечной погодой, члены совета устраивались на пляже залива. Иногда к совету присоединялись актеры и тут же, на пляже, принимались совместные решения.

Открытие сезона состоялось 9 июня 1912 года. Было много специально приехавшей из Петербурга публики. Перед началом спектакля Всеволод Мейерхольд выступил со вступительной речью, в которой изложил принципы нового театра. Были показаны пантомима «Арлекин - ходатай свадеб» в постановке Мейерхольда и две интермедии Сервантеса, режиссером которых был В. Соловьев. Представление произвело благоприятное впечатление на зрителей, что воодушевило труппу.

14 июля того же года на сцене Терийокского театра был дан один из самых обсуждаемых спектаклей в постановке Всеволода Мейерхольда по пьесе Стриндберга «Преступление и преступление». Переводчики озаглавили пьесу «Виновны — Не виновны?». Такое же название получил и спектакль. Август Стриндберг, знаменитый шведский писатель, драматург, основоположник современной шведской литературы и театра, скончался двумя месяцами ранее — 14 мая 1912 года. И спектакль был посвящен памяти Стриндберга. В газетах Петербурга о нем было оповещено, благодаря чему в Терийоки приехало много зрителей из города. Специально были приглашены дочь Стриндберга Карин с мужем Владимиром Смирновым. Главным декоратором спектакля был Н.И. Кульбин, который сделал простые декорации из коленкорových занавесов и минимального количества, требующихся по ходу действия пьесы, вещей. Кроме того, Кульбин создал портрет Стриндберга в плакатно-кубистической манере. Карин «синтетический» портрет отца не понравился: «глядя на большие, круглые, угольно-черные глаза папы, смотревшие на нас из всех трех- и четырехугольников, я не могла сосредоточиться на его «символическом объяснении». Объяснение давал знаменитый поэт Александр Блок, жена которого Любовь Дмитриевна исполняла в спектакле главную роль. А.А. Блок не жил вместе с остальными на вилле «Лепони», но приезжал в Терийоки часто, останавливаясь в гостинице «Казино». Владимир Пяст даже называл его «незримым скипером, управляющим ходом Терийокского корабля».

Перед спектаклем актеры выражали свои соболезнования Карин Смирновой в связи со смертью ее отца. Трагизм ситуации усугублялся тем, что все они были в состоянии глубокой скорби по своему другу Николаю Сапунову, который погиб в возрасте 31 года всего месяц назад — 14 июня этого же года.

Николай Николаевич Сапунов — живописец, театральный художник. Многие считали его одним из лучших сценографов за всю историю русского театра. Дух театра и маскарада пронизывал все творчество Николая Сапунова. По словам искусствоведа Я.А. Тугендхольда, этот художник «отравлен чарами театральности, и сине-зеленый мир видится ему не иначе, как оправ-

Н.Н.Сапунов

ленный в фестоны красно-синего занавеса».

Поэт Михаил Кузмин так характеризовал своего друга: «Он был вполне театральный человек, то есть тип настоящего художника, актера, скорее уличного или площадного, который, с детства, практически, овладев искусством, относится уже безразлично к тому, где его применять: в цирке, так в цирке, в церкви, так в церкви, на площади, в маленькой комнате, где уютно».

С Мейерхольдом Сапунов сотрудничал с 1905 года. Самыми известными театральными работами художника стали поставленные В.Э. Мейерхольдом «Смерть Тентанжиля» в Театре на Поварской (1905) и «Балаганчик» А.А. Блока в театре В.Ф. Комиссаржевской (1906).

Еще в ранней юности Сапунову была предсказана смерть от воды, и он жил под тяжестью этого предсказания, что не могло не сказаться на его творчестве. Элемент трагического с особой силой нарастал как в живописных произведениях, так и в театральных спектаклях послед-

них двух лет его жизни. Так, например, на основе острого гротеска была построена постановка пантомимы «Шарф Коломбины» по рассказу Артура Шницлера, осуществленная Сапуновым совместно с Мейерхольдом в петербургском Доме интермедий в 1910 году. Для Мейерхольда пантомима была интересна тем, что в полной мере позволяла реализовать его метод биомеханики. Всеволод Эмильевич стремился доказать, что театр способен обойтись без слов. Блестящее сценическое действие разворачивалось на фоне динамичных декораций Николая Сапунова. По мотивам этого спектакля художник создал картину под тем же названием.

Для Мейерхольда Сапунов был одним из его любимых художников. Вместе они творили и в Терийоках. Помимо работы над декорациями к спектаклям, художник задумал организовать в Общественном парке большое театральное действо — маскарад под названием «Веселая ночь на берегу Финского залива». Коллизия планировавшегося маскарада была основана на остром гротескном столкновении низменной прозы и возвышенной романтики. Основным атрибутом театрализованного маскарада должна была стать маска «дурацкой рожи». Николай Николаевич уже определил площадки для будущего маскарада и начал работу над интерьерами и костюмами участников. Замысел этот не был осуществлен из-за преждевременной смерти художника здесь же, в Терийоках. Сапунов погиб во время лодочной прогулки по Финскому заливу. В лодке были его друзья: Михаил Кузмин, Любовь Яковлева, Евфимия Бебутова и молодая актриса Белла Назарбек, в которую Сапунов был влюблен. Перегруженная лодка перевернулась, и Николай Сапунов, не умевший плавать, утонул. Остальные сумели спастись. Тело нашли на одиннадцатый день на Кронштадтском берегу. В Кронштадте Сапунова и похоронили. 23 июня в Исаакиевском соборе была отслужена панихида. Смерть Н.Н. Сапунова была воспринята как трагедия всей творческой интеллигенцией России, во всех крупных газетах и журналах страны появились некрологи, написанные известными деятелями русской культуры.

Это горе, конечно, не могло не повлиять и на работу Товарищества. Мейерхольд «заметно помрачнел и не находил себе места», «после смерти Сапунова на нашу жизнь, - вспоминал А. Мгебров, - надвинулись сумерки. Но это не были сумерки бесплодного уныния». Жизнь продолжалась, и продолжалась работа театра. Оформлением спектаклей, демонстрировавшихся в Общественном парке, занимались Николай Кульбин, Юрий и Сергей Бонди. Эти художники представляли свое творчество в новом стиле «модерн». Театральным сезоном летом 1912 года зрители смогли увидеть в постановке Мейерхольда спектакль по пьесе испанского драматурга XVII века Кальдерона «Поклонение кресту» (запрещенной к постановке в России), «Легкомыс-

ленную комедию для серьезных людей» и «Что иногда нужно женщине» Оскара Уайльда, «Доходы мисс Уоррен» и «Ни за что бы вы этого не сказали» Бернарда Шоу, «Саламанскую пещеру», «Два болтуна» и «Ревнивого старика» Сервантеса, а также «Хозяику гостиницы» Карло Гольдони.

Театральные постановки продолжились здесь и в последующие годы. Снявший комнату в кофейне «Идеал» летом 1914 года Николай Гумилев писал Анне Ахматовой про Терийоки: «Есть театр, в театре Гибшман, Сладкопевцев, Л. Д. Блок, директор театра — Мгебров (офицер)». Сейчас о тех временах горожанам напоминает улица Театральная, пролегающая от Приморского шоссе к Золотому пляжу. Именно на этой улице и находилась знаменитая вилла «Лепони».

Такой бурно развивающийся дачный курорт, как Терийоки, не мог обойтись без собственного яхт-клуба. И в 1910 году в Общественном парке появились яхтсмены. Яхт-клуб был основан здесь адмиралом Николаем Илларионовичем Скрудловым, командующим Тихоокеанским и Черноморским флотами в отставке. «Августейшим покровителем» согласился быть великий князь Кирилл Владимирович, двоюродный брат Николая II. Был сооружен железобетонный мол, оградивший 11-футовую гавань от вторжения сильных волн Финского залива. Терийокиские яхтсмены получили уникальную возможность плавать в искусственной гавани, не опасаясь штормов и сильных течений, тогда как многие другие клубы (в том числе Императорский речной яхт-клуб и Санкт-Петербургский парусный) не могли себе этого позволить.

В первый же сезон Терийокинский яхт-клуб принял у себя эскадренное плавание на кубок известного в те годы в России яхтсмена Владимира Рейса. Гонки продолжались три дня: с 5 по 7 июня 1910 года. Яхты всех петербургских парусных клубов состязались на дистанции от Терийок до Кронштадта. В честь открытия сезона был дан товарищеский обед в зале Терийокинского «Казино» и организован семейно-танцевальный вечер. Журнал «Яхта» писал: «Что же касается спортивной публики, лишенной возможности в Петербурге любоваться парусными гонками, то для нее, кажется нам, Терийоки — единственное место, где она всласть может отвести душу, наблюдая состязания яхт с берега. И это особенно должно быть приятно для тех лиц, которые, любя море, любя водный спорт, не в силах переносить неравномерного, душу выворачивающего укачивания чарующего, но, все-таки, коварного моря».

Н.И.Скрудлов

На время гонок здание яхт-клуба украшалось флагами, для зрителей устанавливали трибуны. Простая публика могла наблюдать за соревнованиями бесплатно, стоя за оградой. Водный спорт был самым модным развлечением в начале XX века.

На следующий год яхт-клубом была организована уже полноценная гоночная неделя, включавшая пять парусных гонок (из них одну для рыбацких лодок) и одну гребную на яхтенных тузиках с гребцами-матросами. Журнал «Яхта» 15 июня 1911 года сообщал: «Терийокинский морской яхт-клуб весьма пышно (с точки зрения спортивной) отпраздновал в этом году свое открытие... Незначительные дефекты в организации не могли быть поставлены в вину молодым яхтсменам юного общества, и можно с уверенностью предсказать, что в будущем году недочеты первой Терийокинской гоночной недели не повторятся». На фотографиях с гоночной недели береговая полоса заполнена публикой: дамы в нарядных платьях беседуют с военными в парадной форме.

В уставе, утвержденном в 1915 году, было записано, что клуб «имеет целью распростра-

нение любви к плаванию на парусных, гребных и других судах». На яхтах, принадлежащих к клубу, поднимали белый флаг с синим крестом и гербом Выборгской губернии, к которой тогда относился Терийоки. У членов клуба была своя форма: зимняя, летняя и парадная. Интересно, что для яхтсменов немаловажными были вопросы чести. Структура управления клубом включала комиссию посредников, которая рассматривала «нарушения членами клуба правил чести и приличия» и могла назначить взыскание (замечание, выговор, запрет на вход в клуб в течение шести недель и даже представление виновного общему собранию с целью исключения из числа членов клуба).

После Октябрьской революции яхт-клуб как организация практически перестал существовать. Адмирал Н.И. Скрыдлов умер в Петрограде в 1918 году. Был похоронен на Смоленском кладбище с воинскими почестями. Гавань и здание Терийоковского яхт-клуба еще действовали, в том числе здесь швартовались военные суда. После Второй мировой войны сохранившийся причал использовался только для прогулочных теплоходов.

Деревянные строения, установленные в Общественном парке, не сохранились. Некоторые здания были разобраны финскими властями и вывезены вглубь страны после окончания Гражданской войны. Другие постройки были разрушены в годы Великой Отечественной войны. После войны постепенно начинается восстановление парка. Летом 1947 года в Терийоках отдыхал архитектор, профессор академии художеств, Мирон Ильич Рославлев. По его проекту в Общественном парке были восстановлены городская летняя эстрада и павильоны для устройства читальни, буфета и танцевальной площадки, красиво сочетавшиеся между собой. Это стало существенным вкладом в дело благоустройства парка.

В 50-е годы для удобства отдыхающих к железнодорожному сообщению между Ленинградом и Зеленогорском было добавлено водное пассажирское сообщение. В 1953 году была начата перепланировка парка. От Комсомольского сквера к Золотому пляжу проложили аллею, открывшую вид на залив. Вдоль аллеи разбили цветочные клумбы. Создание и оформление аллеи производилось по указаниям тогдашнего директора ЗПКиО В.М. Иванова. Утвержденного проекта не было. За самовольные несанкционированные действия В.М. Иванов едва не заплатился партийным билетом и не лишился должности. Парклесхоз наложил на директора штраф за незаконную вырубку леса. Но новая аллея в парке понравилась проезжавшим через Зеленогорск первому секретарю Ленинградского обкома партии В.С. Толстикovu и председателю Ленгорисполкома Н.И. Смирнову. В результате директора не наказали, и даже отменили штраф. И центральная аллея осталась. И по сей день она радует отдыхающих. А весь парк по-прежнему остается центром курортной и культурной жизни отдыхающих.

Литература

1. Балашов Е. А. Карельский переиеек - земля неизведанная. - СПб., 1996.
2. Виноградов К. Дачный театр с Мейерхольдом. // Зеленогорский Вестник, №13(15)-14(16), апрель 1991.
3. Из воспоминаний дочери А.Стриндберга Карин Смирновой. URL: <http://old.imli.ru/litnasledstvo>.
4. Кяхенен Э. Прежние Терийоки - деревенские воспоминания. - Коуволла, 1982. Перевод с финского А. К. Молчанова, Е. А. Балашова.
5. Пышновская О. М., Усыскин Г.С. Зеленогорск. - Л., 1978.
6. Пяст Вл. Встречи. - М.: Новое литературное обозрение, 1997.
7. Терийоки - Хайнола. Эвакуация 1939 года, составители О. Антоннен и П. Пекконен. - Ярвенпя, 1997.
8. Уотинен Микко. Картинки и описания Терийоки // Хельсингский иллюстрированный журнал. 1910. №2. С.18.

КЛАУС Наталья Александровна,
художник-живописец, сценарист

«ДНИ ОРУЖЕЙНИКА» СИНОПСИС

*Автор выражает признательность
художникам Марку Павлову и Наталье Агарковой,
вдохновившем ее на написание этого синопсиса
и оказавшем интеллектуальную и творческую
поддержку в создании раскадровки.*

На фоне похорон Ивана Игнатьевича Мосин, отца Сергея Ивановича Мосина (изобретателя трёхлинейной винтовки образца 1891 г.) идут титры. Священник читает молитву у гроба, который собираются опустить в могилу. Сельское кладбище в Тульской области (имение Арсеньевых). Сам Сергей Иванович с семьёй не присутствует на похоронах. Не знает. Звучат выстрелы. Изображение переходит на стрельбы в Ораниенбаум. Винтовка Мосина соревнуется с изобретением Захарова. Инсценировка стрельбы. Сдержанные команды. Звуки выстрелов. Их перекрывает текст: «Решение Дворянского депутатского собрания полагает, подпоручика Ивана Игнатьевича Мосина с означенным сыном Сергием внести во вторую часть родословной книги дворянства Воронежской губернии и получить с него в пользу дворянской казны два рубля серебром и на дворянское достоинство выдать ему грамоту, а сыну Сергию копию с настоящего определения». Действие опять переходит на кладбище. Через месяц после похорон Сергей Иванович приезжает в последний раз в

имение Арсеньевых помолиться могиле отца. С непокрытой головой он хлопчет, с людьми водружает металлический витой крест. Снег растаял не везде. Звучит текст: «Рапорт инспектора оружейных и патронных заводов генерала от инфантерии В.В. Нотбека товарищу генерал-фельдцейхмейстеру генерал-адъютанту Л.П. Сорiano о новой винтовке С.И. Мосина». Сергей Иванович смотрит на часы (круглые, на цепочке), садится в коляску и уезжает на вокзал. Поезд на Петербург. Свисток поезда. Сергей Иванович за стеклом, в купе. Поезд отъезжает. Звучит текст: «Магазинная винтовка уменьшенного калибра, представленная мне капитаном Мосиным при осмотре Императорского Тульского оружейного завода 25 сего ноября, далеко опередила своею простотою прежние проектированные им магазинки. Ввиду этого я нахожу необходимым:

1) Остановить производство в Тульском заводе пяти винтовок с прежним магазином капитана Мосина.

2) Командировать его в Петербург для присутствия при испытании упомянутой выше винтовки в Комиссии по испытанию магазинных ружей.

3) Нынче же выслать в Тульский оружейный завод тысячу патронов уменьшенного калибра для предварительного испытания той же винтовки.

4) Поручить капитану Мосину проведение занятий по проектированию винтовки и его магазину затвора с винтообразными «плечами отдачи».

Сергей Иванович вспоминает, как провожала его Варвара Николаевна. Она пожала ему руку и вложила ему в ладонь записку... Вспоминает, как неожиданно произнес: «Я Вас люблю», разговаривая с Варей по-французски, чтобы кормилица с её детьми не поняла. У Варвары вспыхнули щеки и она убежала в дом. Об их общении «доброжелатели» доложили Арсеньеву, мужу Варвары. Он встретился в Туле с Сергеем Ивановичем. Грубая душонка, он наговорил низостей о своей жене, за что был вызван капитаном на дуэль. Арсеньев вызов не принял, а нажаловался начальству на Мосина, за что Сергей Иванович получил трое суток домашнего ареста. Далее, в дворянском собрании Мосин высказал Арсеньеву все, что о нем думает, полагая, что теперь-то дуэль состоится. Но Арсеньев разразился новыми жалобами и «убежал» в Петербург. Летом 1883 г. Мосин был в Петербурге и переговорил с присяжным поверенным Арсеньева об условиях расторжения брака с Варварой Николаевной. Сам Арсеньев боялся Сергея Ивановича, так как в гневе тот был не сдержан. Однако, попросил пятьдесят тысяч рублей за согласие на развод. Восемь лет Мосин пытался собрать эту сумму. Для этого он совершенствовал снова и снова свой образец магазинной винтовки в надежде получить патент за изобретение и солидное к нему вознаграждение. В

середине октября 1882 года капитан Мосин опять в Петербурге: испытания его винтовки реечно-прикладного механизма. Волково поле. Сдержанные команды. Выстрелы в разнотой. Звучит текст: «Капитана Мосина откомандировать к месту службы в Тульский оружейный завод, с тем, чтобы он занялся усовершенствованием своего многозарядного ружья и представил бы его не менее как в трех экземплярах».

На Николаевском вокзале. (Петербург) Он приехал из Тулы. Мосин покупает газету у бегающих мальчишек и садится в пролетку, читая её, хмурится. Вечер. Мальчишки выкрикивают: «Ссорятся мёртвые и живые «Вечерние Биржевые». Читается текст во время просмотра газеты Мосиным: «Идут жаркие споры по поводу перспектив и возможностей многозарядного, так называемого «повторительного» оружия, магазинной винтовкой трудно делать «на караул». Генерал Драгомиров Михаил Иванович называет стрельбу из «магазиннок» бестолковой трескотней. Мосин приезжает на съемную квартиру, где его ждет Варвара. Он сообщает ей за ужином, что испытания новых винтовок перенесли в Ораниенбаум на стрельбище Офицерской стрелковой школы. Радует, что его назначили членом особой комиссии по испытаниям магазинных ружей. Это официальное признание его как одного из ведущих специалистов в области стрелкового оружия. У Сергея Ивановича появляется надежда заработать 50 тысяч рублей для отдачи Арсеньеву. Варвара мечтает о производстве Сергея в генералы. Но из капитанов в генералы еще очень далеко. И даже для генерала пятьдесят тысяч рублей очень большая сумма. Арсеньеву нет никакого дела до жены и своих трех детей. Он не желает видиться с ними, и не обеспечивает их. Разговор Мосина с Варей по секрету, когда дети еще спят, что полковник Н. Роговцев, у которого учился изобретательству Мосин, сконструировал пулю и патрон калибром 3,15 линии. Экспериментальный заказ дается на изготовление Тульскому и Петербургскому оружейным заводам. Варвара плачет. Сергея Ивановича опять отправляют в Тулу. Там он надеется получить патент на изобретенный им вид винтовки, но комиссия отклоняет факт именованья «винтовки Мосина». Однако, постановление комиссии «прекратить все опыты над четырехлинейными винтовками и приспособить систему капитана Мосина к уменьшенному калибру. Считать винтовку Мосина 1885-87 г.г. лучшей среди магазинных систем того периода». Пятилетний период работы над новой винтовкой вылился в новое осмысление европейского опыта. Представлен план перевооружения русской армии военным министром Ванновским Александру III. В Тулу приезжает брат Сергея Митрофан. Они принимают участие в приёмной комиссии Тульского оружейного завода. Брат помогает руководить комиссией, а

Сергей конструирует новые механизмы и посылает в комиссию генерала Чагина. Магазин с одной рейкой несложный и оригинальный. Комиссия заседает в Петербурге и решает, в дальнейшем производить винтовку в трех вариантах: пехотную, кавалерийскую и карабин. Часть заказа в 2,5 миллиона штук винтовок было решено производить во Франции. Александр III осмысляет факт перевооружения армии: 156,5 миллионов рублей золотом и пишет на журнале оружейного отдела: «Суммы ужасающие, но делать нечего, приступать надо». Комиссию по приемке ружья переименовали в «Комиссию для выработки образца малокалиберного ружья» и выкинули оттуда капитана Мосина. Вместо братьев Мосиных со злорадством вошли в комиссию штабс-капитаны Севостьянов и Юрлов. Последний особенно негативно отзывался о личности Мосина. Возникает сцена сечения розгами кадетов Тамбовского корпуса. Юрлова секут за «нерадивость в учении». Он побитый выходит и заводит разговор об иностранном образовании «без порки», мол «учи, что хочешь». А в Тамбовском корпусе программа очень широкая. Дескать, за всем не угнаться. Сергей Мосин возражает Юрлову, не сочувствует его обиде, а в задумчивости излагает ему свои мечты о создании своей, русской винтовки. На что Юрлов от обиды за порку нагнетает: «Испокон веку покупали ружья и патроны в Европе... Дескать, ничего у тебя не выйдет!». Сергей призывает Юрлова к патриотичности, приводит пример Сестрорецкого оружейного завода, что А.В. Суворов говорил про качество выпускаемых ружей на созданном Петром I заводе: «Такие мастера, такое оружие сделают – на 100 лет обгоним за границу». Юрлов парировал: « Но

ведь Суворов—то из Финляндии ехал! По заграницам опыту набирался».

Кадры прошлых лет, связанных с Петром I. Оружейные мастерские, центральный заводской корпус в конце XIX века и в наши дни. Бюст С. И. Мосину у дома начальника оружейного завода и памятник Петру I у курзала. Сон кадета Мосина, как он разговаривает с Петром I, который досадует, что после его смерти, в 1727 г. последовал указ Адмиралтейской коллегии о прекращении изготовления оружия на заводе: «Всю медь извели на копейки, принимают другие заказы»... Петр I во сне завещает Мосину поднять дело Сестрорецких оружейников.

Сон кадета Юрлова. В Бельгии создают винтовку и везут ее в Россию. Мосин очень расстроен. Он судорожно пытается что-то переделать в своей винтовке, торопится. Приезжает бельгийский изобретатель инкогнито. Он ведет переговоры с российскими министрами, вручает им деньги и подарки «как частное лицо» и просит в виде «дружеского одолжения» и на «короткое время» образец винтовки Мосина. Одновременно Мосин видит во сне, как крадется жирный черный с белым кот, который хочет украсть ружье, и просыпается от того, что набегает множество бело-рыжих котов, которые хватают детали ружья в зубы и разбегаются, кто куда. Мосин просыпается. Наступил новый 1890 год. В зале стоит ёлка. Шипит, догорая, свеча: «Это какая-то неудачная винтовка, исписывавшаяся пять лет назад». Мосин спрашивает в полусне: - Чья винтовка? Моя? - Твоя винтовка, а фамилия не твоя. - А чья же? - погоди, узнаешь! - Варвара вносит серебряный поднос с завтраком. Подсказывает: «Леон наган». Так вчера выходило на спиритическом сеансе. Они отпустили прислугу и в

кругу проводили спиритический сеанс. Вызывали дух Петра I. Это он сказал. В ответ на вопрос Сергея Ивановича, как усовершенствовать его образец винтовки и приблизить его к европейским образцам. Варвара рассказывает о том, как ей предсказали будущее: она гуляет на сестрорецком курорте. (Дается история Сестрорецкого курорта, документальные кадры). Сергей говорит: - А про меня спрашивала? - Сказали, что муж трудится, а не муж и труд его - и не его. Сергей Иванович: - А чей же труд, Петра I?

Он отсылает Варвару, отставляет завтрак. Сам погружается в дрему. Ему видится, как Петр I создает на реке Сестре оружейный завод. И сам он будто трудится под его началом. Потом все приходит в упадок. Исчезает Петр I. Аллея «Дубочки». Мосин дерется на шпагах с мужем Варвары Арсеньевым. К ним подходят секунданты и вручают огнестрельное оружие. Заменяют Арсеньева бельгийцем Наганом. Звучат слова: - Из-за кого стреляемся? У меня, кроме Вареньки нет, и не

было, других женщин. Отвечают: - Стреляемся из-за винтовки. Мосин удивляется, ведь из-за винтовки не стреляются, стреляют из винтовки. Что за чушь! Возмущенный он просыпается. За дверью выстрелы новогодних хлопушек. Это дети Вари добрались до елки. Они грызут маленькие золоченые яблочки и заглядывают в дверь, проснулся ли папа Серёжа. Наконец, дверь в кабинет, где отдыхает Мосин, открывается полностью и входят тульские мастера, которые прибыли на новогодние каникулы, чтобы «погостить со смыслом» - то есть потолковать и покумекать о дальнейшем усовершенствовании трехлинейки.

А тем временем капитан Н. Юрлов едет как представитель Артиллерийского управления в Европу, выяснить, получал ли привилегии Наган для изготовления своей винтовки. Из Бельгии Наган везет Юрлова во Францию. Юрлов ослеплен блеском Парижа. Он возвращается и доказывает, что заказ на ружья Нагана без труда можно разместить на заводах Франции. Генерал Крыжановский 11 октября 1890 подписывает документ, в котором дает добро на изготовление ружей Наганом на сумму тридцать тысяч рублей. Мосин обращается к начальству, что его ружья обойдутся дешевле для казны – не более восемнадцати тысяч рублей. Подкупленные Наганом чиновники от него отмахиваются. Мосин надеется, что Наган подведет себя со сроками поставки. Да и сумма в двести тысяч награды кредитных рублей – чересчур уж велика за его ремесло. Мосин-то теперь в курсе, что его винтовка послужила основой для нагановского детища. Но министр Ванновский на все закрывает глаза и гневно принимает у себя, вернувшегося из Льежа, капитана Холодовского.

1891 год. Январь. Холодовский передает «подарки» Ванновскому от Нагана. Министр принимает капитана у себя на квартире. 12 января, пять часов вечера. Звучит музыка. Министр Ванновский чрезвычайно рад образцу нарядно отделанной винтовки Нагана. Входят с докладом и чертежами из Германии винтовки Маузера. Ванновский рассеянно пересматривает их: «Обойма с пластинчатой пружиной. Где-то я уже это видел?» Зевает и кладет чертежи с «новшеством» Маузера под сукно стола. Переходит к рассмотрению подарков от Нагана. Звучит текст: «Осенью 1890 года капитаном Мосиным разработана новая обойма с пластинчатой пружиной». Ванновский (как бы про себя): «Да, Мосину пора бы носить полковничьи погоны. Но – на все Воля Божья». Зевает. Крестит рот.

Действие переносится на квартиру Мосина. Там, командированные из Тулы, его друзья и помощники Николай Михайлович Овчинников, Михаил Федорович Акимов и Федор Ар-

сеньевич Ефимов. Им предстоит сделать тридцать ружей с новым механизмом подачи патронов до испытаний в Ораниенбауме. Чьё ружье лучше? Нагана или Мосина? Два месяца испытаний. Винтовки Нагана «грешат» утыканием патронов в пенёк ствола. К ним сложно привыкать из-за множества лишних деталей. Но зато не порежешь палец, как об Мосинскую. Да и тридцать винтовок нового образца так и не были доставлены в Ораниенбаум. На стрельбищах проходили испытания старые образцы. Однако, по качеству стрельбы они не уступили Нагановским. Девятого марта Ораниенбаумский полигон почтил своим присутствием министр Венновский. Предстояла нелёгкая задача: подвести итоги. И вот опять неудача: постановили взять на вооружение винтовку Нагана. Сергей Иванович вместе с мастерами на «ходу» старался усовершенствовать своё детище. Севастьянов и Юрлов, будучи опять в комиссии, потирали руки и посмеивались над незадачливым «русским кулибиным». При встрече с Юрловым Мосин не пожал ему руки. Юрлов посмеялся: «Ты что, левша?» На что Сергей Иванович серьёзно ответил: «Это правда. Наш тульский мастер блоху подковал. А уж потом иностранные наводили лоск. Скажи мне, Юрлов, а какие такие доброхоты, постоянно снабжают сведениями обо всех изменениях в моей винтовки Нагана? Кажется, я догадываюсь...» Подскакивал Севастьянов: «Ты на что намекаешь?». Мосин махнул рукой: «Да не намекаю, а вижу точно, только противно, когда наши перед заграничными гусями выслуживаются!». Юрлов тоже махнул рукой: «Ну, а ты что перед нашими министрами выслуживаешься, лучший успешный ученик? Думаешь, злата – серебра тебе как пороху насыплют? В чины метишь?». Мосин остановил Юрлова: «Уж как хочешь говори, да не заговаривайся: мы все – люди казённые. А как военные – обязаны интересы Отечества во главу угла ставить». Севастьянов переключился: «Да уж, военные... За нас стреляют, за нас решают!». Мосин заключил: «Моя винтовка – мой выстрел – за мной!». Юрлов съехидничал: «Уже не на дуэль ли, батенька, приглашаешь?». Севастьянов увёл его за рукав. Мосин плюнул. На душе стало горько от воспоминаний. Он отвернулся и пошёл. Вслед ему Юрлов вскрикнул: «А ты Наганишку-то стреляться вызови. Или будешь искать, кто с ним в «заговорщиках»?». Мосин шел и размышлял: «Действительно заговорщиков аж четырнадцать членов комиссии, голосовавших за систему Нагана – против десяти за его винтовку. Хорошо, старик Вла-

димир Львович поддержал. Без патриарха оружейного дела Чебынева перегрызли бы эти министры сук, на котором сидят. Юрлов и Севастьянов - кто они? Их «шавки». Тявкают с их голоса. Ну, ничего. Военный министр передал этот вопрос на благоусмотрение государя императора. Задаст он комиссии Нотбека жару. Надо поприсутствовать, послушать, что там, в верхах, говорят Юрлов и Севастьянов?». Передали неодобрение и подозрение Мосина к комиссии Нотбека, и военный министр Банковский (имевший обязательства перед Наганом) изучает указание отбить капитану Мосину в Тулу для изготовления справочных ружей по его образцу. И, в ожидании высочайшего одобрения, 30 марта 1891 года военный министр спешит назвать восьмилетний труд Мосина «русская трёхлинейная винтовка образца 1891 года». А 6 апреля Александр III в три часа присутствует на стрельбах трёх испытываемых ружей: двух магазинных и однозарядного на Гатчинском военном поле. Все роты расположились близ вокзала. Император вместе с супругой и сыном Михаилом наблюдает за стрельбами. Комментирует происходящее министр Ванновский. Винтовки Мосина и Нагана показывают одинаковую скорострельность. И государь 16 апреля вычёркивает слово «русская», оставляя мосинской винтовке название просто «трёхлинейная 1891 года»... Таким образом, новая винтовка стала не только безымянною, но и перестала быть русской!

Сергей Иванович боролся за своё авторство и писал в разные инстанции. Варвара сидела рядом за вязанием крючком. Это её отвлекало от нервических припадков: всплеск эмоций - и начинается новая салфеточка. Столбик. Столбик с накидом. Ажур. Всё в ажуре. Как говорила её покойная матушка: - У нас всё должно быть в ажуре! Когда она ждала Сергея со стрельбы, брался эбонитовый крючок, нарочно переделанный ею из гребёнки, таких не купишь, а кому доказать? Вот таким крючком Варвара вязала шерстяное одеяло, а крючком из зубной щётки-коврики на пол, под кровать, под ноги. Это - деревенская мода. У них в имени дворовые рукодельницы-девки надеывали за зиму более 200 штук, которые затапывались - те ко входу бросали, обтирая жидкую грязь от сапогов. До чего Серёжа красив в профиль, когда сидит за письменным столом, выправляет бумаги. Нотная подставка появляется на столе, когда он чертит маленькие такие чертёжики. Он их называет «мысли». А большие чертежи Серёжа делает на работе. Там у него кабинет. Только за кульманом он работать не любит. Оттого и сбивается часто, всё норовит в слесарный цех сбежать. Чудак человек! Вот была бы я начальницей... взяла бы белый зонтик. Надел бы я белые перчатки, да всё указывала, как надо трудиться. Вот и надутые министры не любят Серёжу, что он за один стол с мастерами садится. Не дворянское это дело. Мало ли, что из крестьян произошёл! Это у него от отца. Мать всё нервничала, бегала, присматривала. Не доверяла чужим рукам. Вот и теперь Серёже нужен хороший секретарь. Его самого не хватает на всё. Хорошо, хоть мне доверили переписку классифицировать. Вот - письма Петербургские. Это - из Тулы. А это - совсем издалека: вон, сколько марок! Ах, из Америки! Интересно. Пишет Генри Аллен. Сергей Иванович одевает золоченый ободок пенсне для торжественных случаев: «Варя, просят послать образец ружья

моего, отвечают за расходы». Мосин мрачнеет лицом всё более. Наконец, раздражается бурными возгласами: «Фирма «Рихтер» хотела купить – не купила (в воздухе кому-то невидимому Сергей Иванович показывает кукиш). Ась? (он комично приставляет ладонь к уху). Сказочка для детей. Дальше катится колобок. Съел?» (Сергей Иванович в воздухе строит два кукиша). Варя перебивает его, напоминая о том, что Арсеньев ждёт пятьдесят тысяч рублей «отступных». На что Мосин её перекрикивает: «Подождёт! Я убью этого шельмеца на дуэли! Варвара бросается ему в ноги, умоляет не губить ни себя, ни её, ни детей. Мосин показывается, ещё причитая: «А Кулибин? А Ползунов? А братья Черепановы? Они тоже подождут?! А мой одноклассник Александр Лодыгин? Он что, мало сделал для Отчизны? Нет, я сам не свой буду, если для потомков не оставлю имени о своём детище. Мои ружья - мои сыны. Это судьба, Варя. Твои дети вырастут, меня поймут. Не продаётся «папа Серёжа» и не покупается! После слёз и объятий Варя спрашивает: «Ответ Генри Аллену?». Мосин проясняется лицом и махнув рукой, распоряжается: «В архив его: оставь без ответа Варя. Для истории! Пойми, дорогая, мы не имеем такого права». И Варя опять принимается навязать свою точку зрения. Сергей Иванович целует её в щёку, встаёт: «Пойду, вздремну. Сон - моё лекарство. Ненавижу пилюли и микстуры!» (Уходит в спальню). Варвара распоряжается ставить самовар к вечернему чаю. Скоро день рождения Серёжи. Надо закончить вышивку на рубашке. Но рукоделие падает из её рук, она задремала. Видит сон, как крадётся чёрный с белым кот по территории белого кота. А белый и пушистый сидит, смотрит на него печально. Чьи-то руки в офицерских высоких чинах перчатках ставят «чёрному» миску молока, потом другие руки - другую миску с мясом. В третью миску этот непрошенный гость гадит. И «офицерские» руки дерутся друг с другом за эту миску с дерьмом. Потом все успокаиваются, вымазавшись вволю. Затем, эти руки в перчатках из лайки замазывают белые пятна у чёрного кота. Тот урчит довольный. А белый - пытается слизывать эти грязные слёзы с чёрного кота. Даже во сне Варя была убеждена, что «белый и пушистый» - это Серёжа. Она даже проснулась с криком: «Фу, Серёжа, не надо!».

Одновременно показывается, как Леон Наган составляет список деталей ружья Мосина, сравнивает с чертежами, которые он купил у Юрлова и Севастьянова. Эти маленькие чертежи — «мысли» Мосина. Затем имеет тайную беседу с Крыжановским, испрашивая детали мосинского ружья по списку. Крыжановский несёт этот список для резолюции Ванновского.

Отказа нет. Ванновский и Крыжановский подсчитывают барыгу от сделки, если бельгиец получит из казны в виде «гарантированного вознаграждения».

Сон Варвары продолжается: «офицерские руки» схватили белого кота, пихают его в мешок и несут топить. А чёрный облизывается и жмурится. Подкрадывается к горшку со сметаной. «Брысь!» - кричит Варвара во сне. А чёрный кот ей в ответ: «Мяу! Мяу!» А ей слышится: «Мало! Мало!».

Одновременно показывается, как в конец обнаглевший Леон Наган просит полковника Чичигова «в виде любезности» выслать ему части прибора на его винтовку.

Предъявляет свои права на отсечку-отражатель. Мосин пишет обширную докладную записку инспектору об авторских правах, о том, что сборка без винтов предложена им на пять с половиной месяцев раньше иностранца Нагана. Министр Ванновский, в страхе, вычёркивает имя Мосина из нового предложения пачечной винтовки и патрона к ней в докладе к начальству. Комиссия утверждает первенство Нагана. Теперь Наган претендовал на всю винтовку. Артиллерийский комитет записал в соавторы Мосину полковника Кабакова и других членов комиссии. А по небольшому его званию «капитан» - даже в конце списка. Сергей Иванович опять негодует. Он пишет, обращается. И к маю 1891 года свой проект подает на собрание Большой Михайловской премии. Этим он разозлил Крыжановского и Ванновского, которые распоряжаются: покинуть столицу и выехать в Тулу, на основное место работы. Военный министр Банковский готовит «основание» для выдачи вознаграждения в двести тысяч рублей Леону Нагану. На окнах кабинета дрожали огромные листья фикусов, «денежных цветов», от проезжающих по улице экипажей. Занавесы были раскрыты, и ему показалось, что прошла какая-то дама за окном, проговорив по-французски: «Дайте нам хоть один листочек!». И тотчас упал на подоконник один подсыхающий лист. Банковский тотчас же подошёл к окну. Бельэтаж всё равно высокогато: не двухметровая же дама! Видно, устал от нервного перенапряжения, открыл окно, выкинул сухой лист на тротуар. А всему виной этот прямолинейный солдафон Чичагов: упёрся в пятьдесят тысяч награды для Нагана. Даром ездил в Брюссель! Но ниже чином не пошлешь, нужен авторитет. Вся надежда на Петра Семёновича. Он душа. Поймёт выгоду. Министр Ванновский - тонкий царедворец. Он убедит государя-императора. И убедил! Александр III подписал «премию» Нагану в двести тысяч рублей. Благодарный негоциант из Льежа тут же собирается поставлять новый образец оружия в Грецию, Сербию, Болгарию и даже Бразилию. Ванновский одергивает его. Тогда бельгиец благодарит в письмах Банковского и Крыжановского. А генерал-адъютант Ванновский представляет, что Мосин так же изобретает для продажи другим государствам. Считают, во сколько дешевле государству обойдется винтовка Мосина.

А между тем, Сергей Иванович празднует свой новый чин. Теперь его мундир украшают эполеты полковника гвардейской артиллерии и Орден Святого Владимира III степени. Сергей Иванович получает вместо пятидесяти тысяч рублей лишь тридцать и отдаёт часть денег рабочим. Празднует с Варварой Николаевной и мастеровыми. Варвара грустит, что опять не получается отдать денег ее бывшему мужу. Она примеряет вывязанную ею кружевную накидку и, читает стихи лирического плана, смотрится в зеркало. Звучит романс на их тему. Варвара играет на рояле, а Мосин, проводив гостей, входит и подпевает ей. Они кружатся в вальсе, падают на них денежные купюры, монеты беззвучно блещут в воздухе как крупные

капли дождя. Конец лета. Август 1891 года. Сергей Иванович получает еще около тридцати тысяч рублей: выигрывает Большую Михайловскую премию. Отдает отступные Арсеньеву и венчается в церкви с Варварой. Мосин выписывает из Тулы, где свертывается производство винтовок образца 1870 года, лучших оружейников, токаря Александра Милованова и Андрея Новикова. Слесарей Василия Кривцова, Василия Земцова, Федора Кудрявцева и Михаила Маслова, ложечника Петра Моисеева. Старые лекала европейских ружей не подходили. Под руководством Мосина изготавливали новые, подходящие для всех оружейных заводов России.

К 1894 году полковник С.И. Мосин, будучи председателем приемной комиссии Императорского Тульского оружейного завода, назначен исполняющим дела начальника Сестрорецкого оружейного завода. Торжественные проводы в Туле. Фотография на память: все офицеры и руководители завода сфотографировались на память о совместной работе. Проводы на Курском вокзале Тулы. Мастеровые дарят миниатюрную винтовочку образца 1891 года, в футляре на голубом бархате. Нет дороже награды для Сергея Ивановича, чем это замечательное творение рабочих рук. Прибыв в июне 1894 г. в Сестрорецк, он занимается коренным переустройством оружейного завода, и с пятидесяти тысяч винтовок в год они вышли на семьдесят пять тысяч.

Опять видит сон: «Петр I приходит в голландском платье и говорит: «Я в Голландии закупал станки и выделял из казны средства, а вам предстоит задача самим изыскать возможности. Сестрорецкие оружейники ни к кому на поклон не ходили!» И, действительно, генерал фельдцейхмейстер план реконструкции одобрил, но денег не дал. На Всемирной выставке в 1900 г. в Париже, Трехлинейная винтовка удостоивается высшей награды – Гран-при. 9 апреля Сергей Иванович был произведен в генералы. К этому времени его грудь украшают ордена: «Владимира III степени, медаль (серебро) в память Александра II. В 1898 г. он получает бухарский орден Золотой Звезды III степени. В память об обучении в Воронежском кадетском корпусе, Мосин в ноябре 1895 г. вручает винтовку образца 1891 года. Юбилей Михайловского корпуса обставлен торжественно. Пятидесятилетие. Мосин произносит благодарственную речь за первоначальное свое образование. Сестрорецкие оружейники изыскали средства на организацию школы – три тысячи сто девяносто рублей. Теперь ковались кадры для завода под руководством С.И. Мосина. Он заботился не только о реорганизации завода, но и о том, чтобы люди не изнашивались и работали в человеческих условиях. Вместе с капитаном Зыбиным, Мосин открыл ремесленную школу из шестидесяти человек с трехгодичным образованием не только в Сестрорецке, но и в Туле. В 1902 году заканчивалось перевооружение русской армии новой винтовкой. Правительство сокращало количество рабочих на заводах. Мосин предлагал попавших под сокращение мастеров переводить на другие заводы. В последние годы Сергей Иванович работал над созданием револьвера, который мог

бы заменить имевшиеся тогда в войсках «Смит и Вессон». Но завершить труд не удалось. В середине января 1902 года Мосин простудился. Во сне к нему приходил Наган и говорил: «Лежи на боку, теперь Пипер соревнуется со мной!» Сергей Иванович пересиливал недомогание, продолжал работу над созданием револьвера. И Петр I его посещал в простудной дреме. Говорил: «Винтовка – моя, а револьвер – твой». Мосин просыпался в холодном поту, возмущенный. Варвара подавала ему в постель доску с чертежами. Раскладывала пасьянс. Все чаще выходили черные карты. Позвали врача, констатировавшего крупное воспаление легких. При постельном режиме Сергей Иванович читает журналы и газеты, что ему приносят. Журнал «Нива» выступает против низкопоклонства зарубежным оружейникам и подчеркивает значение изобретателя Мосина, а журнал «Вестник офицерской стрелковой школы» публикует статью Н.Н. Юрлова, в которой тот пытается очернить деятельность Мосина. Сергей Иванович горестно читает: «Всего лишь удачно скомбинированные детали европейских производителей, талантливых изобретателей, таких как Наган». Мосин восклицает: «Какое мелочное тщеславие! Варвара напиши моему сослуживцу, капитану Хартулари, пусть оборвет нахала. Не дает работать спокойно!».

26 января 1902 года С.И. Мосина не стало. В актовом зале завода был поставлен его портрет в траурной рамке. А к февралю этого же года объявили премию его имени в пятьсот рублей.

Кадры документального кино о том, как «трехлинейка» воевала полвека, участвуя в пяти войнах. Сестрорецкая оружейная школа, по воспоминаниям генерал-лейтенанта артиллерийской службы, академика Владимира Григорьевича Федорова, продолжавшего дело Мосина, дала несколько выдающихся конструкторов-оружейников. Среди них В.А. Дегтярев, С.Г. Симонов, Г.С. Шпагин – авторы оружия, ставшего символом победы в Великой Отечественной войне. На опыте этих корифеев учился современный

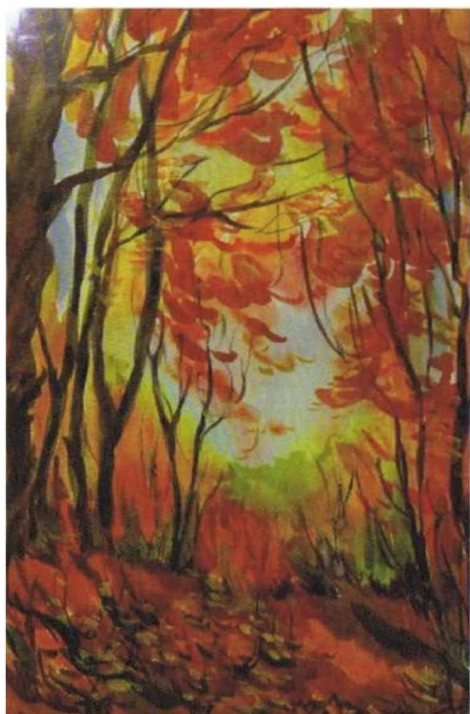
Залив вечером.

Художник Юлия Валюженец, Бумага/акварель, 2013г.

Залив.

Художник Юлия Валюженец, Бумага/акварель, 2013г.

*Октябрь. Приморск.
Художник Юлия Валюженец. Бумага/акварель, 2014г.*

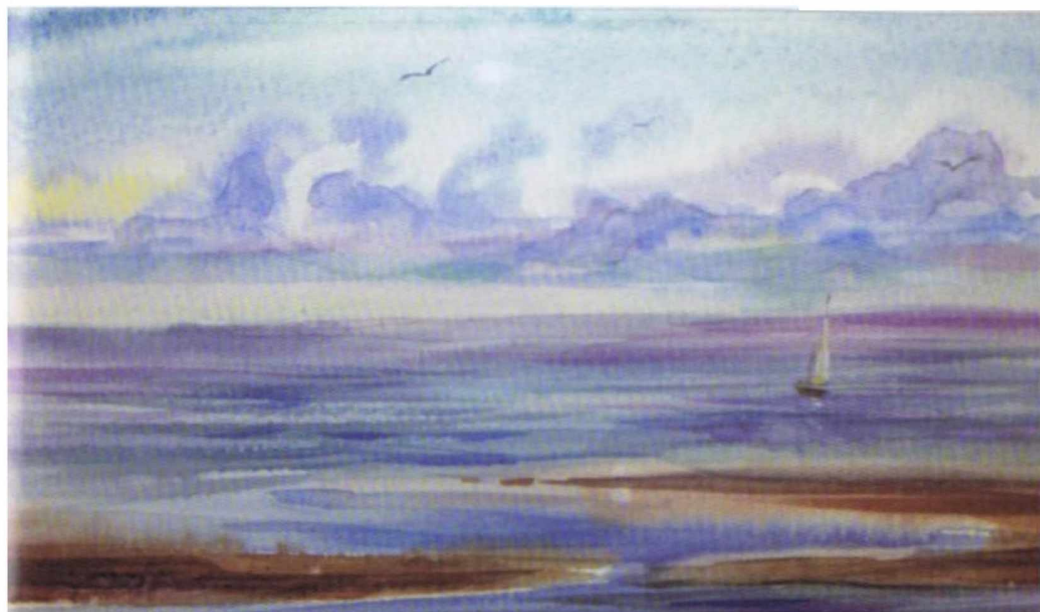

*Синий залив.
Художник Юлия Валюженец. Бумага/акварель, 2011г.*

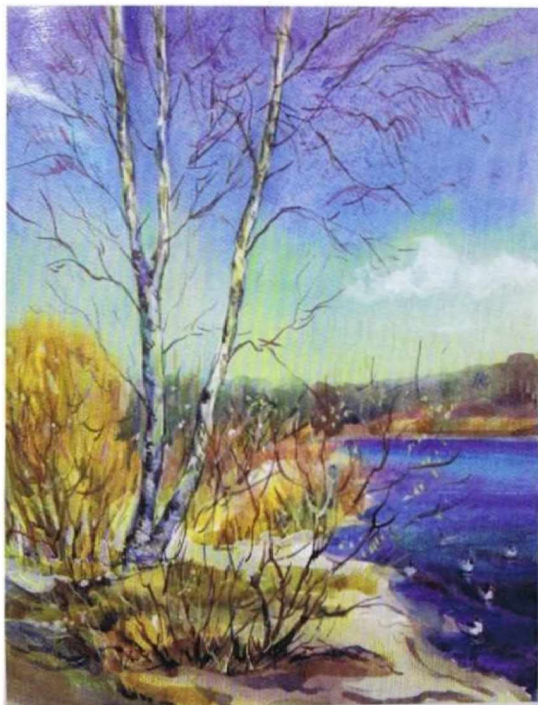
Залив.

Художник Юлия Валюженец. Бумага/акварель, 2013г.

Залив.

Художник Юлия Валюженец. Бумага/акварель, 2013г.

Черная речка весной.

Художник Юлия Валюженец, Бумага/акварель, 2014г.

Залив.

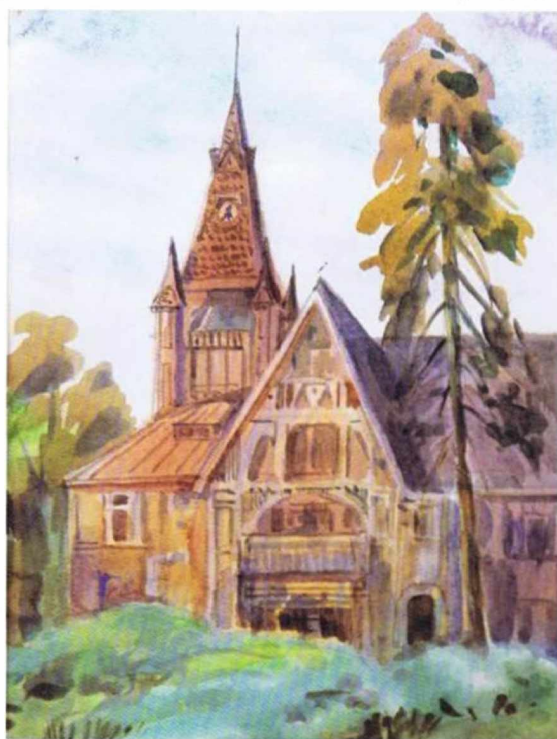
Художник Юлия Валюженец, Бумага/акварель, 2013г.

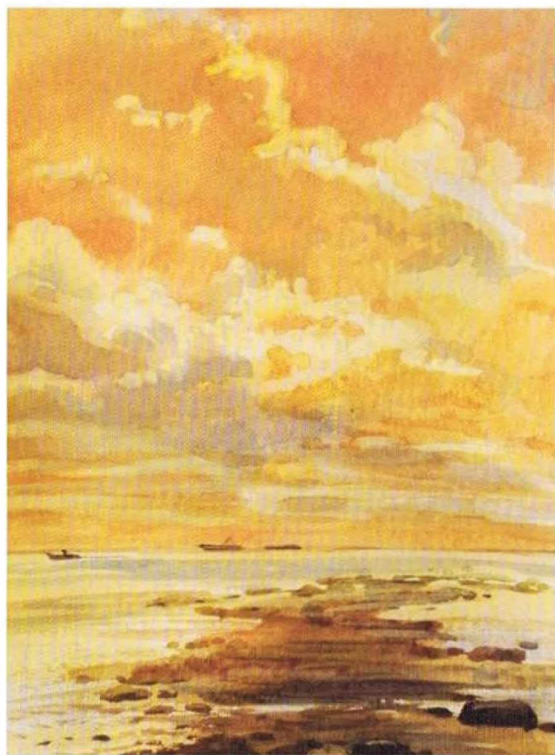
Весна.
Художник Мария Доронина.
Бумага/акварель, 2011г.

Ветер.
Художник Мария Доронина.
Бумага/акварель, 2015г.

Дача Воронина. Молодежное.
Художник Мария Доронина.
Бумага/акварель, 2009г.

Закат на заливе.

Художник Мария Доронина. Бумага/акварель, 2015г.

Камыши.

Художник Мария Доронина. Бумага/акварель, 2015г.

Прибой.

Художник Наталья Котлярова. Холст/масло

Волны.

Художник Наталья Котлярова. Холст/масло

Зимний ручей.

Художник Наталья Котлярова. Триптих. Холст/масло

Утро.

Художник Наталья Котлярова. Холст/масло

Тишина.

Художник Наталья Котлярова. Холст/масло

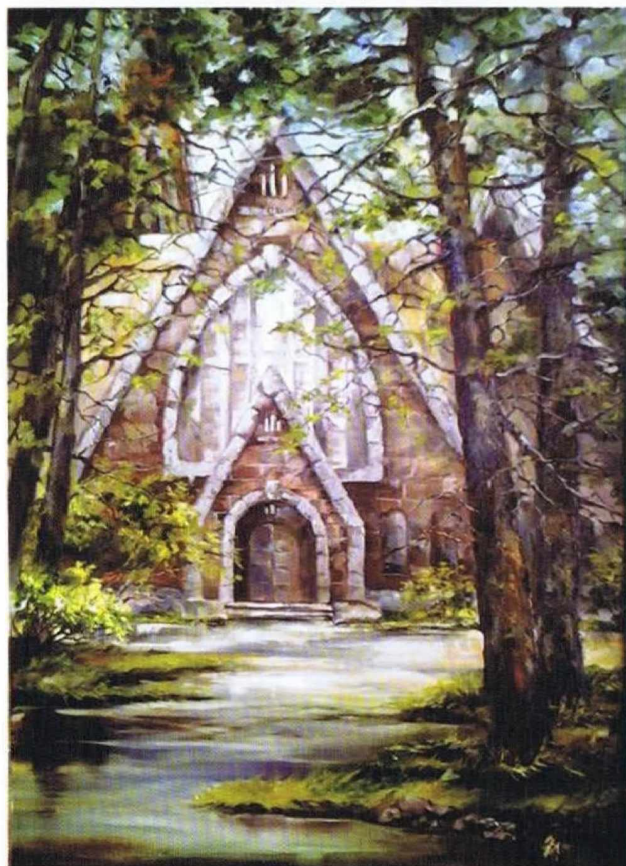
*Хутор.
Художник Наталья Котлярова. Холст/масло*

*Шиповник.
Художник Наталья Котлярова. Холст/масло*

На берегу.
Художник Наталья Котлярова. Холст/масло

Кирха.
Художник Наталья Котлярова. Холст/масло

*Заход сонца.
Художник Наталья Котлярова. Холст/масло*

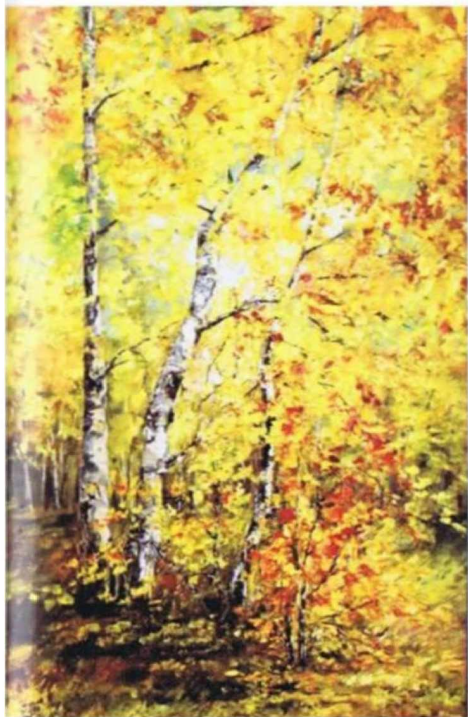
*Залив.
Художник Наталья Котлярова. Холст/масло*

*Закат.
Художник Наталья Котлярова. Холст/масло*

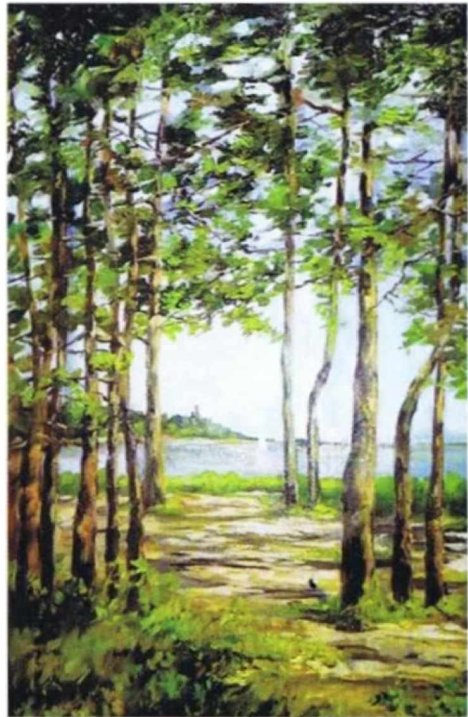

*Штиль.
Художник Наталья Котлярова. Холст/масло*

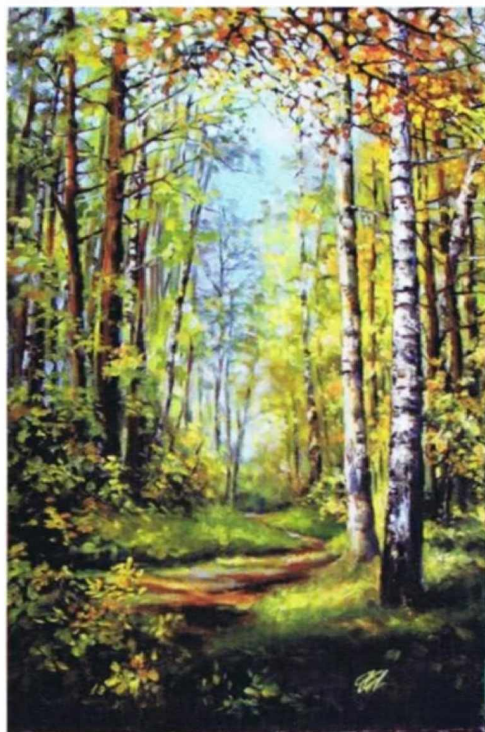
Осень.

Художник Наталья Котлярова. Холст/масло

Сосны.

Художник Наталья Котлярова. Холст/масло

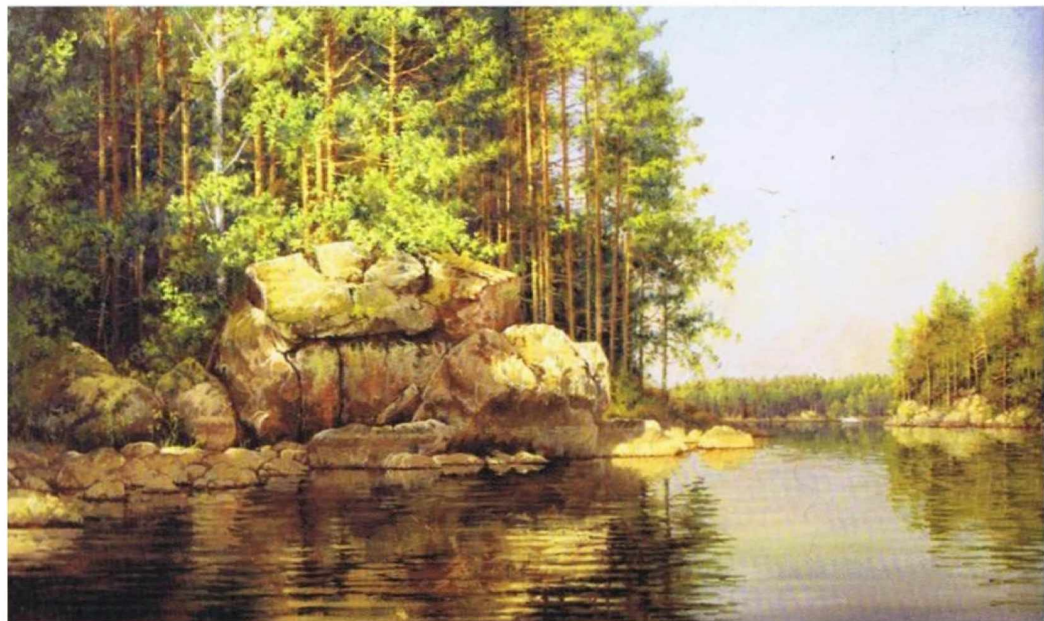
Березовая роща.

Художник Наталья Котлярова. Холст/масло

Яхты вдали.

Художник Наталья Котлярова. Холст/масло

Прозрачная Карелия.

Художник Иван Шкварок. Холст/масло

*Зеленогорск.
Художник Иван Шкварок. Холст/масло*

*Парк Дубки.
Художник Иван Шкварок. Холст/масло*

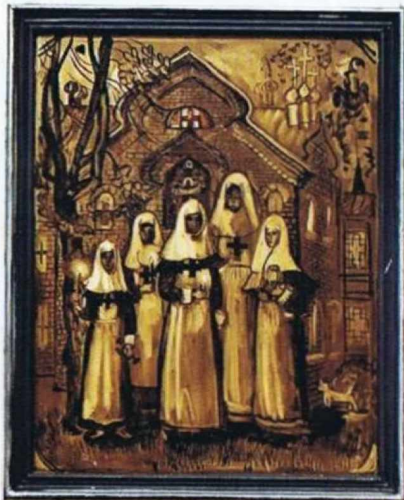
*Белые пионы.
Художник Наталья Агаркова.*

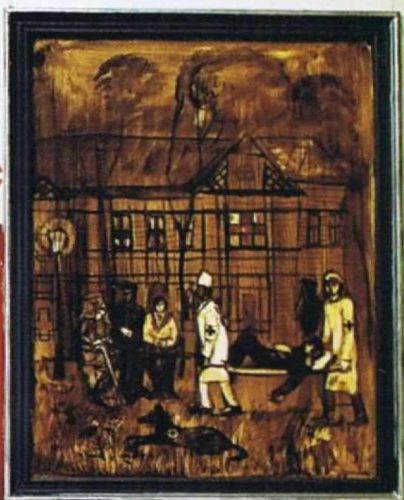
*Натюрморт с раковинной.
Художник Наталья Агаркова.*

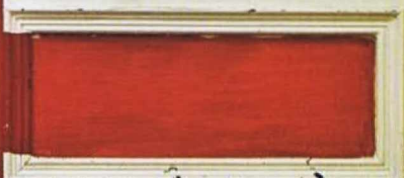
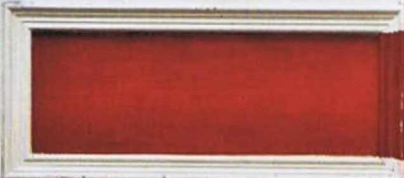
*Дары осеннего сада.
Художник Наталья Агаркова.*

ICRC

ICRC

ICRC

ICRC

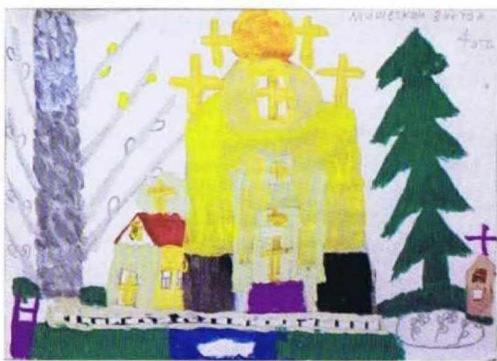
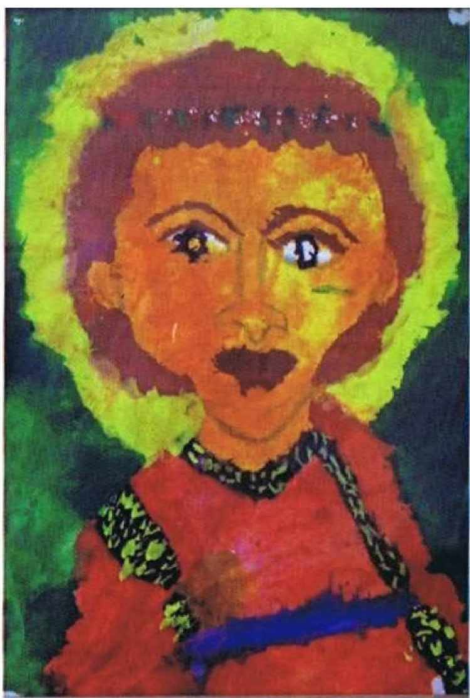
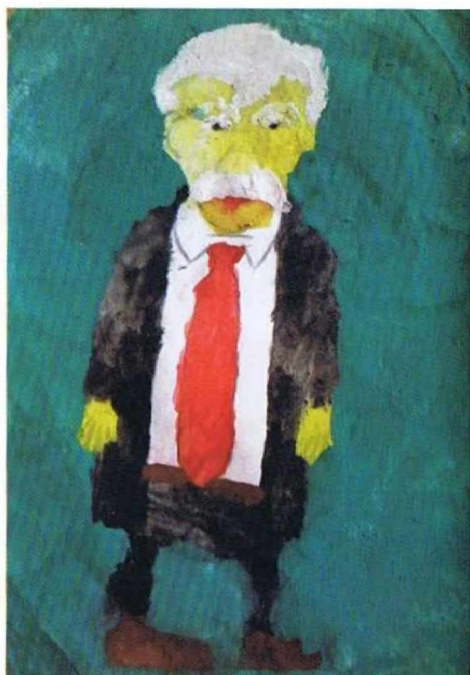
*Проект полиптихов: «Красный Крест. Геохронология».
Художники Наталья Агаркова, Марк Павлов, Наталья Клаус.*

Проект политиков: «Красный Крест. Геохронология».
Художники Наталья Агаркова, Марк Павлов, Наталья Клаус.

Проект политиков: «Красный Крест. Геохронология».
Художники Наталья Агаркова, Марк Павлов, Наталья Клаус.

Художники ПНИ № 6, г. Зеленогорск (Санкт-Петербург)
Алексеева Анонина, Хрусталеv Владимир,
Ермоленко Анна, Мишечкин Виктор (слева, сверху вниз), Зеленко Юрий (справа)

*КОВАЛЕНКО Наталья Степановна,
Директор СПб ГБУК
«Историко-культурный музейный комплекс в Разливе»*

**ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ СПб ГБУК
«ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНЫЙ МУЗЕЙНЫЙ
КОМПЛЕКС В РАЗЛИВЕ»
ПО СОХРАНЕНИЮ КОЛЛЕКЦИИ БЫВШЕГО
НАРОДНОГО ИСТОРИКО-РЕВОЛЮЦИОННОГО
МУЗЕЯ СЕСТРОРЕЦКОГО ИНСТРУМЕНТАЛЬНО-
ГО ЗАВОДА ИМЕНИ С.П. ВОСКОВА**

2014–2015 годы ознаменованы юбилейными событиями для Курортного района, определившими направления деятельности Историко-культурного музейного комплекса в Разливе: в 2014 отмечалось 300-летие города Сестрорецка, в 2015 исполнилось 90 лет музею «Сарай Н.А. Емельянова». За период с 1 сентября 2014 по 31 августа 2015 в музее было открыто 12 выставок и проведено 94 мероприятия, включая детские тематические прогулки, научные конференции, праздники, фестивали.

Особое место в работе музея было отведено сохранению важнейшей части истории Сестрорецка – истории Сестрорецкого завода. К 300-летию города 5 сентября 2014 была открыта обширная выставка на двух площадках. Основой для одной из них стали предметы народного историко-революционного музея Сестрорецкого инструментального завода имени С.П. Воскова, отражающие яркую историю этого предприятия, основанного Петром I. Одной из главных задач его внешней политики являлось достижение выхода к Балтийскому морю. Победа в Северной войне (1700–1721) позволила Петру I решить эту задачу. В ходе войны был создан военный флот и усовершенствована армия, для них необходимо было обеспечить достойное вооружение.

Пётр I решил построить оружейный завод на берегах реки Сестры, географически удобно расположенной между Кронштадтом и Петербургом, а «дабы машины действием воды в движение приводить», приказал на реке Сестре соорудить плотину, в результате чего возникло живописное озеро. Это водохранилище, являющееся памятником инженерно-технической мысли XVIII века, первоначально называлось «Заводской резервуар». Позднее оно получило название Сестрорецкий Разлив. Строительство железных заводов на реке Сестре началось летом 1721 года, возглавил его командир Олонецких заводов Георг Вильгельм де Геннин, специалист в области военной инженерии. Стройка велась руками солдат кронштадтских полков, которых присылали сюда на треть года. За два с половиной года были построены дамба, плотина с водоспускными желобами и 20 фабрик-заводов (то есть цехов). Император неоднократно бывал на строительстве. В 1724 году состоялось открытие

завода, Пётр I прибыл на берега Сестры, раздул первый горн, допустил к работе первых 47 мастеровых. Тогда же он приказал перевести с Олонецких заводов свыше 600 мастеровых с семьями, которые позднее составили основную массу сестрорецкого населения. В первое время завод выпускал огнестрельное и холодное оружие (клинки, палаши, шпаги), всевозможные припасы для нужд флота и «лекарский инструмент». Уже через несколько лет завод стал одним из крупнейших в России, а по своей технической оснащённости был одним из первых в Европе. Русская армия была обязана ему отличного качества мушкетам, пистолетам, пушками.

На реке Сестре изготовлялось много гражданских (в том числе художественных) заказов, не связанных с основным производственным профилем завода. В середине XVIII века завод занимался изготовлением мирных изделий: петель и ручек для дверей, медных пуговиц для мундиров. Для М.В. Ломоносова были изготовлены аналитические весы и «Папинова машина», а для колокольни Петропавловской церкви Сестрорецка – башенные часы весом 55,5 пудов (890 кг). Завод принимал участие в изготовлении серебряной раки Александра Невского. Продолжая практиковаться в своём искусном ремесле, заводские умельцы создали чугунные беседки, китайские мостики и Орловские ворота в Царском селе, парадные ворота Екатерининского дворца, перила Екатерининского канала (канал Грибоедова) и реки Фонтанки, железные мостики для Таврического сада, парадную лестницу Меншиковского дворца. Мастера Сестрорецка принимали участие в ремонте «Академического глобуса», который пострадал во время пожара в Кунсткамере. При Екатерине II в Монетном дворе при Сестрорецком оружейном заводе была изготовлена монета, известная как «Сестрорецкий рубль», которая выплавлялась и чеканилась из медных стволов трофейных пушек и негодных артиллерийских орудий.

Сестрорецкий завод в разное время носил разные названия: Железный и оружейный – по типу продукции, Водяной – по типу применяемой энергии, когда большинство механизмов приводилось в движение водой. С годами окончательно установилось общепринятое название «Сестрорецкий Оружейный завод». История Сестрорецка связана с именем талантливого оружейника Сергея Ивановича Мосина, который руководил заводом с 1894 по 1902 год. Мировую известность С.И. Мосину принесло его знаменитое изобретение – трёхлинейная винтовка, около 50 лет находившаяся на вооружении русской и советской армии и получившая медаль в 1900 году на Всемирной выставке в Париже. В начале XX века завод был значительно переоборудован, на производстве в полной мере стали использоваться преимущества электроэнергии. Во время Первой мировой войны завод вновь заработал в полную силу. При С.И. Мосине на заводе было создано инструментальное производство, которое в начале 1920-х годов помогло превратить демобилизованный оружейный завод в один из крупнейших инструментальных заводов Советского Союза. В 1922 году завод стал называться инструментальным, а в 1923 ему было присвоено имя С.П. Воскова – большевика, председателя первого фабрично-заводского комитета Сестрорецкого завода в 1917 г.

Во время Великой Отечественной войны завод осуществлял массовый выпуск оружия. Недалеко от Сестрорецка проходила линия фронта, поэтому оборудование завода, которое не успели эвакуировать, было переведено в Ленинград, где успешно изготавливались автоматы, необходимые для фронта, для Победы. После окончания войны Сестрорецкий завод вновь, на этот раз навсегда, стал инструментальным – крупнейшим предприятием в отрасли производства инструментов для машиностроения: свёрл, метчиков, плашек, фрез, слесарного инструмента.

Завод был градообразующим предприятием для Сестрорецка. На нём работало свыше 5 тысяч человек. Существовали целые рабочие династии. Развитая инфраструктура завода предоставляла качественные услуги для сестроречан. Все могли пользоваться возможностями заводского спортивного комплекса, яхт-клуба, детсада, пионерского лагеря, про-

филактория, клуба, библиотеки. К сожалению, «реформы» начала 1990-х годов не обошли стороной и Сестрорецкий завод, он распался на несколько мелких фирм, в которых в совокупности работают всего несколько десятков человек.

В 1956 году был создан народный историко-революционный музей Сестрорецкого инструментального завода имени С.П. Воскова. Среди его экспонатов были как образцы продукции, так и подарки заводу, награды сотрудников за достижения в разных сферах жизни – от трудовых будней до спорта. Оружие и часть предметов, экспонировавшихся в музее завода, находились на учёте в других музеях города и при расформировании музея в 2008 году были возвращены обратно. Коллекция музея завода с 2008 года была законсервирована и находилась на территории завода, недоступная для глаз горожан.

В 2014 году Историко-культурный музейный комплекс в Разливе принял данную коллекцию на хранение. В апреле–мае 2014 сотрудники музейного комплекса провели предварительную работу по систематизации, атрибуции, описанию и определению музейного значения предметов коллекции. В заключении о музейном значении предметов, составленном главным хранителем музейного комплекса Б.Е. Шмидтом, указывалось, что собрание предметов не имело описей, предметы хранились бессистемно, в случайных коробках, ящиках и навалом. В процессе приёма предметов проводилась их фотофиксация. Была составлена опись предметов на 240 листах, включающая 1006 единиц (отдельных документов, папок, подшивков, предметов, образцов продукции, произведений живописи, графики, скульптуры и пр.). По предварительной оценке количество предметов в единицах хранения составляет около 10–15 тысяч.

Собрание предметов крайне разнородно, и включает в себя рукописные, машинописные, печатные и фотографические материалы по истории Сестрорецка, завода и его рабочих: копии архивных документов XVIII–XX веков по истории создания завода, технологии производства оружия и инструмента; печатные и литографические пособия и книги по технологии обработки металлов, металловедению, теории режущего инструмента, теории производства оружия; подлинные документы по обучению рабочих, профсоюзному движению, быту рабочих и служащих завода, спортивной работе и досугу; подлинные документы солдат и офицеров, участников революции 1917 года, Великой Отечественной войны (в том числе подлинный орден Ленина); спортивные награды, кубки, сувениры, подарки заводу на юбилеи; образцы продукции завода (мерительный, режущий инструмент, фото произведённого оружия в натуральную величину, сувенирная и наградная продукция); знамёна завода, профсоюзов и многое другое.

Благодаря усилиям СПб ГБУК «Историко-культурный музейный комплекс в Разливе», эти экспонаты снова были выставлены и дополнены справочно-историческими материалами, подготовленными научными сотрудниками музея. Для экспонирования использовалось помещение, принадлежавшее музею завода, которое было открыто для посещения в течение сентября. Предметы разместили в витринах бывшего музея, символично подчеркнув возвращение значительной части истории города Сестрорецка.

*ЛЕОНТЬЕВА Олеся Владимировна,
СПб ГБУК «Историко-культурный музейный комплекс в Разливе»*

КОРАБЛИ-ЗЕМЛЯКИ: СУДЬБА ПАРОХОДОВ «СЕСТРОРЕЦК», «БЕЛООСТРОВ», «РАЗЛИВ». ПО МАТЕРИАЛАМ ВЫСТАВКИ «СЕСТРОРЕЦК – ИСТОРИЯ НА ВОДЕ»

Выставка «Сестрорецк – история на воде» открылась 4 сентября 2015 года в выставочном зале «Арт-Курорт» г. Сестрорецка. Она посвящена судам, названным в честь Сестрорецка и окрестных населённых пунктов Курортного района.

А таких кораблей было немало, и многие из них, как оказалось, имеют удивительную историю. Пароходы «Сестрорецк», «Белоостров» и «Разлив» в 1945 г были переданы в счет репараций от Финляндии СССР после войны. Хотя тогда они еще назывались «Полярис», «Ааллотар» (что по-фински значит «Русалка») и «Остроботния». «Местные» имена им предстояло получить позже, в соответствии с Приказом № 39 по Балтийскому морскому пароходству [Рис. 1].

Пароход «Сестрорецк» [Рис. 2] был построен в 1912 г в Штеттине под именем «Принцесса София-Шарлотта» по заказу немецкой фирмы. Начало Первой Мировой войны пароход застал в Петрограде и вскоре был зачислен в состав Балтийского флота как минный заградитель «Ильмень», начав воевать против своих бывших владельцев. В 1918 г пароход вновь перешёл к Германии и в начале 1920-х годов был назван «Пруссией». В 1933 г его приобрела Финляндия, переименовав в «Полярис». По результатам Второй Мировой войны судно было передано СССР и названо «Сестрорецком».

В 1946 г пароход начал исполнять рейсы на грузопассажирской линии Ленинград – Хельсинки – Стокгольм – Лондон. Перевозки на этой линии в послевоенное время были крайне востребованы.

В 1954 г пароход передали в Мурманское пароходство, где он работал на линиях до Терiberки и Йоканги. В 1956 г «Сестрорецк» начал ходить до Диксона, перевоза исследователей Арктики и жителей Заполярья. На севере пароход проработал до 1972 г.

Пароход «Белоостров» [Рис. 3] был построен в 1937 г в Дании для финского флота и назван «Aallotar». В 1945 г по мирному договору между СССР и Финляндией его передали Советскому Союзу, и под наименованием «Белоостров» он был зачислен в состав Балтийского морского пароходства. Вместе с пароходом «Сестрорецк» он был поставлен на регулярную линию Ленинград – Хельсинки – Стокгольм – Лондон и стал одним из первых пассажир-

ских судов, отправившихся за границу в послевоенное время.

Сперва курсировавший до Либавы и Штеттина, с 1 июля 1946 г пароход отправился в десятидневное путешествие до Лондона. Несмотря на то, что пароход был предназначен для перевозки 156 пассажиров, их фактическое число обычно было гораздо меньше. Из Ленинграда до Лондона в среднем отправлялось 12 человек, из Лондона в Ленинград – около 40. Этой линией также пользовались финны и шведы для перемещения между их странами. На пароходе были каюты двух классов, музыкальный салон, бар и ресторан, в котором готовили советскую и европейскую кухню.

Работу парохода «Белоостров» обеспечивал экипаж из 70 человек. В 1948 г некоторое время судном руководила Анна Ивановна Щетинина – первая в мире женщина-капитан дальнего плавания. [Рис. 4] В 1935 г 27-летняя Щетинина потрясла международную общественность тем, что была назначена на должность капитана судна «Чавыча» и провела его из Гамбурга в Петропавловск-Камчатский. В Балтийском морском пароходстве она оказалась в 1946 г и проработала в его составе три года. В дальнейшем занималась преподаванием в Ленинграде и Владивостоке, а также написала книгу «На морях и за морями...» В 2006 г в честь Анны Щетининой был назван мыс в Японском море.

Пароход «Разлив» [Рис. 5] был построен в 1921 г в Хельсинки для финской компании «Atlantic Rederi AB» и назывался «Остроботнией» в честь области в Финляндии. После передачи его СССР в 1945 г пароход начал заниматься грузоперевозками на линии Ленинград-Росток в послевоенных условиях минной опасности. В 1947 г пароход подорвался на mine и затонул недалеко от берегов Восточной Германии.

Однако были и такие корабли, которые курсировали по местной акватории. Пароход «Сестрорецк» [Рис. 6] был построен в Швеции на форте Matala в 1895 г. До 1917 г он принадлежал АО «Приморская железная дорога», осуществляя перевозки пассажиров от Лисьего Носа до Кронштадта. В 1918–1936 гг находился в составе Балтийского, а затем пригородного пароходства и эксплуатировался на пассажирской линии Ораниенбаум – Кронштадт. С началом войны судно использовалось на Ладоге для высадки десантов на острова Лункулансаари и Мантсинсаари и эвакуации раненых в Шлиссельбург, Новую Ладогу и Волховстрой. 29 сентября 1941 г при высадке десанта в районе Шлиссельбурга судно подверглось немецкому обстрелу и было сожжено.

Таким образом, благодаря Морскому регистру судоходства в рамках выставки удалось проследить судьбы кораблей с именем «Сестрорецк» от миноносца, построенного по заказу Обуховского сталелитейного завода во французском городе Гавр в 1892–1894 гг до небольшого буксира, спущенного на воду в 2005 г наряду с буксирами «Петергоф» и «Павловск» и принадлежащего Портовому флоту.

Выставка «Сестрорецк – история на воде» продлится до 23 ноября 2015 г. Она также рассказывает о местном сестрорецком судоходстве, дореволюционном и заводском яхт-клубах, и о водном транспорте, обслуживавшем линию «Сестрорецк – музей «Сарай» - музей «Шалаш»: знаменитой «галоше», теплоходах «Разлив-1» и «Разлив-2», современном пароме «Starkraft».

П Р И К А З

(9) (32)

о Балтийскому Государственному Морскому Пароходству
№ 39 А-НИИТАРАН ВКРТАСОВАС ЛНИИ
г. Ленинград 6 марта 1945 года.
АВТОДОКЛАП ОБЪЕДИН. ОБС.
УПРАВЛЕНИЕ.

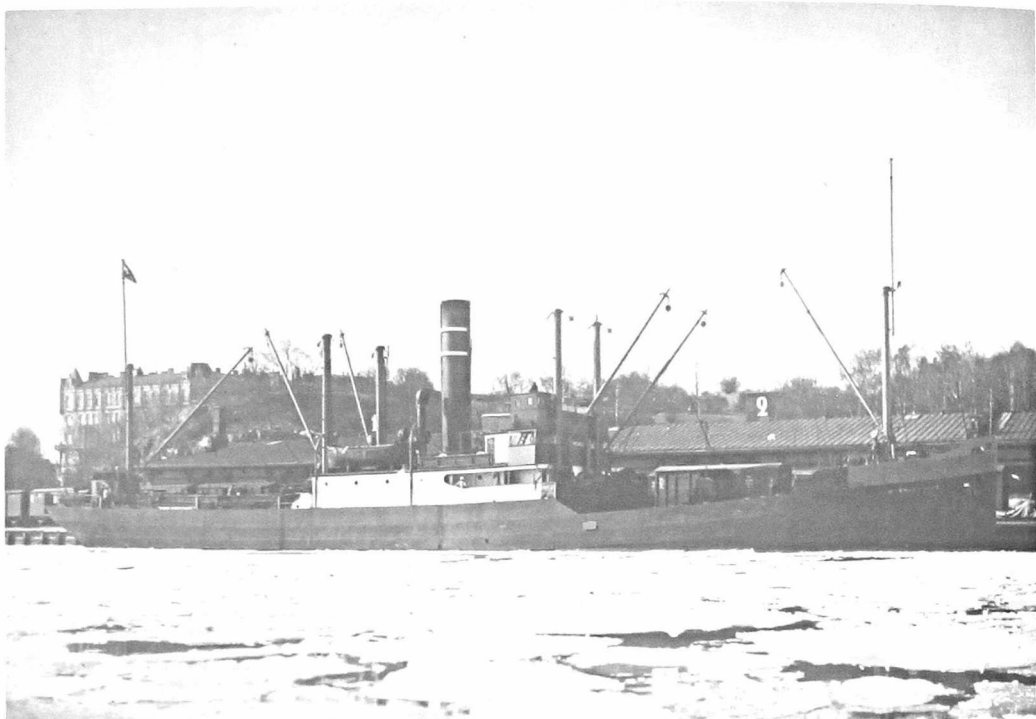
Транспортным судам, принятым от Финской Правительственной Комиссии, на основании статьи 11 Соглашения между Советским Правительством и Правительством Финляндии и причисленным в состав судов транспортного флота Балтийского Государственного Морского Пароходства, согласно указания Народного Комиссариата Морского флота присваиваются следующие названия.

№	Прежнее название	Новое присвоенное название
1.	ПАТРИЯ	М Г А
2.	АСТРИД-ТОГДЕН	ГРИБОЕДОВ
3.	МИГРИД-ТОГДЕН	НАРВА
4.	ДИОНЕ	ОГАННИБАУМ
5.	КАРД-ЭРИК	СЕРГЕЕНА
6.	ПОУЯНМАА	ИЛДКОВО
7.	ТАУРУС	ТИХВИН
8.	РЕГЛУС	ПВТЕН
9.	КОПАА	ЛЪМЕНЬ
10.	А Ф А	ОПОНЕЦ
11.	ОСЛОВОТНИЯ	РАЗЛИВ
12.	ГАЙЛА	ТОСНО
13.	СИМУС	ПЕЧЕНГА
14.	БОРЕ-2	ПЕИТ ОД БОРЕЦ
15.	ПОЛЯРИС	ОБСЛОТЧЕНК
16.	АТЛАНТА	ВИШНЯС
17.	БОРЕ-Ю	КАУНАС
18.	МАРИТА	ЛИТОВО
19.	НАГУ	ПЕТРОВ АН ОДСК

Приказ о переименовании репарационных судов, переданных Финляндией в СССР. 1945 г. ЦГА СПб. Ф. 6087. Оп. 4. Д. 6. Л. 9.

Фотография. Пароход «Сестрорецк». Из коллекции Д.В. Васильева

Фотография. Пароход «Разлив» («Остроботния»). 1920–1930-е гг.
 Источник: Интернет-сайт <http://forums.airbase.ru/>

Фотография. Пароход «Сестрорецк» у порта «Matala» в Швеции.
 Из личной коллекции Д.В. Васильева

ЛОГУНОВА Ольга Викторовна,
краевед, педагог, организатор школьного музея
«Лахта. Ольгино. Время. События. Люди»
в ГБОУ школе № 440 имени П.В. Виттенбурга

ЛАХТА. ОЛЬГИНО

Истоки краеведения на примере деятельности Лахтинской экскурсионной станции

ЛАХТА И ОЛЬГИНО — ЖИВОПИСНЫЕ ОКРЕСТНОСТИ ПЕТЕРБУРГА

История Лахты нескончаемо богата, разнообразна и поучительна. В 2015 году Лахте исполняется 515 лет.

*Лахта. Низменный берег Северного побережья Невской губы.
Рисунок пером А.Н.Бенуа*

Один из удивительных фактов истории Лахты и Ольгино — Лахтинская экскурсионная станция и Музей природы Северного побережья Невской губы. Еще в конце 19 века среди учителей, при поддержке земств, зарождались экскурсии для учащихся. Рос и интерес к освоению методов экскурсионной работы. Передовые круги российского общества, местные власти оказывали помощь в развитии ученических экскурсий. Но говорить о системе государственной поддержки этого нового явления было нельзя. Хотя сделано было немало.

В 1918 году при народном комиссариате (НАРКОМПРОС) организуется специальное бюро школьных экскурсий. Еще не было известно, как закончатся события на фронтах гражданской войны, а нарком просвещения А.В. Луначарский уже приглашает к себе профессора И.И. Полянского и поручает ему собрать, а затем и возглавить, специальную комиссию ученых. Им предстояло подобрать в окрест-

ностях Петрограда подходящие места для создания опорных баз или экскурсионных станций.

В феврале 1919 года при отделе трудовой школы Наркомпроса были начаты работы по созданию загородных естественно - исторических станций. К лету 1919 года была создана сеть станций: в Павловске, Детском Селе, на Лахте, в Сестрорецке, Петергофе, в Лесном, при Каменноостровском сельскохозяйственном институте, речном яхт-клубе на Крестовском острове, в стрельнинском яхт-клубе, при государственном Ботаническом саде. Всего было создано 14 станций. Главная их задача состояла в организации естественно-исторических экскурсий. Руководили этой работой опытные педагоги. На экскурсиях школьники знакомились с живой природой. На систематических занятиях перерабатывали и исследо-

Лахта. Приморская ж. д. Дворец гр. Стенбок-Фермора, фото А.Павловича

вали материал, создавали музей, осозная природу в целом.

19 мая 1919 года была основана Лахтинская экскурсионная станция. Ей было передано здание бывшего замка графа Владимира Александровича Стенбок-Фермора, последнего владельца лахтинского имения. Замок расположен на берегу Финского залива, среди естественного парка.

Заведующим станции был назначен доктор геолого-минералогических наук, известный полярный исследователь, профессор Павел Владимирович Виттенбург, он же в 1917 году основал ольгинскую школу. Свою работу в ольгинской школе и на Лахтинской экскурсионной станции Павел Владимирович рассматривал как общественное служение и сочетал с научной деятельностью в Академии наук, участием в арктических экспедициях, чтением лекций о полярных станциях в Университете.

Павел Владимирович Виттенбург жил в Ольгино. Его дом находился на улице Полевая, 5. Позднее семья Виттенбургов поселилась в Зеленогорске на Моховой, 16. Похоронен П.В. Виттенбург на зеленогорском кладбище. Жизненное кредо Павла Владимировича было - любимая работа, жизнь на природе, семья. Лахтинская экскурсионная станция была его любимым детищем. Здесь проявились его блестящие организаторские способности и талант руководителя.

Внимание Лахтинской экскурсионной станции сосредотачивается на Северном побережье Невской губы, от Лахтинского разлива до Тарховки, а на севере включала Клин-болото по реку Каменка. Основные формы обучения: экскурсии и кружковая работа. При станции были устроены лаборатории, оборудованы террариумы, помещения для просушки гербария, столовая, спальни для приезжающих экскурсантов, помещения для персонала.

Вначале были однодневные экскурсии, во второй период с 1921-1925 гг. стали вводиться кружки и многодневные экскурсии. Так, с 1923 года развернулись кружковые занятия по ботанике и зоологии с применением научно-исследовательского метода. Затем появились занятия по почвоведению, геологии, археологии. Далее, работа была направлена на изучение быта местных крестьян и населения Лахты, Ольгино, деревень Бобыльской и Конной Лахты.

К концу 1925 года кружковые занятия перешли на самостоятельное изучение местного края. Результаты этой работы находили отражение в печатных изданиях, ежегодных выставках. Отдельным изданием вышел в 1922 году сборник «СЕВЕРНОЕ ПОБЕРЕЖЬЕ НЕВСКОЙ ГУБЫ В СВЕТЕ ЕСТЕСТВОЗНАНИЯ». Это были первые статьи по краеведению данного района. Деятельность Лахтинской экскурсионной станции положила начало развитию краеведения Северного побережья Невской губы. Станция просуществовала с 1919 по 1932гг. За это время было опубликовано 27 научных и методических работ.

При станции петроградские ученые совместно со школьниками организовали Музей природы Северного побережья Невской губы. Он ставил своей целью представить природу своего края. Учащиеся собирали природный материал и пополняли коллекцию. Музей состоял из отделов: зоологического, ботанического, почвенного, геологического, археологического, исторического. Особенно была богатой орнитологическая коллекция, в которую входило 52 вида птиц. Интерес вызывал инсектарий с колонией живых муравьев, а в восьми ящиках располагалась коллекция бабочек. В музее размещались птицы и млекопитающие. Из грызунов интерес представлял заяц в зимнем наряде.

В банках находились спиртовые препараты плавунца и его личинки. Имелась интересная коллекция мхов и лишайников. Ученые, работавшие на станции, отмечали, что с появлением в 1907 году поселка Ольгино и заселением Лахты, стала исчезать лишайниковая растительность, как в количественном, так и качественном отношении. Музей украшали картины, выполненные академиком живописи Альбертом Николаевичем Бенуа. Так, например, картина «Низменный берег Северного побережья Невской губы» изображала валун, который рельефно выступает на фоне размытых моренных отложений, характеризуя ландшафт ледникового периода, низменный берег, сосны с обнаженными корнями, налево гряд Невской губы. Эта картина Альберта Николаевича Бенуа стала символом ЛЭК.

Развивать исследовательскую работу удавалось при активном участии петроградских ученых. Соратниками Павла Владимировича Виттенбурга были:

Борис Владимирович Пестинский. Он был студентом Академии художеств, очень увлекся занятиями в зоологическом кружке на Лахтинской станции, потом приобрел вторую специальность и остался здесь работать научным сотрудником и художником.

Наталья Петровна Серебренникова - опытный педагог, верный помощник Виттенбурга, заместитель заведующего лахтинской станцией.

Частым гостем в дачном Ольгино бывал детский писатель - Корней Иванович Чуковский. Здесь он жил на даче и написал свою знаменитую сказку «Тараканище».

На лахтинской экскурсионной станции был археологический отдел. Он занимался доисторическим прошлым Северного побережья Невской губы - лахтинской стоянкой древнего человека неолитического периода. Северное побережье Невской губы тесно связано с именем Петра Великого, основателя нашего города. Когда Петр I строил Петербург - он ча-

сто плывал мимо Лахты на оружейные заводы в Сестрорецк. Однажды, 1 ноября 1724 года, его застала буря возле берегов Лахты и он спасал моряков. Лахтинские жители увековечили память о славном императоре и поставили часовню (не сохранилась). В 1760-х годах на Конной Лахте был найден громадный валун «Гром-камень». Он послужил основанием для знаменитого памятника «Медный всадник».

Отзывы о работе Лахтинской станции 20- годов

1928 год: «... лахтинская экскурсионная станция представляет прекрасное учреждение, которое может научить школьника, взрослого краеведа методике и технике изучения природы, а вместе с тем и любви к природе и бережному отношению к ней» (Помощник секретаря Центрального бюро Краеведения - Москва).

Лахтинская экскурсионная станция вызывала интерес у группы американских педагогов, посетивших станцию в 1928 году во главе с профессором Дж. Дьюи. Он писал: « В этом учреждении мы видим образцовый пример правильного педагогического метода в деле изучения природы и ее отношения к человеку».

Ребята школы № 440 Приморского района им. П.В. Виттенбурга, расположенной в Ольгино, продолжая традиции Лахтинской экскурсионной станции, занимаются изучением и охраной природных и исторических богатств малой родины. Ежегодно у нас в школе проходят ольгинские экологические чтения «Заповедная природа Лахты и Ольгино». В ходе подготовки к третьим ольгинским экологическим чтениям, которые прошли в ноябре 2014 года, ребята на музейных уроках изучали страницы истории Лахтинской экскурсионной станции. Побывали на экскурсии в замке и парке бывшей усадьбы Стенбок-Ферморов. Сделали полезную практическую работу - развесили гнездовья для птиц в заказнике «Северное побережье Невской губы».

Все мероприятия проходят в

творческом содружестве с учреждением ГКУ «Дирекция особо охраняемых природных территорий Санкт-Петербурга». В чтениях активно участвуют наши партнеры и друзья: школа № 438 Приморского района, Эколого-биологический центр Дома детского творчества Приморского района. Наши ежегодные ольгинские чтения «Заповедная природа Лахты и Ольгино» — это научный и исследовательский отчет о познании природного биоразнообразия Северного побережья Невской губы. Мы активно занимаемся краеведческой работой и изучаем историческое прошлое своего родного края — Лахты и Ольгино. Заповедные места — это те самые окрестности Петербурга, которые нам завещаны предками. Места — благодатные своей природой и уникальной историей.

Литература:

1. Виттенбург Е.П. Павел Виттенбург: геолог, полярник, узник ГУЛАГА (воспоминание дочери) /СПб. ИИ-т истории РАН.- СПб: Нестор-история, 2003;
2. Виттенбург Е.П. Лахтинская экскурсионная станция. Ленинградская панорама.1988. № 11 с. 30-31;
3. Виттенбург П.В.3.1 Лахтинская экскурсионная станция и Музей природы Северного побережья Невской губы. Пг., 1923. 3.2. опыт школьной краеведческой работы на Лахтинской экскурсионной станции. Известия центрального бюро краеведения.1929.№7-8.с. 9-18.
4. Михайлов Н.В. Лахта пять веков истории 1500-2000.- Исторический очерк. Документы. Воспоминания. Каталог открыток.- Москва. Санкт- Петербург, 2013.

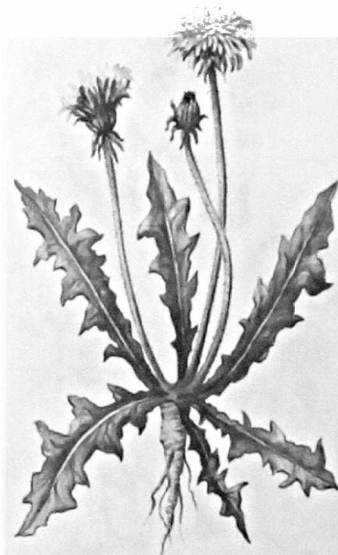
*Мартынова Антонина Ивановна,
краевед-травник в третьем поколении*

ЛЕКАРСТВЕННЫЕ ТРАВЫ КАРЕЛЬСКОГО ПЕРЕШЕЙКА И ЭКОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ РАЙОНА

На территории Карельского перешейка находится Зеленогорский лесопитомник, организованный в 1953 году на площади 220 га. Когда-то здесь выращивались деревья и плодово-ягодные кустарники для нужд населения Ленинграда и области. Я познакомилась с лесопитомником в 1989 году, когда проводила экскурсии по лекарственным травам. Это был удивительный уголок природы с ухоженными делянками и чистыми и красивыми проселочными дорогами. На территории Зеленогорского лесопитомника огромное количество ценнейших лекарственных растений (зверобой, сабельник, валерьяна, кипрей, крапива и т.д.), которые могли бы использоваться для здоровья человека. В перестроечный период стали продаваться земли лесопитомника и древесина. Лесопитомник пришел в запустение. Вместо дубрав — вырубленные делянки. Красивые дороги испорчены ямами и колдобинами. Под натиском человека изменился природный комплекс данной территории. Исчезли такие растения как чабрец, манник двулистный, ятрышник, купальница и другие. Сейчас лесопитомник напоминает свалку, среди которой кое-как выживают деревья, кустарники и лекарственные травы.

Одуванчик

Лекарственный цветок солнца. Очень полезное растение. Лечит и чистит печень. Съедая 1-5 цветков в день, употребляем энергию солнца, земли и магушки природы. Лечит суставы, желудок, поджелудочную железу. Можно делать настои на воде и на водке. Хорошо делать салаты. Поднимает иммунную систему, заживляет раны, укусы, порезы, убирает угри, фурункулы и пигментные пятна.

Мать-и-Мачеха

Это маленький лучик весеннего солнца... Это растение используется как отхаркивающее средство (цветы и листья) так как в листьях большое количество слизи, смягчающей кашель. 1 стакан листьев на 1 стакан кипятка. Листья еще лечат ушибы, порезы, раны, язвы, фурункулы.

Заячья кислица

Красивые жемчужно-белые цветки появляются в середине мая. Растения и цветки содержат натуральную аскорбиновую кислоту. Поэтому весной их нужно есть, что бы закислить организм. Тогда в организме не будет микробов, воспалений и новообразований. Нельзя принимать натощак тем, у кого заболевания желудка.

Примула лекарственная

Цветы имеют неповторимый весенний аромат. Народное название «баранчики». Листья сморщены и покрыты ворсинками. Напоминают ушки молодого баранчика. Два съеденных в день листочка обеспечивают суточную дозу аскорбиновой кислоты. Большое количество витаминов и кислот обеспечивают нормальную жизнедеятельность организма. Можно делать салаты.

Чистотел

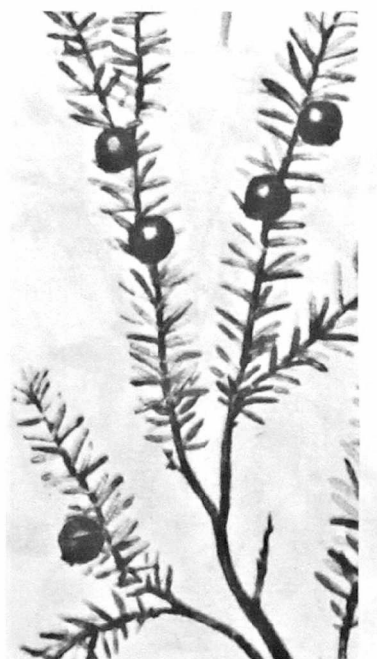
Ласточкина трава. Трава зацветает с прилетом ласточек. Оправдывает свое название, делает тело чистым. Убирает папилломы, бородавки, прыщи, угри. Делается настойка. 1/3 сырья, 2/3 водки - лосьон, которым протирается лицо. Растение ядовито. Употреблять нужно очень осторожно!

Сабельник

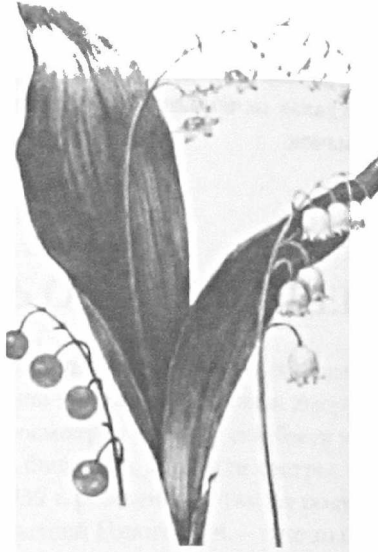
Самое сильное растение против артритов, полиартритов и ревматических суставных болей. Он лечит сосуды (атеросклероз, варикозное расширение вен). Лечит поджелудочную железу, печень и отодвигает человеческую старость. Используются листья, цветки и корень.

Золотарник

Красивое осеннее растение. Издавна им лечили экземы, диатезы, псориазы. Это растение еще не заменимо для лечения печени. Лекарственным сырьем являются цветы.

Водяника черная – шикша

Вечно зеленый кустарник, произрастающий в хвойных лесах. С давних времен используется трава и ягоды этого растения. Ягоды снижают давление, снимают головную боль и чистят кровь и сосуды. Чай из этого растения успокаивает нервную систему, поэтому используется для лечения эпилепсии.

Ландыш майский

Красивое изящное растение с приятным запахом. По легенде, когда Белоснежка спаслась от злой мачехи, то случайно порвала ожерелье. Его бусинки раскатились и превратились в душистые белоснежные цветы. Из ландыша готовят сердечные препараты, так как в цветах содержатся вещества, которые регулируют деятельность сердечной мышцы. Само растение и ягоды ядовиты, поэтому нужно быть осторожным!

Таволга вязолистная – медуница или лабазник

Это растение нормализует давление, снижает температуру и боль, лечит щитовидку и является самым сильным средством против моли, блох и тараканов. Используются корни, стебли, листья и цветы.

На территории Карельского перешейка более 350 лекарственных растений, но в связи с плохим экологическим состоянием территории, бесконтрольной вырубкой леса, бесконтрольного сбора растений (купальница европейская, ландыши и т. д.) многие растения исчезли. Хочется верить, что когда-нибудь будет наведен порядок, и наших внуков будет радовать раннею весной голубоглазая печеночница, желтоглазая купальница и почти исчезнувший цветок венерин башмачок.

ПОВЕСТЬ О НАСТОЯЩЕЙ МАТЕРИ

Было ровно 12 часов дня, когда по радио прошло сообщение о начале войны. На стенных часах с гириями на цепочках была видна одна стрелка. Вторую я начал искать под часами на полу, не нашёл, а когда вновь посмотрел на часы, там были уже две стрелки. Мне было на тот день 4 года и 2 месяца. Дома я был один. Где были сестры: старшая Нина 1931 г. рождения, Лида 1935г. рождения и Зоя 1939 г. рождения, а так же родители: мама - Никитина Евдокия Федоровна, отец - Никитин Алексей Никитович, – я не знал.

День 22 июня 1941 года запомнился солнечным. Отец до войны был начальником охраны завода имени Воскова, а перед войной начальником конного двора завода. Мама до 1931 года, до рождения старшей сестры Нины работала сестрой-хозяйкой в санатории «Сестрорецкий курорт», а с 1931 года до войны была домохозяйкой, занималась воспитанием нас четверых.

В первые дни войны отец, участник Финской войны - ушел добровольцем в Сестрорецкое народное ополчение. Уходя, он сказал: «Война скоро закончится». Но он не вернулся с войны. Его имя, наряду с другими именами, высечено на одной из стел у Дота в Сестрорецких Дюнах.

До августа 1941 года в Сестрорецке было тихо. О войне знали только по сообщениям радио. А 31 августа (дату запомнила одна из жительниц курорта) утром начался обстрел Сестрорецка со стороны Финляндии. Видимо, огонь велся по оборонительной линии на севере Сестрорецка, состоящей из 11 дотов (Сестрорецкий рубеж), расположенных в дюнах от берега Финского залива до стыка «Гладкого» болота с озером «Разлив». Мы были напуганы. Казалось, взрывы разрываются рядом с домом. Мама быстро нас четверых малых одела и повела к соседнему каменному дому под № 6 по улице Воскова, где был каменный подвал с двумя входами со стороны улицы. Бежали: мама на руках с младшей сестрой Зоей, старшая сестра Нина за руки со мной и с Лидой. Шел небольшой дождь. Был слышен шелест листьев деревьев от падающего на них дождя. Дверь подвального помещения нам не открыли - оно оказалось полным. Побежали в «Сад отдыха» завода Воскова, где в крутом склоне была вырыта землянка, но и она была битком заполнена. Побежали обратно к себе во двор, где рядом с нашим домом стояла кирпичная конюшня Петровской постройки. Там и укрылись от обстрела.

Фронт приближался к «Ржавой канаве». Но после обстрела в Сестрорецке было тихо, только высоко в небе пролетали самолеты. По границе нашего двора и «Сада отдыха» от дома № 6 в сторону клуба имени Ленина (дом Мосина) начали копать траншею. Нас переселили за мост «Шипучки» на ул. Большую Ленинградскую, а потом в посёлок Лисий Нос на ул. Лосиная, 4. Этот дом выходил и на параллельный Лосиной улице Морской проспект.

8 сентября началась блокада. В этом месяце на несколько дней нас посетил отец, он был с винтовкой. Эту винтовку я подержал в руках. Отец сказал, что после войны переделает винтовку на маленькую для меня. Мама покормила отца лепешками из картофельных очисток. Больше отца мы не видели.

В 1942 году из госпиталя города Бологое от него получили письмо, в котором он сообщил, что из госпиталя скорее всего вернется домой, но он не вернулся и вестей от него больше не было. После нашего возвращения из посёлка Лисий Нос в Сестрорецк в 1946 году мы получили письмо от неизвестной женщины из какой-то деревни, по моему, из Ленинградской области, где она сообщала, что нашла нашего погибшего отца и похоронила его. При нем она нашла наш Сестрорецкий адрес. Письмо от нее было сложно прочесть, так как она была женщиной малограмотной и ни ее имени, ни адреса невозможно было понять.

В сентябре 1941 года были введены продовольственные карточки. Норма хлеба за короткие промежутки времени многократно снижалась и уже в ноябре 1941 года она составляла 125 грамм. Хлебные карточки людям, которые временно проживали в посёлке Лисий Нос и имели до войны отношение к заводу им. Воскова, выдавали ежемесячно на заводе ЛИЗ (Ленинградский инструментальный завод), который находился на Новгородской улице в Ленинграде. В 1941 году зимой маме приходилось ходить как за хлебными карточками, так и за самим хлебом в город. Хлеб выдавали в специально отведенном магазине на станции Новая Деревня. В 1941 году и в начале 1942 года по обочинам дорог встречались «пеньки» - это были люди, замерзшие и умершие в дороге, которые присели на обочину отдохнуть, да так и умирали.

Однажды, когда мама весной 1944 года ходила на завод ЛИЗ за хлебными карточками, ей там рассказали, как люди, переходящие по мосту Александра Невского, увидели плывущую льдину, на которой просматривался крест. Эту льдину пожарникам удалось пришвартовать к берегу. Оказалось, что это был вмерзший в лед мальчик лет десяти, с раскнутыми в стороны руками. Был случай, когда наша мама тоже однажды присела на обочину дороги Лисий Нос - Новая Деревня отдохнуть от усталости, на наше счастье в тот день она шла с соседом дядей Федей Федоровым из Сестрорецка, понятно, что она увеличила бы счёт «пеньков», но дядя Федя заставил маму подняться на ноги. А когда мама уходила за хлебом, я забирался в туалет на стульчик, и, ожидая ее, смотрел в маленькое окно, выходящее в сторону Лосиной улицы, по которой уходила и приходила мама. Из этого окна мне как-то раз довелось увидеть, как шел какой-то человек, упал... и больше не встал. Через несколько часов его забрали и увезли, и было это зимой 1941 или 1942 года. Хлеб, который мама приносила на 2 дня - она разрезала на кубики со стороной примерно 1 см, убирала, и давала нам всем по несколько кубиков в определенное время. Один раз мама выкопала зимой из-под снега старую, завялую крапиву.

Несколько раз приносила несколько веточек сосны и заставляла нас жевать сосновые иголки, а ветки строгала и пропускала через мясорубку, потом варила. Спички в пору блокады были не деревянные, а на картонных пластинках, выполненных в виде гребешков с головками серы, примерно по 10 штук на пластине. При пользовании необходимо было отрезать спичку ножницами. Однажды летом во дворе выросло несколько белых поганок, мама собрала их и, рискуя отравить нас всех, отварила, меняя 15 раз воду. Зимой, когда замерзала вода в колодце, мы пили воду из растопленного снега.

Был случай, когда у мамы выкрали документы и хлебные карточки на целый месяц. Помог тогда нам не помереть с голоду хозяин дома дядя Саша Назаров. Он договорился с работниками детского дома, чтобы нас всех четверых зачислили на содержание. Работники детского дома в Лисьем Носу участливо и без проволочек отнеслись к нашей беде. Жаль только, что сейчас я не могу назвать ни одного имени этих добрых людей. Возможно, что кто-нибудь из родственников этих душевных людей и теперь живёт в посёлке Лисий Нос или в Сестрорецке. Студня из плиток столярного клея попробовать не удалось - клей достать было сложно.

Уже в первые дни блокады, буквально в считанные дни, вдоль Морского проспекта, рядом с нашим домом, была проложена железная дорога от станции Лисий Нос до берега

Финского залива. По ней в годы блокады на бронепоезде доставлялись боеприпасы для Кронштадта и форта «Тотлебен», который мы называли «Первомайским». Очень часто бронепоезд стоял напротив нашего дома, перед окнами на Морской проспект и расстояние до него было менее 100 метров. А на расстоянии 300 - 350 метров от дома находился дощатый невзрачный большой сарай-склад боеприпасов. Бронепоезд чаще всего приходил ночью. Разгрузку бронепоезда никогда не видели. Но зато доводилось видеть несколько воздушных боев в небе над «Лисьим Носом». Но было непонятно, где наши, а где чужие.

Были воздушные налеты вражеских бомбардировщиков на аэродром «Горская», но чаще всего налеты их были на ложный аэродром, который располагался рядом с основным и на котором стояли фанерные муляжи самолетов, которые изготавливались в одном из театров Ленинграда. Гул самолетов был часто слышен по ночам. Мы определяли так: если самолеты гудели продолжительное время и при этом не было бомбежки - значит это наши, патрульные с аэродрома «Горская».

Однажды весной 1942 года ночью мы проснулись от сильного грохота. Наш деревянный двухэтажный дом качался из стороны в сторону, оконные рамы повывлетали, двери махали своими «плоскостями», как бабочки крыльями. Мама посадила нас четверых вместе с собой на одну кровать, сказав при этом: «Если что..., то всех сразу...!». Кровать была на колесах и от того, что дом раскачивало - кровать каталась от одной стены комнаты к другой, ударялась и катилась обратно и вновь ударялась... и так продолжалось до тех пор, пока не прекратилась бомбежка. Во время бомбежки мы со второго этажа заметили в кустах «сигнальщика» (в настоящее время в «Лисьем Носу» на этом месте построена баня), сигнальщик давал какие-то сигналы и выпустил несколько ракет в сторону склада боеприпасов. О сигнальщике мы тут же сообщили дочери хозяев, учительнице французского языка из школы в Лисьем Носу - Наталье Александровне Назаровой. Наталья Александровна сбегала к группе кронштадтских моряков, которые в это время располагались в соседнем доме и вели огонь из зенитных пулеметов по тем вражеским бомбардировщикам, которые попадали в перекрестные, освещающие ночное небо, лучи прожекторов. Стреляли трассирующими пулями. Моряки взяли сигнальщика, им оказался провокатор, живший в этом же доме, где и располагались моряки.

Утром военные попросили нас всех выйти из дома и отойти от него подальше, а причиной тому, оказывается, была неразорвавшаяся бомба, упавшая в 20-30 метрах от нашего дома, и весившая 500 кг. Саперы обезвредили ее и увезли, после чего мы вернулись в дом. Как рассказывала мама Людмилы Яковлевны Фоминой - руководителя «Общества блокадников» Курортного района в эту апрельскую ночь 1942 года армада немецких бомбардировщиков в количестве 125 самолетов со стороны Финляндии направлялась уничтожить корабли Балтийского флота, базировавшегося в Кронштадте. С аэродрома «Горская» навстречу этой армаде поднялась четверка наших истребителей «Имасов» (И-16) под командованием Мацевича и заставила немцев повернуть вспять, побросав бомбы на другие объекты, в том числе и на «Лисий Нос». Вот эту страшную бомбардировку нам и пришлось пережить, о чем было уже сказано выше. Мама Людмилы Яковлевны в годы блокады служила на аэродроме «Горская». Навстречу немецкой армаде вместе с Мацевичем совершили вылеты Оскаленко, и Севастьянов, впоследствии всем им было присвоено звание Героя Советского Союза. А наша мама, Никитина Евдокия Федоровна, работала на территории аэродрома «Горская» сторожем. Чтобы сберечь нас, она подрабатывала - брала в стирку белье у одних зажиточных людей, живущих в большом собственном доме с очень большим двором, находящимся напротив нашего дома через дорогу на Морском проспекте. За стирку рассчитывались деньгами. Мама стирала белье и для моряков Кронштадта.

Уходя за хлебом в Новую Деревню или на работу, мама закрывала входную дверь дома на ключ. Однажды кронштадтские моряки пришли за чистым бельем в мамино отсутствие, и

не могли войти и подняться к нам на 2-й этаж через закрытую дверь. Тогда они нашли где-то приставную лестницу и по ней поднялись к нам на 2-й этаж через окно. Забрали свое чистое белье, а нам оставили немного овса, который мама, придя домой, промолочила на кофейной ручной мельнице и сварила кисель. Кисель оказался необыкновенно вкусным, а мама сказала: «Язык - не лопатка, знает, что сладко!»

Уже в 1942 году мы были рахитами: руки и ноги, как спички, а животы были большие от воды, так как пить ее приходилось в большом количестве, чтобы хоть как-то утолить постоянное чувство голода. Но что характерно, за все дни блокады никто из нас детей ни разу не произнес: «Хочу кушать». Мама смотрела на нас, и у неё текли слёзы. Она делала все, что было в её силах, чтобы сберечь нас. А однажды мама свела меня в церковь, которая работала в годы войны в Лисьем Носу. Священник причастил меня из маленькой чайной ложечки. Запомнились в церкви стопочки 20-ти и 15-ти копеечных монет, которые оставляли прихожане.

Подниматься и спускаться в нашем 2-х этажном доме приходилось не во весь рост, а на четвереньках или ползком из-за боязни упасть, так как сил было мало. До сих пор не забывается случай, когда летом 1942 года я находился во дворе и какой-то мужчина со стороны улицы подозвал меня к забору двора, я подошел. Мужчина вытащил из кармана маленький кусочек хлеба и отдал его мне, спросил только, как звать меня и сразу ушел, ничего больше не спросив и не сказав, радости тогда у меня было много. Я принес этот кусочек хлеба домой сестричкам и маме. Впоследствии они вспоминали, что я от радости почти прыгал, насколько это было возможно.

Воздушные налеты немецкой авиации продолжались в основном на аэродром «Горская». Аэродром прикрывала зенитная батарея с девушками-зенитчицами. Батарея находилась в лесочке на берегу озера «Разлив» между станцией «Тарховка» и музеем «Шалаш В.И. Ленина».

Летом 1942 года до Новой Деревни стал ходить поезд. Это событие для меня было очень своевременным. От голода я стал очень плохо видеть, и мама стала возить меня в город к врачу. Говорили, что у меня это «куриная слепота». Вылечили, стал видеть хорошо. Чтобы отблагодарить врача, мама собрала букет цветущих веток с каких-то кустов, росших вдоль дороги и у заборов.

Трудно пришлось маме, она много времени, сил и нервов потратила на меня, чтобы только восстановить мое зрение. Во время наших поездок к врачу часто видел, как по улицам города несколькими военными переносились заполненные газом стратостаты и гондолы воздушных заграждений, и встречные люди часто останавливались перед ними и высказывали доброжелательные слова.

В дни прорыва блокады стояла орудийная канонада. Артиллерия работала одновременно в городе, в Кронштадте, на Фортах и кораблях Балтийского флота, вызывая у нас чувства ожидания хорошего.

После прорыва блокады один раз мы получили одновременно свежие зеленые листья салата и сливочное масло. А первый привезенный черный хлеб казался нам чудом, будто это булка белого хлеба.

Тогда, после прорыва блокады, хозяйка, у которой мы жили - тетя Аня Назарова, шутя говорила, что после войны заведет во дворе 3-х козочек, по вечерам будет выходить на крыльцо и звать их по именам: Овся, Руся, Крендель.

А наша мама ждала отца, он ведь писал нам в 1942 году, что после госпиталя, скорей всего, вернется домой. Очень ждал отца и я. Когда приходили поезда на станцию Лисий Нос, всегда был слышен гудок паровоза и я каждый раз бежал к станции с надеждой, что встречу отца. Этого не случилось.

Радио работало круглосуточно весь период блокады. Каждое утро шло сообщение о со-

бытиях на фронтах. Сообщение о том, что И.В. Сталин в Кремле - вызывало в душе спокойствие и веру в нашу победу. В первые месяцы блокады по радио иногда транслировалась песня со словами: «Шёл отряд по берегу, шёл издалека, шёл под красным знаменем командир полка, голова повязана, кровь на рукаве, след кровавый стелется по сырой траве»...

Позже эту песню перестали транслировать по радио, так как она не вызывала положительных чувств при сложившейся на то время ситуации на фронтах. Запомнилось переданное по радио стихотворение:

*Товарищ Ворошилов - народный комиссар,
Товарищ Ворошилов, письмо я написал:
В Красную Армию в нынешний год,
В Красную Армию брат мой идет.*

*Товарищ Ворошилов, а если на войне
Погибнет брат мой милый - пиши скорее мне.
Товарищ Ворошилов, я быстро подрасту,
И встану вместо брата с винтовкой на посту!*

В остальное время суток по радио стучал метроном с перерывами на сообщения о воздушных тревогах. При воздушных тревогах и налетах метроном стучал учащенно. В темное время суток был строгий запрет на проникновение света из окон. Наиболее тяжелыми периодами блокады были зимы 1941 и 1942 годов. Город, выдерживая лишения, голод и холод - стоял. Уинстон Черчилль, чтобы узнать ситуацию по Ленинграду, настраивал свой радиоприемник на волну Ленинграда и, услышав стук метронома, говорил: «Поймал - Ленинград стучит, Ленинград жив!».

Если вернуться ко времени блокады, то можно еще отметить некоторые штрихи и события того времени.

Бронепоезд доставлял через Лисий Нос не только боеприпасы Кронштадту и фортам на Финском заливе, но и продовольствие. Был такой случай. Бронепоезд стоял на железнодорожном пути, ночью была попытка просверлить отверстие в днище цистерны с мукой. Нарушитель был ранен в ногу охраной поезда и задержан.

В угловом двухэтажном доме на улице Глухаричной (сейчас этого дома нет - он сгорел в шестидесятые годы) несколько дней располагались военные. В этом же доме жили сестроречане Фонаревы - Сергей и Анатолий. Во дворе этого дома были вырыты несколько наклонных траншей для орудий. На этом же дворе находился еще один маленький старенький домик. Однажды на завалинке этого домика сидел солдат с котелком. Я повел себя так, чтобы он меня заметил. И он заметил, позвал к себе, посадил рядом, дал ложку и котелок, в котором было немножко пшенной каши, примерно со столовую ложку, достал из нагрудного кармана маленький пакетик, и из него посыпал кашу сахарным песком. Возможно, этот солдат сохранил мне жизнь. Кадры этого события мелькают перед глазами до сих пор, как будто это было вчера, хотя прошло более 70 лет, бывает, что при этом наворачиваются слезы.

Поступки большинства людей в те тяжелые времена наяву открывали душу и доброту того поколения. К концу блокады в дома дали электрическое освещение. Население предупредило о необходимости строгого соблюдения светомаскировки и о большой ответственности при несоблюдении этого требования. В Лисьем Носу заработал кинотеатр.

Периодически показывали только один фильм - «Черевички». Не знаю, какая стоимость билетов была для взрослых, а для детей вход был бесплатным. Мы, дети, как правило, усаживались на полу перед первым рядом. О чём был фильм, его содержания не помню.

В холодные времена года раздевались только для стирки белья. Спали в пальто, валенках и шапках. Всю блокаду в доме на первом этаже прожила хозяйская кошка. Иногда она поднималась к нам, на второй этаж. Один раз я дал ей кусочек хлеба - кубик с размером стороны примерно 1 см. Она понюхала хлеб, но кушать его не стала. Тогда я съел его сам. Надо сказать, что ни крыс, ни мышей за все 900 дней блокады мы не видели и не слышали. Кошка пропала весной 1945 года, видимо ушла по старости.

В Сестрорецке на заводе им. Воскова, в годы блокады, для Ленинградского фронта изготавливались автоматы ППШ и пулеметы конструкции Дегтярева. Сам Дегтярев неоднократно бывал на заводе. Главный конструктор завода Воскова, участник производства этого оружия, Кабанов, вспоминал: работу по сборке автоматов выполняли слесари - инструментальщики самой высокой квалификации. Пригонку движущих сопрягаемых частей автомата первой партии выполняли по скользящей посадке не ниже второго класса точности. При испытаниях автомат в работе отказывал, а когда перешли на ходовые и широко ходовые посадки, автомат заработал безотказно.

В настоящее время приходится слышать, что настоящих блокадников давно уже нет. Это неправда. Я знаю многих настоящих блокадников и могу назвать имена некоторых из них, которые безвыездно находились в блокадном городе все 900 дней. Это:

- Кузнецова Нина Алексеевна, проживающая в Сестрорецке на ул. Мосина, 1;
- Соколова Лидия Алексеевна, проживающая в Сестрорецке, Дубковское шоссе, 17;
- Фомина Людмила Яковлевна, проживающая в Сестрорецке;
- Степанов Юрий Владимирович, проживающий в Санкт-Петербурге, Серебристый бульвар, дом 24;
- Копылова Клавдия Павловна, проживающая в Санкт-Петербурге, ул. Штурманская, 42.

Зимой 1941 года умерла одна из сестер хозяев дома тетя Таня Назарова, которая жила рядом с нами на втором этаже, а уже ближе к теплomu времени года на крыльце оказалась мертвой неизвестная нам женщина с кусочком недоеденного хлеба во рту.

В сентябре месяце 1945 года я пошел в школу в Лисьем носу. Не знаю, как было в старших классах, а в младших на большой перемене между уроками давали каждый день по кусочку черного хлеба, весом примерно 100-120 граммов с топленным свиным салом, чтобы исключить у детей обмороки от голода.

Осенью, в октябре - ноябре 1945 года, мы вернулись в Сестрорецк в тот же дом по улице Воскова, в ту же квартиру после косметического ремонта, проведенного заводом им. Воскова и силами плененных немцев. Во время войны нас поселили в Лисьем Носу в частный дом с трудом, с участием милиции, а когда мы выезжали оттуда, то хозяева уговаривали нашу маму остаться у них, отдавая нам полностью второй этаж с двумя зимними и одной летней комнатами, с кухней и теплым туалетом на 2-м этаже. Хозяйка дома тетя Аня Назарова сказала тогда, что наша мама стала для неё родной, но мы хотели домой, в Сестрорецк. События блокадных лет показали, что между людьми существовало братство, была взаимопомощь, первоочередная забота не о себе, а о человеке, который рядом с тобой, люди считали, что должны держаться и жить, чтобы помочь и поддержать других людей, находящихся с ними рядом. Наша мама понимала, что если она не выдержит, то надеяться, что мы, а нас у неё было четверо, останемся живыми, она не могла. Такие люди, в большинстве своем, как наша мама, пережившие суровые, голодные, холодные годы блокады, остались живыми благодаря чувству ответственности перед детьми.

Как только мы вернулись в Сестрорецк, наша мама устроила нас в школу № 433. В начальных классах у меня классным руководителем была Огорокова Клавдия Ивановна, а с пятого класса по седьмой - Логунова Тамара Николаевна - учительница русского языка и литературы.

В первые послевоенные годы мама работала по уходу за лошадьми на конюшне, принад-

лежащей заводу им. Воскова, который находился на ул. Воскова, около клуба им. Ленина (бывший дом С.И. Мосина). Затем она работала в садоводстве, в цехе озеленения завода им. Воскова. Начальником цеха был известный миру цветовод Ипполит Леопольдович Заливский, который за всю свою жизнь вывел около 300 видов георгинов. После смерти И.Л. Заливского, цехом по озеленению стал командовать известный в Сестрорецке как дизайнер, Владимир (Влад) Кулешов.

Кроме основной работы мама подрабатывала стиркой белья и копкой огородов у более состоятельных людей. На копку огородов она брала и меня с собой, где я помогал удалять сорняки. В первые два-три года после окончания войны жили впроголодь, часто кушали кашу, сваренную из кормовых отрубей. Ели прессованный в плитку, толщиной 1,5-2 см, гороховый и подсолнечный жмых. Вкусным казался подсолнечный жмых.

В Сестрорецке валялось на земле много корпусов от обезвреженных гранат-«лимонок». В дюнах станции Курорт находили и боевые гранаты, снаряды и мины. Мы, подростки, часто после уроков в школе, ходили в дюны за патронами. Патронов приносили много: россыпью и в винтовочных по 5 штук патронов в обойме...

Был такой случай, когда мой друг, впоследствии военный летчик-истребитель, а в дальнейшем летчик гражданской авиации, Володя Копылов на одной из перемен между уроками в помещении класса школы № 433 продемонстрировал работу такого оружия. Одновременно с прогремевшим выстрелом в класс вошла учительница Тамара Николаевна Логунова - наша классный руководитель. Оружие и боеприпасы к нему у Володи были немедленно изъяты.

Большой оптимизм у народа в первые послевоенные годы вызвало выступление по радио товарища Сталина, в котором он сказал, что будут осуществляться финансовые вложения в основные фонды страны, а по мере восстановления народного хозяйства и накопления материальных ресурсов розничные цены на продовольственные и промышленные товары будут снижаться.

Так оно и было. С 1946 по 1954 год ежегодно по центральному радио после позывных на мелодию песни «Широка страна моя родная», сообщалось о снижении розничных цен на основные продовольственные товары: хлеб, мясо, масло, молоко, крупы, сахар и на некоторые промышленные товары: одежду, ткани, обувь. Все верили в хорошее будущее и спокойную жизнь. За эти годы цены на мясо снизились до 1 рубля 50 копеек за килограмм, молоко - до 20 копеек за 1 литр, сахар - до 90 копеек за 1 кг, буханка хлеба весом в 1 кг - до 14 копеек, нарезной батон - до 22 копеек, французская булка - до 7 копеек, сайка - до 6 копеек. На другие продовольственные товары цен не помню.

Все основные дороги Сестрорецка, в первые послевоенные годы, были мощенные булыжником, а тротуары были покрыты цементными квадратными плитами размером 1х1 метр. В Сестрорецке работало много пленных немцев. Жили они в доме, который находился за помещением спортивного зала Технического училища № 2. Немцы были заняты строительными работами. Все коттеджи на улице Володарского были построены немцами. Руководил работами прораб Александр Писменский. Двухэтажное общежитие на улице 1 Мая, в районе Промстроя, построено тоже немцами. На работу пленные ходили в строю, колоннами. Обуты они были в кустарные ботинки с деревянными подошвами и брезентовым верхом. Топот колонны немцев по булыжной дороге в такой обуви был слышен далеко. Пленные немцы часто по вечерам организованными колоннами, самостоятельно, без охраны, проходили на заводской стадион играть в футбол или ручной мяч в присутствии большого количества своих болельщиков. Часто можно было увидеть пленных немцев на запряженных лошадьми телегах или санях. Ездили они по Сестрорецку свободно, без охраны.

Каждую субботу по вечерам от вокзала Сестрорецк строем и с песней по ул. Воскова проходили в баню солдаты аэродрома «Горская». Ходили в баню небольшими командами

строено по Дубровскому шоссе и по ул. Воскова и моряки с форта «Тотлебен», прибывшие на мыс Дубки на катерах. Заходили они и в тир, который находился рядом с кинотеатром «Прожектор».

В 1951 или 1952 году жителем и составителем довоенной карты Сестрорецка Серком было определено местонахождение склепа с захоронением тела конструктора трёхлинейной винтовки С.И. Мосина. Говорили, что внешне формы тела и одежды сохранились. Мы, мальчишки, сбежали с уроков смотреть на это зрелище. Прах С.И. Мосина на орудийном лафете, в сопровождении военных с оркестром, был перевезен и перезахоронен на Сестрорецкое кладбище с производством салюта из винтовок его конструкции. Склеп находился перед Техническим училищем метрах в пятидесяти, есть фотография этого места. На заднем дворе завода им. Воскова со стороны Курорта имеется крутой спуск. В нём, сделанном ещё до революции глухом тоннеле, стоял бронепоезд. Видимо, на нём до революции перевозили винтовки. Вероятно, что именно этот же бронепоезд доставлял к берегу залива в Лисьем Носу боеприпасы для Кронштадта и фортов. В первые послевоенные годы в этом тоннеле кроме бронепоезда находились на хранении противогазы. Мальчишки средних лет часто туда проникали. Резина масок противогазов использовалась для рогаток. Так что все рогатки в Сестрорецке были сделаны в основном из резины от масок противогазов. А над тоннелем, на проходке, находилась «Артель металлистов», которая изготавливала ручные дрели, отвертки, напильники и гвозди.

Вокзал в Сестрорецке и улица Воскова были радиофицированы. По радио утром и днём передавались новости и футбольные репортажи Вадима Синявского, а вечером эстрадная музыка и песни. Наиболее часто звучала песня «Ленинские горы». В кинотеатре «Прожектор», который находился на Дубровском шоссе и в кинотеатре «Прибой» в Курорте, шли фильмы: «Граф Монте-Кристо», «Чарли Чаплин», «В шесть часов вечера после войны», «Небесный тихоход», «Два бойца», «Гроза», «Поднятая целина», несколько индийских фильмов, многосерийный американский фильм «Тарзан». Фильм «Тарзан» демонстрировался даже по ночам и не только в кинотеатрах, но и в Доме культуры, который находился на Петровской набережной. Для детей в дневное время шли фильмы: «Детство и юность Максима Горького», «Иван Никулин - русский матрос», «Сын полка», «Тимур и его команда», «Чапаев». Особенно сильное впечатление оставлял фильм «Детство и юность Максима Горького». Запомнилась песня из этого фильма, которую, вместе со всеми сверстниками, пел юный Пешков: «Город на Каме, где, не знаем мы сами, город на Каме-матушке реке. Не дойти ногами, не найти глазами город на Каме-матушке реке». Стоимость детского билета в кинотеатрах была 10 копеек, а стоимость взрослого билета - от 20 копеек до 40 копеек, в зависимости от места в зале.

В 50-е годы вторым секретарём Сестрорецкого райкома партии Алексеем Кузьмичём Замараевым было озвучено намерение властей Сестрорецка заменить вид общественного транспорта автобусного передвижения по городу - на троллейбусный. Но после 5 марта 1953 года это намерение заглохло.

Первым директором школы № 433 Сестрорецка после войны был Кручинин. Он уделял много внимания внеурочным занятиям школьников. В ряде классов организовывалась художественная самодеятельность. Так, например, отдельный класс осуществлял постановку по сказке А.С. Пушкина «Сказка о попе и работнике его Балде». В школе организовывались соревнования по шашкам. Одним из сильнейших шашкистов в школе был Коля Суриков, впоследствии ставший начальником производства завода им. Воскова. В Доме пионеров, в котором потом разместилась Музыкальная школа, стали работать кружки: шашечно-шахматный, авиамодельный, кройки и шитья, игры на народных музыкальных инструментах. Тому, кто заканчивал занятия в авиамодельном кружке, через Ленинградский Аэроклуб, находящийся на Набережной реки Фонтанки, выдавали удостоверение, дающее право ру-

ководить таким же кружком, и значок авиа-моделиста. Этим же ребят Авиаclub пригласил пройти обучение на моториста-механика авиационных двигателей. Директором Дома пионеров и Музыкальной школы был Александр Левин, проживавший в Сестрорецке на «Угольном острове».

Основная работа и домашние заботы не давали маме возможности посещать родительские собрания в школе. Своим отношением к учёбе и дисциплиной мы не давали повода для вызова её в школу. Наоборот, учительница географии школы №433 Сурикова периодически передавала записки нашей маме, в которых она благодарила маму за её правильное и хорошее воспитание своих детей. А как маме все это давалось, знали только она сама, да, наверное, Бог. За работу в годы блокады и за сохранение жизни четверых своих детей, мама была награждена медалью «За оборону Ленинграда». Маме, как многодетной, в первые послевоенные годы Сестрорецкий исполком выделял бесплатно талоны на 6 куб.метров дров, или на брикетированный торф, а иногда и на бесплатное получение резиновой обуви.

В сороковые и пятидесятые годы прошлого века в Сестрорецке был очень развит такой вид спорта, как хоккей с мячом. Как только на озере Разлив вставал лед, сразу же на участке озера между заводом и баней начинались хоккейные баталии. Одновременно заливался каток и на заводском стадионе. Хоккейный коллектив завода им. Воскова участвовал в первенстве Ленинграда в высшей группе (первой группе). Хоккейный коллектив завода представлял 5 команд: женская, мужская, подростковая, юношеская и молодежная. Завод им. Воскова был одним из лидеров Первенства Ленинграда. Основными конкурентами были: завод Красная заря, мужская команда которого участвовала в первенстве СССР в высшей лиге по классу А, Балтийский завод, мужская команда которого участвовала в первенстве СССР по классу Б и завод Светлана. Известными хоккеистами в Сестрорецке были: мастер спорта по хоккею, первый наставник молодого Всеволода Боброва - Герман Худяков, играющий тренер Георгий Шавыкин, Виктор Пивоваров, Валентин Уткин, Геннадий Ковшов (по прозвищу Красный).

Сестроречане участвовали в розыгрыше Кубка Ленинграда и среди дворовых команд. Так, в 1956 году Сестрорецкая дворовая команда «Ракета» привезла Кубок Ленинграда, учрежденный городским комитетом ВЛКСМ. Руководил командой Виктор Полуэктов, капитаном команды был Анатолий Малютин. Всю зиму, до самой весны, пока стоял лед, на стадионе завода по вечерам с 18 и до 23 часов работал каток для массового катания на коньках при электрическом освещении и музыкальном сопровождении. На катке всегда был аншлаг как на льду, так и у края ледяного поля. Раздевалки и гардеробная работали с перегрузкой. Завод им. Воскова выступал в первенстве Ленинграда и по футболу во 2-й группе в составе восьми команд: детской; 3-й, 2-й и 1-й юношескими; молодежной; 3-й, 2-й и 1-й мужскими. Знаменитыми футболистами были Анатолий Викторов и Орешкин, оба были участниками знаменитого блокадного матча.

На стадионе «Динамо» играющий тренер Григорий Шавыкин - любимец Сестрорецких футбольных болельщиков, вратарь 1-й мужской команды Александр Майоров, защитники этой же команды: Владимир Калбик (Вова Калба), Виктор Кока. Майоров, Калбик, Кока выезжали на игры гатчинского «Спартака», который был участником первенства СССР по классу Б, нападающие 1-й мужской команды Вячеслав Маклаков (Маклак), Геннадий Ковшов, отыгравший один сезон за Ленинградский «Адмиралтеец», Валентин Уткин, Николай Панфилов; игроки молодежной команды: вратарь Анатолий Никитин и его брат - нападающий Константин Никитин, нападающий Валентин Комаров (Комар). Спортивную честь Сестрорецка, Ленинграда и страны защищали: велосипедист-трековик Станислав Москвин, будучи еще учеником школы № 434 в Разливе в 1956 году стал первым для нашей страны Олимпийским чемпионом в индивидуальных гонках на треке; легкоатлет, бегун, бронзовый призёр Олимпийских игр и призёр Европейских соревнований по беговым дисциплинам

Грачев. Большой вклад по подготовке борцов Сестрорецка внес неоднократно призёр Европы и чемпион Мира по борьбе среди ветеранов Юрий Цатурян.

После Олимпийского хоккейного турнира и футбольных игр в Ленинграде против «Зенита» в составе команды ВВС в Сестрорецк всегда приезжал Всеволод Бобров. Он навещал квартиру в Промстрое, в доме № 3 по улице 1 Мая, где жил до войны. Навещал своих друзей: Германа Худякова, Георгия Шавыкина, с которыми играл в хоккей с мячом за честь завода им. Воскова. Планировался матч между сборной ветеранов Сестрорецка и 1-й мужской командой завода им. Воскова. В команде ветеранов должен был играть В. Бобров. Игра не состоялась из-за сильно мокрого поля. Бобров походил вдоль боковой линии футбольного поля, посмотрел, как выглядели на этом поле с лужами игроки заводских команд (в этот день проходили игры чемпионата Ленинграда) и принял решение - не играть.

В летние теплые вечера в заводской Сад отдыха на стадион приходили любители поиграть в волейбол. Завсегдатаем и организатором игры в волейбол был Павел Андреевич Кузьмин - работник Сестрорецкого райкома партии, а впоследствии работник администрации Сестрорецка. Так же по вечерам в летние дни в Саду отдыха работала танцплощадка под открытым небом с эстрадным оркестром. А в клубе им. Ленина (дом С.И. Мосина) на террасе второго этажа работала бильярдная, частыми посетителями которой были хоккеисты Ленинградского СКА (спортивного клуба армии), Чаще всех приезжал нападающий СКА Бекашев.

В мае, как только открывались шлюзы «Шипучки», навстречу потокам воды с озера Разлив из залива шла на нерест рыба корюшка. Её было много, Ловили корюшку и днём и ночью при кострах. С берега ловили саком, пауком, мерёжами. За один заброс в воду сака или паука были случаи вылова рыбы более килограмма. На Заводской канаве, на территории завода, рабочие в обеденный перерыв ловили корюшку, используя для лова рубашки, брюки, сачки для ловли бабочек. Бывали годы, когда рыболовы-любители безвозмездно сами разносили корюшку по домам, так как её некуда было девать.

На каменной гряде залива, которая находится в устье реки Сестры, так же весной дежурили и днём и ночью рыбаки-любители, ждали на нерест плотву, и как только плотва подходила, дежурные оповещали всех знакомых им рыбаков. Ловили плотву с камней гряды саком и удочкой.

Основным транспортным средством для перевозки грузов в первые послевоенные годы в Сестрорецке были телега - летом и сани - зимой, запряженные лошадьми. В конном дворе завода им. Воскова содержалось 30 лошадей. В саду Отдыха находилась кузница, где персонально для каждой лошади кузнецом Алексеем Архипенко ковались и подгонялись по размеру копыт подковы. Сено и овёс, которыми кормили лошадей, выращивали, а заготавливали на подсобном хозяйстве завода, которое находилось в Оллила (Солнечное). Сено в Сестрорецк привозили в основном на конной телеге. На всем протяжении пути до Оллила и далее на обочинах дороги стояло много бирок с надписями на дощечках «Мина», эти бирки стояли после войны еще года два-три. К пятидесятым годам подсобное хозяйство было переведено в Белоостров и находилось в шести километрах по Александровскому шоссе от станции Белоостров, в районе 40-41 км по Верхне-Выборгскому шоссе (трасса М-10). Подсобное хозяйство там содержало стадо коров и выращивало картофель. Молоко и картошка реализовывались в магазинах Сестрорецка. Хранилась картошка в подвале дома № 6 по ул. Воскова. На территории подсобного хозяйства нашей маме, как многодетной, выделили 2 сотки земли, на которой мы выращивали картошку. На посадку, прополку, окучивание и копку картошки мы ездили попутчиками на заводской машине трёхтонке с газогенератором, работающим на чурках дров. Во время поездок периодически приходилось подбрасывать деревянные чурки в топку газогенератора. Машина в Белоостров ходила через Те-

рийки (Зеленогорск), так как дороги от 39 км Приморского шоссе на Белоостров ещё не было. Первые годы после войны Белоостров был пустынным, все было разрушено войной. Построек никаких, на вокзале стояла только водокачка для заправки водой паровозов. Земля выжжена и окутана колючей проволокой. На выжженной земле только пятна цветущего Иван-чая, да в небе пение жаворонка. На Александровском шоссе, как до первого, так и до второго озер стоят подбитые танки без опознавательных знаков и орудия. У моста через овраг огромная неразорвавшаяся авиационная бомба. Все это оставалось неизменным после войны года три-четыре. Возле первого озера руины кирпичной церкви, у второго озера - руины кирпичных строений бумажной фабрики. Строительство в Белоострове началось в 50-е годы. Первые постройки появились на Александровском шоссе. Два-три послевоенных года на въезде в Сестрорецк со стороны Зеленогорска стоял подбитый немецкий или финский танк, ствол пушки которого был направлен в сторону Сестрорецка.

Осенью 1942 года в Лисьем Носу начала работать школа. Моя старшая сестра Нина пошла в третий класс. Учителем по всем предметам и классным руководителем у нее был совсем одинокий мужчина. Звали его Михаилом Ефремовичем. Он организовал в своем классе хор. Хор выступал перед летчиками ночного истребительного полка под командой Мациевича, в составе полка которого были известные стране герои Советского Союза Оскаленко и Севастьянов, истребительный полк базировался в Горской. Детский хор выступал и в воинской части поселка Парголово.

После прорыва 18 января 1943 года блокады, летом на улицах появились чуть окрепшие дети примерно моего возраста. Играли на улице во дворах в прятки. Кто-то нашел ржавую детскую педальную машину. Сообща затаскивали эту машину на горку и по очереди съезжали вниз. Однажды случилось так, что я был под горкой и ржавая машина ранила мне ногу. Средств обеззараживания и перевязочного материала не было, я оказался в больнице. Рана прогрессировала. Развивалась гангрена. Врачи решили ампутировать ногу и сообщили об этом нашей маме. Мама категорически запретила провести операцию. И через несколько дней рана очень быстро начала заживать. Я вновь побежал! Побежал благодаря моему ангелу-хранителю — нашей маме.

И тут же мне вспоминается довольно странный случай, когда я ехал на поезде, шедшем в Приморск. Напротив меня в вагоне сидели женщина и мужчина. Они начали со мной разговор, сказав при этом, что в жизни рядом со мной находится или находился святой человек. Я понял, что это действительно так. Это наша мама.

А в Сестрорецке в первые послевоенные годы жителей было мало. Сейчас сложилось мнение, что каждый знал каждого в лицо. Особой личностью был одинокий мужчина возрастом пятидесяти лет, ростом 1,5 - 1,6 м со специфической речью, без использования плохих слов, не приносящий кому-либо обид, добродушный, почти всегда выпивший. Звали его Петя-Царь. Его знал почти весь Сестрорецк и все относились к нему добродушно.

Улица Воскова была сестрорецким Бродвеем. Гуляли по воскресеньям днем и вечером, а в рабочие дни - по вечерам и маршрутом от Сада отдыха (клуба им. Ленина) до кинотеатра «Пржектор» и обратно, и так многократно, поодиночке и маленькими группами.

А мальчишки моего возраста, в том числе и я, часто ходили на побережье Финского залива в надежде найти бескозырку. Иногда волны залива выбрасывали на берег бескозырки с надписью «Балтийский Флот». Тот, кто нашел, - надевал и ходил в ней. Мне найти не удалось. Но зато в прохладное время я ходил в буденовке, которая осталась от отца после Финской войны. Другой шапки у меня не было.

Основной игрой был у нас футбол. Играли класс на класс до изнеможения, а летом дворовыми командами с командами из пионерских лагерей. Кто играл в нашей дворовой команде, я могу назвать. Это: Олег Бейгельман, Слава Пепеляев, Толя Малютин, Гера Герцовский, Олег Зимон, Юра Муравьев, Вова Копылов, Гена и Вова с Цемяночной улицы, братья

Дорофеевы и я. Может быть, кто-нибудь прочтет эти строки и вспомнит те времена. Пионерских лагерей от различных предприятий Ленинграда в те времена в Сестрорецке было много. Ходили пионеры по Сестрорецку на стадион организованными колоннами с барабанным боем и горном.

В школе, на переменах между уроками, на подоконниках играли в фантики от конфет, а на улице на деньги в монетах - в пристенок, и на земле с битой. Чтобы выиграть монету, ее необходимо было битой перевернуть на другую сторону. Биту выплавляли из свинца в консервных банках. Аккумуляторных свинцовых пластин - решеток в Сестрорецке на земле валялось много.

Как только подходил срок занятий в школах, в конце августа работники из РОНО ходили по домам и предупреждали о необходимости являться на учебу в школу. В те трудные годы мама делала все возможное, чтобы мы учились и были обуты, одеты и накормлены.

Воспоминания о том страшном прошлом хочу закончить своим стихотворением.

*Медаль за оборону Ленинграда,
расскажет много о войне.
Она и память о блокаде
Для тех, кто прожил в Ленинграде
Все 900 блокадных дней,
О тех, кто не дожил до снятия блокады,
До значимых для нас январских дней.
Она хранит в себе рассказ особый -
О многодетных матерях,
Спасавших жизнь своих детей в блокаду,
И спасших город Ленинград.*

*НИКУЛИН Владимир Викторович,
заведующий Техноцентром (музеем)
ОАО «Завод имени В.А. Дегтярева*

СОТРУДНИЧЕСТВО СЕСТРОРЕЦКОГО ОРУЖЕЙНОГО И КОВРОВСКОГО ПУЛЕМЕТНОГО ЗАВОДОВ В 1916 – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ 1920-Х ГОДОВ

Многостороннее взаимодействие, сотрудничество и взаимопомощь коллективов двух заводов - Сестрорецкого оружейного и Ковровского пулеметного (ныне - ОАО «Завод имени В.А. Дегтярева») — является примером братства людей, которые в кризисные для всей страны периоды продолжали честно служить родине.

В начале XX века история Сестрорецкого оружейного завода насчитывала уже без малого два столетия с множеством ярких событий и имен трудившихся здесь специалистов, рабочих, конструкторов.

В отличие от Сестрорецка в городе Коврове - уездном центре Владимирской губернии - лишь в разгар первой мировой войны, в августе 1916 г. началось строительство первого оружейного предприятия - Ковровского пулеметного завода, который вскоре стал одним из крупнейших в оборонной промышленности страны. И с самого начала новый завод оказался тесно связан с северной столицей - Петроградом. А если точнее - даже еще до закладки первого камня в основание первого заводского корпуса.

В Петрограде было создано акционерное общество ружейных и пулеметных заводов (российско-датское по составу учредителей и акционеров), задачей которого был выпуск для российской армии ручных пулеметов системы Мадсена. Имея мощные старые оружейные заводы в Сестрорецке, Туле и Ижевске, Россия еще не была готова собственными силами построить и оснастить первое в стране специализированное предприятие по выпуску автоматического стрелкового оружия. Здесь же, в Петрограде, под контролем Главного артиллерийского управления в начале 1916 г, когда определялось место для строительства пулеметного завода, директора Датского оружейного синдиката остановили свой выбор на Коврове.

Вскоре, правда, оказалось, что учредители акционерного общества не смогли четко просчитать все риски, поджидавшие их в условиях измотанной войной России. По договору уже с лета 1917 г должны были начаться поставки российской армии пулеметов Мадсена. Но лишь в августе военному приемщику ГАУ штабс-капитану Апарину была предъявлена первая крохотная партия пулеметов, которые не выдержали испытаний.

Не выполнив свои обязательства, не завершив даже строительство первых двух корпусов, хозяева-акционеры в начале 1918 г решили закрыть Ковровский пулеметный завод, который они довели до финансового краха. Началось увольнение рабочих, а дирекция стала попросту разбегаться - кто в Петроград, кто в Копенгаген. В начале весны 1918 г почти все датские руководители и специалисты покинули Ковров, хотя в тот период революционные события в России ничем им

Владимир Григорьевич Федоров

не угрожали. Неокрепшее Советское правительство не рисковало идти на конфликт с собственниками-иностранцами.

Ковров мог бы и не стать городом оружейников, и как сложилась бы судьба всей страны, если бы здесь не появился мощный центр оборонной промышленности.

Предписанием Главного артиллерийского управления от 18 января 1918 года на строящийся Ковровский пулеметный завод из Петрограда был командирован известный конструктор и ученый Владимир Григорьевич Федоров для наблюдения и общего руководства за изготовлением автоматов (ружей-пулеметов, по терминологии того времени) его системы образца 1916 г. Вместе с Федоровым в Ковров приехал его ученик и надежный помощник, высококвалифицированный рабочий-оружейник Василий Алексеевич Дегтярев. Благодаря их работе и произошло становление нашего предприятия и рождение всего оборонно-промышленного комплекса города Коврова. В.Г. Федоров и В.А. Дегтярев вместе работали в Ораниенбауме и Сестрорецке.

Под руководством В.А. Дегтярева изготавливались опытные образцы и первые партии автоматических винтовок В.Г. Федорова и главного его изобретения - первого в мире автомата (ружья-пулемета) калибра 6,5 мм. Здесь же Главное артиллерийское управление осенью 1916 г. первоначально разместило заказ на производство автомата-пулемета.

По свидетельству самого конструктора, на Сестрорецком оружейном заводе «немедленно по получении предписания» приступили к составлению рабочих чертежей. Однако события тяжелейшего кризиса - политического, военного, экономического - сделали в 1917 г. невозможной установку нового производства в Сестрорецке.

Одновременно зашел в тупик контракт с Датским оружейным синдикатом, и Главное артиллерийское управление принимает решение, еще не разрывая окончательно отношений с датчанами, перенести производство автоматов Федорова на Ковровский пулеметный завод.

Двадцать лет спустя В.Г. Федоров вспоминал в книге «Оружейное дело на грани двух эпох»: «Я прибыл на завод в самое катастрофическое для него время. При сложнейших обстоятельствах приходилось начинать совершенно новое дело. Весь штат завода в это время составлял всего около 60 человек, то есть, в сущности говоря, несмотря на имевшееся громаднейшее станочное оборудование валовых цехов, это была ничтожная мастерская».

В условиях начинающейся гражданской войны он принял руководство Ковровским пулеметным заводом. В начале 1919 г по предложению рабочих В.Г. Федоров - бывший генерал-майор русской императорской армии - стал директором, прекратив почти двадцатилетнюю службу в ГАУ. Именно в этот период была, наконец, проведена национализация предприятия. 8 июля 1919 г завод был передан в ведение Центрального Правления артиллерийских заводов (ЦПАЗ), а приказом по ЦГТАЗ от 21 июля В.Г. Федоров был назначен главным инженером Ковровского завода - такими довольно сложными формулировками было определено его положение.

Первые после национализации приказы по Ковровско-

*Василий Алексеевич Дегтярев
(2 января 1880 - 1966 гг.)*

Группа рабочих опытной мастерской во главе с В.Г.Федоровым и В.А.Дегтяревым, 1919г.

му пулеметному заводу с 1 августа до конца декабря 1919 г подписаны главным инженером В.Г. Федоровым. Лишь в самом конце декабря он передал административное руководство председателю правления А.М. Бурухи-ну. Разумеется, организовать сложное производство на недостроенном, неукмплектованном оборудовании завода даже таким специалистам как В.Г. Федоров и В.А. Дегтярев было бы невозможно без серьезной поддержки со стороны. Через комиссии из центра,

приезжавшие на завод в эти годы, через обращения в ГАУ, ЦПАЗ и Главное управление военной промышленности В.Г. Федоров обращался за помощью на Тульский и Сестрорецкий оружейный заводы. Помогали и туляки - выполнением отдельных заказов на Ковровском пулеметном заводе. Но документы показывают, что роль Сестрорецка оказалась решающей. Он помог в самые тяжелые годы развёртывания оборонного производства в Коврове. Из Сестрорецка новый завод получал оборудование, инструмент, оттуда приезжали мастера и рабочие высокой квалификации, в первую очередь инструментальщики. Повлияла и ситуация периода гражданской войны, о которой с позиций ковровцев можно было бы сказать: «Не было счастья, да несчастье помогло». Если Тула в эти годы постоянно находилась на территории, контролируемой Советским правительством, а Ижевский завод, наоборот, временно был захвачен противниками новой власти, то Сестрорецкий оружейный завод, оказавшись под угрозой оккупации, был частично эвакуирован. Поэтому тульские рабочие, добросовестно выполняя задания в командировках, не видели смысла переезжать из родного города в Ковров, где дальнейшие перспективы были в ту пору очень неясными.

В то же время десятки рабочих из Сестрорецка в годы гражданской войны приняли предложение высшего руководства и со своими семьями переехали в Ковров. Тем самым они очень серьезно повлияли на формирование кадровой основы завода - а решение этой задачи было одной из самых важных, ведь в Коврове не было оборонного производства, не было своих специалистов и рабочих-оружейников.

Насколько важной была проблема кадров, свидетельствуют документы о том, что в июне 1920 г. правитель дел К.К. Черноевитов (была тогда такая должность в руководстве Ковровского пулеметного завода) был командирован в «Петроград для урегулирования вопроса о рабочих в Сестрорецке». А технический директор (в то время) В.Г. Фёдоров ездил почти две недели «для выбора рабочих в Сестрорецке».

Мастером, а затем старшим мастером образцовой мастерской стал работать Иосиф Викторович Соловьев, приехавший из Сестрорецка одним из первых.

Начиная с 1930-х годов он, занимая разные должности, был одним из ведущих специалистов по организации серийного производства ручных, авиационных и танковых пулеметов системы Дегтярева ДП, ДА и ДТ.

Слесарь-лекальщик Павел Александрович Балакирев прибыл на Ковровский пулеметный завод из Сестрорецка в числе 30 специалистов в 1920 г. Позднее он стал начальником секции измерительных средств, а в 1940 - 1946 гг — начальником цеха № 29 (цех мерительного инструмента) инструментального производства. В 1946 г П.А. Балакирев вернулся в Сестрорецк.

Военный приемщик Ковровского пулетного завода Г.А.Апарин (3-й слева), представители ГАУ - П.П.Третьяков (4-й слева) и В.Г.Федоров (6-й слева) - среди специалистов и администраторов Первого русского акционерного общества ружейных и пулеметных заводов на испытаниях ружей-пулеметов системы Мадсена в Коврове в августе 1917 года.

Старшим мастером инструментального отдела стал П.А. Кондратьев, мастером лекальной мастерской - А.М. Озолин, мастером фрезерной обработки.

В те же годы из Петрограда и Сестрорецка Ковровский завод получал станки, инструмент, другое необходимое производственное оборудование. В условиях разрухи и экономического кризиса трудноразрешимой проблемой могла стать любая, на первый взгляд, мелочь. В июне 1920 г в протоколе побывавшей в Коврове комиссии Главвоенпрома отдельным пунктом было обещано доставить на завод 15 штангенциркулей. Они были получены из Сестрорецка. В июле 1920 г в Коврове приняли 9 вагонов «заводского имущества из Сестрорецкого оружейного завода». В январе 1922 г мастер П.А. Кондратьев был командирован в Сестрорецк «за получением для завода модульных фрезеров».

Когда в 1924 году на Ленинград обрушилось одно из самых сильных за всю историю города наводнений, рабочие и служащие Ковровского пулеметного завода сразу же, 29 сентября, на общем собрании выразили «желание оказать носильную помощь пострадавшему от наводнения пролетариату Ленинграда... путем отработки 6 часов в пользу ленинградских товарищей».

Если говорить о наших дальнейших многолетних деловых контактах, сотрудничестве и взаимопомощи, то отдельного рассмотрения заслуживает период Великой Отечественной войны - от начала производства в Сестрорецке и блокадном Ленинграде пистолетов-пулеметов Дегтярева ППД (сконструированных в Коврове) до помощи в восстановлении предприятий в конце войны.

Дополнительного изучения и более подробного рассказа заслуживают упомянутые здесь династии Соловьевых, Кондратьевых, судьбы отдельных людей. Среди них, например, Сергей Ильич Андреев, который родился в 1905 году, начинал работать на заводе слесарем, стал руководителем заводской комсомольской организации, позднее - секретарем ЦК ВЛКСМ, первым секретарем ЦК ЛКСМ Украины, кавалером ордена Ленина и был репрессирован в 1937 г.

Еще одна незаурядная личность, заслуживающая внимания - главный инженер Ковров-

ского пулеметного завода, затем помощник управляющего (директора завода) по технической части в 1925 - 1929 гг, военный инженер-технолог Е.Н. Дмитревский - тот самый генерал-майор Дмитревский, который в декабре 1916 г в должности помощника начальника Сестрорецкого завода по технической части в своем рапорте дал блестящую оценку работе «мастерового Дегтярева» по отладке и сборке автоматических винтовок Федорова.

Люди и заводы городов Коврова и Сестрорецка были связаны незримо прочным братством российских оружейников.

*ПАВЛЕНКО Василий Валентинович,
руководитель проекта «От викингов до Петра I»,
командир шлюпочных походов, педагог,
судоводитель, член РГО в Санкт-Петербурге*

СЕСТРОРЕЦК — НАШЕ МОРСКОЕ НАЧАЛО

(Первая статья серии «От Разлива до залива. Морские страницы»)

ОТ РАЗЛИВА ДО ЗАЛИВА...

Обычно, возвращаясь из Питера в Сестрорецк, выходя из транспорта, в первый момент всегда с удовольствием вдыхаешь особенный аромат. В нем запахи курортной зоны – свежей травы и деревьев, дюн и воды, близость озера и Финского залива. Влияние неповторимой природы, озера Разлив и морских пляжей неизбежно отражается и на жителях Курортного района Санкт-Петербурга. Поэтому настоящих «сестроречан», несмотря на их жизненные трудности, отличают жизнерадостный взгляд, спокойствие, семейность и патриотизм.

Естественно, что на менталитет большинства жителей Курортного района – не важно, Зеленогорска, Комарово, Солнечного, Белоострова, Сестрорецка или Тарховки – огромную роль оказывает близость к воде. Так, залив моря, река Сестра, Разлив и озера Карельского перешейка незаметно питают жизненной силой каждого из нас, живущих здесь. Иметь возможность чаще других петербуржцев погулять по побережью с семьей или с друзьями, искупаться, половить рыбу, съездить на катере «к Шалашу» или на форты, а также заняться водными видами спорта и путешествий – все это «наша фишка», особенность и достоинство Курортного района.

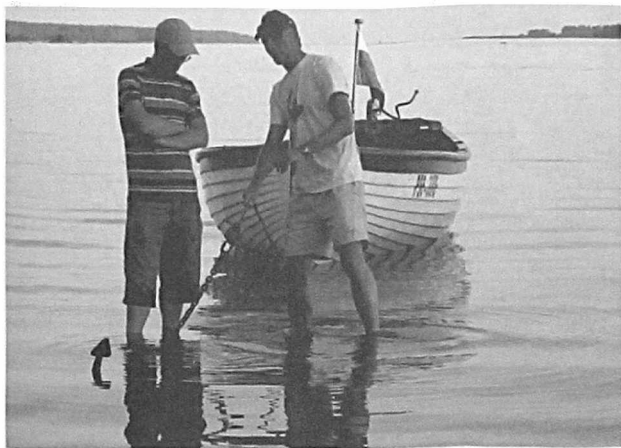

МОРСКОЕ НАСЛЕДИЕ

К счастью, среди нас есть люди, кто стремится не только любоваться, но и освоить водный простор. Порой на озере появляются яхтенные паруса, мелькнут весла ребят из академической гребли, пробежит виндсерфинг, зимой скользят буера; на заливе любители «кайтинга» разворачивают свои парашюты.

Говоря о морской жизни в Сестрорецке, вспоминаешь не только пляжи и приятные катания на базе проката в парке «Дубки». Многие годы Сестрорецк жил полноценной яхтенной жизнью. Благодаря энтузиастам паруса в яхт-клубе Инструментального завода им. Воскобабыли воспитаны поколения высококлассных спортсменов-швертботистов. (Швертбот – это парусная яхта с опускающимся килем-швертом для противодействия дрейфу.) Проводились яркие гонки-регаты, на озеро выходили «М»-ки, «Лучи», «Финны», малые крейсersкие яхты. Особенной популярностью пользовались скоростные швертботы «Летучий голландец», и, особенно приятно, что любители этого класса – педагог Б.К. Семенов с коллегами – поддерживают яхтенные традиции на Разливе. О морском наследии Сестрорецка расскажет предстоящая выставка в зале «Арт-курорт» районной администрации.

ИДЕЯ МОРСКОГО ЦЕНТРА

В настоящее время группа единомышленников и моряков развивает инициативу создания Молодежного морского центра в Сестрорецке. Цели морского центра – популяризация здорового образа жизни, привлечение интереса молодежи и подростков к истории страны, российского флота, развитие личности и профессиональная ориентация, привлечение дополнительного интереса к традициям, возможностям и инициативам Курортного района.

Предполагается, что основой деятельности центра станет секция парусно-гребного спорта и туризма (клуб, верфь или школьный морской класс), где проводятся занятия по теории морского дела, с практикой на озере Разлив и Финском заливе. Планируются следующие направления деятельности: учебно-спортивное, водный туризм, культурно-массовое, историко-краеведческое, судостроительное и коммерческое. Возможные названия центра: «Петровские корабли», «Сестрорецкая морская школа», верфь «Потешные» и другие – принимаем предложения...

ПРОЕКТ «ОТ ВИКИНГОВ ДО ПЕТРА I»

Базовым проектом будущего центра на сегодня является Морская молодежная учебно-спортивная программа «От викингов до Петра I». Проект проводится любителями дальних шлюпочных походов на морских ялах с 1998 года, при поддержке СПбГМТУ, «Проекта «Штандарт», Морского Совета при Правительстве Санкт-Петербурга, ДОСААФ, КМПиВОО, РМОО «Молодежный Морской Совет Санкт-Петербурга», КЮМ «Адмиралтеец», Федерации Морских многоборий и гребно-парусного спорта РФ, ВМФ России и других организаций.

Название и маршруты походов нашего проекта связаны с интересом к путешествиям викингов – скандинавских воинов-мореплавателей, к водным торговым путям варягов-русов «Из варяг в греки», «Из варяг в арабы», оказавших значительное влияние на историю древнерусского государства. Участие в строительстве копии петровского фрегата «Штандарт», знакомство с местами событий эпохи Петра I – все это постепенно укрепляло интерес участников походов к отечественной морской истории. Так возникло название новой морской молодежной программы «От Викингов до Петра I». Позднее интересы «Викингов» охватили также историю Великой Отечественной войны, фортов на Балтике и другие события.

Автор проекта «От викингов до Петра I» и командир шлюпочных походов 1998-2015гг. – автор данной статьи, – Василий Валентинович Павленко, судоводитель, педагог дополнительного образования, инструктор молодежного туризма.

ШЛЮПОЧНЫЕ ПОХОДЫ

Каждое лето наша команда «Викинги» проводит походы на морских парусно-гребных шлюпках по историческим маршрутам. Более 6000 миль по 25 областям России пройдено на веслах и под парусом. Участники походов также побывали в Финляндии, Эстонии, Украине, Белоруссии. Юноши и девушки освоили интереснейшие водные дороги: по Финскому заливу, по озерам – Ладожскому и Онежскому, Псковскому и Чудскому, Ильмень, Селигер и Выгозеро, по Белому и Черному морю, по Беломоро-Балтийскому и ладожским каналам, по рекам Свирь, Волхов, Нева, Вуокса, Ловать, Нарва, Россонь, Луга, а также Москва-река, Ока и Волга. С 2010 года команда осваивает исторический водный путь от верхней Волги до Каспийского моря.

В июле 2015 года молодежь проекта участвовала в шлюпочном походе по Финскому заливу, по маршруту Санкт-Петербург – Приморск – Выборг – Сестрорецк.

Поход был посвящен 70-летию Победы и состоял из 4-х смен-этапов. Ребята увидели форты Кронштадта, Березовые острова, северные шхеры Финского залива, места боев, военные укрепления и достопримечательности.

Участники похода совершали водные переходы на веслах и под парусом до 40 километров в день. Приготовление пищи и ночлег происходят на берегу в палаточном лагере. Днем участники похода питаются на шлюпках (полдни, горячий обед по возможности). Охрану лагеря и хозяйственные работы выполняют дежурные.

Команда «Викинги» организована как спортивно-туристическое общественное объединение. Ребята получают начальные теоретические знания, участвуют в парусно-гребных тренировках и соревнованиях, подготовке похода и ремонте шлюпок. Необходимые условия участия – обязательность, дисциплина, заинтересованность членов команды, распределение ответственности. Важными объединяющими элементами участников программы «От Викингов до Петра I» являются: увлечение греблей и парусом, разностороннее, неформальное общение и доброжелательные отношения внутри команды.

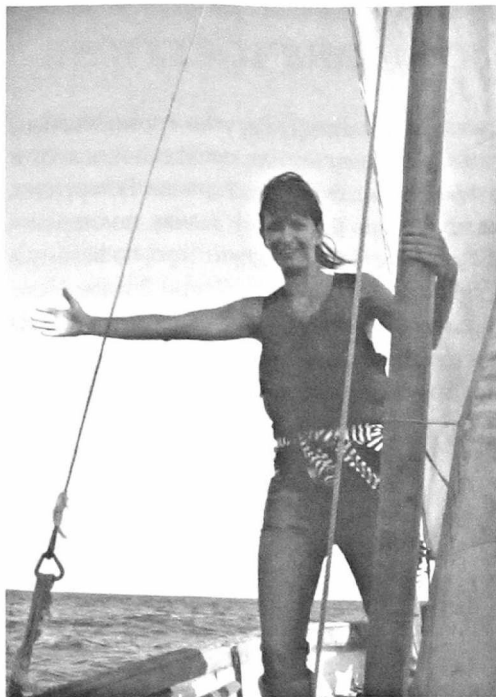
Организаторы проекта уверены, что морская практика, участие в водных походах – один из лучших способов оздоровления и отдыха. Они воспитывают у молодых людей лучшие человеческие качества, сопричастность родной истории и современности, помогают им в решении социально-бытовых и психологических проблем.

ЖДЕМ ПОДДЕРЖКИ И НОВЫХ УЧАСТНИКОВ!

Идея развития морского воспитания молодежи находит отклик в администрации района, спортивных и культурно-досуговых организациях. Ясно, что предстоит новое, большое и хлопотливое дело. Но организаторы обладают достаточным опытом, методической подготовкой, морскими парусно-гребными шлюпками и необходимым оборудованием.

Безопасность плаваний обеспечивается квалификацией организаторов, проведением инструктажей и соблюдением норм техники безопасности, подготовкой и укомплектованностью экипажей и судов, наличием средств навигации и

связи, аварийно-спасательного имущества, судовых аптечек, поддержанием связи с местными водными службами. Возможно привлечение местных моторных судов для обеспечения мероприятий. Несовершеннолетние участники допускаются на воду только с письменного разрешения родителей.

В 2015 году организаторы проекта договорились о размещении морского яла в яхт-клубе на Угольном полуострове, о стоянке возле музея «Сарай Емельянова». Мы провели в Сестрорецке первые практические занятия по гребле и парусу с молодежью района, участвовали в празднике Разлива. Для морских выходов на озеро и в Финский залив в Сестрорецке в нашем распоряжении есть два морских яла.

Кроме проведения учебной морской практики и туризма, организаторы проекта могут предоставлять свои маломерные суда для спортивных и праздничных мероприятий (на День города Сестрорецка, День молодежи России, День ВМФ и другие).

Однако в Сестрорецке пока еще мало знают о наших начинаниях. Мы заинтересованы в распространении информации о них и привлечении молодежи Курортного района. Мы ищем заинтересованных партнеров и новых участников!

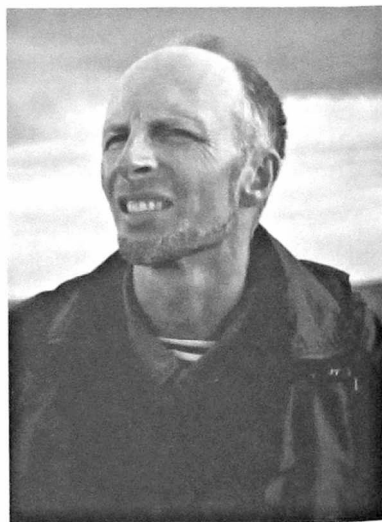
ПОЧУВСТВОВАТЬ СЕБЯ МОРЯКОМ

К участию в проекте и шлюпочных походах «От викингов до Петра I» приглашаются молодые люди и девушки Санкт-Петербурга, из других регионов России и из-за рубежа, в основном из молодежи, студентов и старших школьников. Желательно владеть навыками туризма, уметь плавать, интересоваться морским делом.

Наша петербургская навигация – сезон для плаваний – продолжается с мая до середины октября. В это время в Сестрорецке и Санкт-Петербурге мы проводим гребные и парусные тренировки, шлюпочные гонки, походы на выходные дни, инструктаж по ТБ и учебный курс.

Если хотите почувствовать себя моряком, окунуться в романтику плавания и природы, испытать себя на веслах и под парусом, встретить новых друзей, прикоснуться к морской и военной истории России – присоединяйтесь к нашей команде!

Не бойтесь моря, откройте для себя новые возможности! Почувствуйте вкус морской жизни и не жалейте своих сил!

Наша группа «Викинги» в контакте:
<http://vk.com/club52611>.

*ПЕТУХОВ Иван Павлович,
научный сотрудник СПб ГБУК «ИКМК в Разливе»,
РУКОМОЙНИКОВА Елена Геннадьевна,
кандидат философских наук,
старший научный сотрудник СПб ГБУК «ИКМК в Разливе»*

90 ЛЕТ ИСТОРИИ МУЗЕЯ «САРАЙ Н.А.ЕМЕЛЬЯНОВА»

В 2015 г музей «Сарай Н.А. Емельянова» отметил своё 90-летие. С 6 апреля и до конца года работает также общедоступная выставка «Виды музея Сарай», прослеживающая изменение внешнего вида музея с момента его создания до наших дней. Выставка призвана популяризировать музей: она располагается на музейной территории, с внешней стороны ограды, и видна всем, кто проходит по улице Емельянова. 1 августа была открыта новая постоянная экспозиция, подробно рассказывающая о семье Емельяновых, о прошедшем здесь последнем подполье В.И. Ленина и об истории музея. На ней впервые были обнародованы некоторые данные биографии Николая Александровича Емельянова, в 1917 году укрывавшего В.И. Ленина в Разливе. Также впервые публике были представлены важные документы по истории «Сарая» как музейного объекта, найденные сотрудниками музея в фондах Центрального государственного архива историко-политических документов Санкт-Петербурга (бывший Ленинградский партийный архив), где хранятся дела Ленинградского филиала

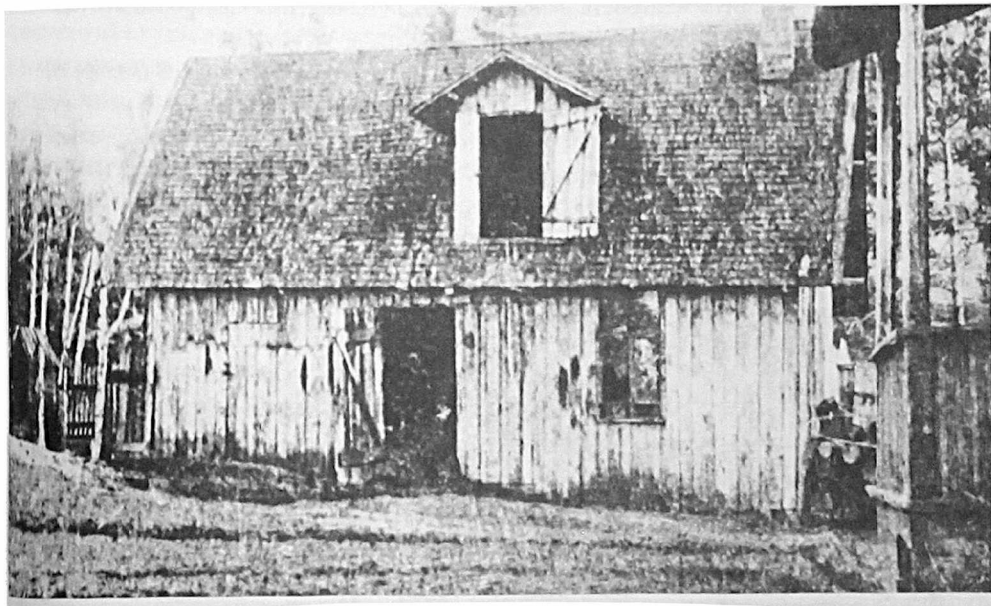

Рис. 1

*Вид на сарай Н.А. Емельянова, 1920-е гг., до организации музея
Фотография из архива СПб ГБУК «Историко-культурный музейный комплекс в Разливе»*

Центрального музея В.И. Ленина, которому долгое время был подведомственен «Сарай».

После смерти В.И. Ленина было решено увековечить места его последнего подполья. Сарай рабочего Сестрорецкого оружейного завода Николая Александровича Емельянова [Рис. 1] стал музеем в 1925 году, когда началось его посещение как историко-революционного памятника. В 1925–1936 гг «Сарай» находился в ведении Сестрорецкого городского совета депутатов, но фактически вместе с участком принадлежал семье Емельяновых. На указателе по пути к музею было написано: «Дорога к сараю Емельяновых». Семья Емелья-

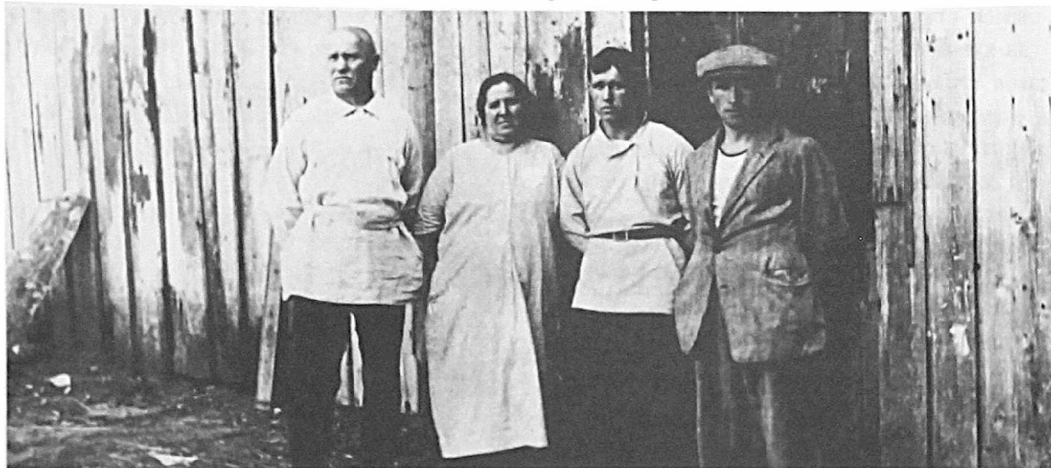

Рис. 2.

Семья Емельяновых. Николай Александрович, Надежда Кондратьевна, сыновья, 1927 г. Фотография из архива Историко-культурного музейного комплекса в Разливе

новых выполняла все работы по созданию музея и обеспечению его деятельности [Рис. 2].

В 1935 г комиссия Государственного музея Революции обнаружила в экспозиции «Сарая» портреты Троцкого и Зиновьева. После обследования, портреты «врагов народа» были убраны, а перед Ленинградским Советом был поставлен вопрос об изъятии «Сарая» от Емельяновых. В декабре 1936 г Президиум Ленсовета передал «Сарай» из ведения Сестрорецкого горсовета в ведение Государственного музея Революции.

В ведении этого учреждения «Сарай» находился два с половиной года. В октябре 1938 года было проведение обследование «Сарая» бригадой уполномоченного по охране памятников при Леноблисполкоме, в результате которого был выявлен целый ряд упущений и нарушений принципов работы музея. По итогам обследования состоялось совещание, которое поставило вопрос о передаче «Сарая» (и «Шалаша») в ведение Центрального музея В.И. Ленина, а Ленинградскому филиалу последнего в смете на 1939 год предложило предусмотреть все необходимые улучшения в обоих музеях. У сарая должны были восстановить забор. Тогда же впервые был поставлен вопрос о сооружении защитного купола над сараем [Рис. 3; Рис. 4].

Руководство Ленинградского филиала Центрального музея В.И. Ленина ходатайствовало о выделении ему необходимых средств на работы по сохранению, оборудованию и обслуживанию памятника «Сарай» в 1939 году. В объяснительной записке высказывались опасения по поводу состояния сарая: «Гниение нижней части сарая приняло угрожающие размеры. Отсутствие даже элементарных противопожарных средств грозит в любой момент уничтожению сарая, тем более что у боковой стены сарая находится склад дров и мусора, сваливаемого жителями соседнего дома. Охрана сарая музеем Революции поставлена совершенно неудовлетворительно. Сторож сарая живет в другом конце поселка и в его функции входит только показ сарая по требованию посетителей, которые сами вынуждены разыскивать его в поселке, руководствуясь адресом, вывешенном на дверях сарая. Сарай находится в таких условиях без всякой охраны». Музей В.И.

*Рис. 3.
Вид с улицы
на музей
Н.А.Емельянова.
Фото для газеты
«Сестрорецкий
рабочий»
1930-е гг.
Фотография
из архива
СПб ГБУК
«Историко-
культурный
музейный
комплекс
в Разливе»*

Ленина считал неотложным делом решить все эти проблемы в короткие сроки.

8 июня 1939 года Президиум Ленинградского Совета постановил передать «Сарай» в числе других памятных ленинских мест (Шалаш, комната Ленина в Смольном) в ведение Ленинградского филиала Центрального музея В.И. Ленина. Дирекции музея было поручено произвести все необходимые работы по ремонту и оборудованию указанных выше исторических мест, превратив их в филиалы музея.

К сожалению, выполнить запланированные работы не удалось ни в 1939 г, ни в 1940 г. Возможно, их проведению помешала Советско-финляндская война. Во время Великой Отечественной войны, с 1941 по 1944 годы, «Сарай» был закрыт для посещения. Из отчёта о деятельности Ленинградского филиала Центрального музея В.И. Ленина за период с июня 1941 по август 1944 года, известно, что «на ст. Разлив у памятника «САРАЙ» В.И. Ленина по просьбе дирекции Музея было разрешено оставить сторожа, несмотря на полную эвакуацию всего населения из данной местности». В 1944 году во всех ленинских местах Ленинграда и окрестностей началась работа по приведению их в надлежащий порядок. «Однако «САРАЙ» В. И. Ленина требует большого внимания со стороны дирекции Музея и Городского Комитета партии, – отмечалось в том же отчёте, – Эта постройка дощатая: доски и крыша гниют, что грозит гибелью историческому памятнику. Теперь, когда немецко-фашистские мерзавцы отогнаны от этих мест, необходимо построить футляр для его сохранения». Ремонтные работы в «Сарае» начались летом 1944 года. В мае 1946-

*Рис. 4.
Вид с озера
на музей «Сарай»
Н.А. Емельянова»
1930-е гг.
Фотография
из архива СПб
ГБУК
«Историко-
культурный
музейный
комплекс
в Разливе»*

*Рис. 5.
Юрченко В.С.
Сарай,
где скрывался
В.И. Ленин
в июле 1917 г.
1949 г.
Бумага,
офорт
Из коллекции
СПб ГБУК
«Историко-
культурный
музейный
комплекс
в Разливе»*

*Рис. 6.
Н.А.Емельянов среди пионеров у исторического Са-
рая, в котором несколько дней скрывался В.И. Ленин
от преследования буржуазии в июле 1917 г.
Вторая половина 1950-х гг.
Фотография из коллекции СПб ГБУК
«Историко-культурный музейный комплекс
в Разливе»*

го экспозиция была восстановлена.

После войны вновь встал вопрос о защитном сооружении над сараем. В 1945–1947 гг. предпринимались меры к его созданию, органами власти принимались соответствующие решения, даже был одобрен проект А.И. Гегелло. Именно этот архитектор в 1920-е гг. спроектировал мемориальный комплекс «Шалаш», возведённый на другом берегу озера Сестрорецкий Разлив. Но проект защитного сооружения над сараем, подготовленный Гегелло, тоже не был реализован.

После перечисленных выше заминок в музейном руководстве возобладали подходы проведения частичных, но быстро реализуемых улучшений. В 1949 году в «Сарай» было проведено электроосвещение. В 1952–1953 годах были проведены реставрационные работы, в ходе которых сарай был полностью разобран и антисептирован, под него был подведён цементный фундамент, потолок укреплен новыми досками, частично заменена дражка [Рис. 5]. В 1955 году был проведён капитальный ремонт служебного дома, куда была перенесена документальная экспозиция. 22 апреля 1956 года на торцевой стене сарая была установлена мемориальная доска с надписью: «Здесь на чердаке сарая, скрываясь от преследования контрреволюционного Временного правительства, с 10 (23) июля 1917 года несколько

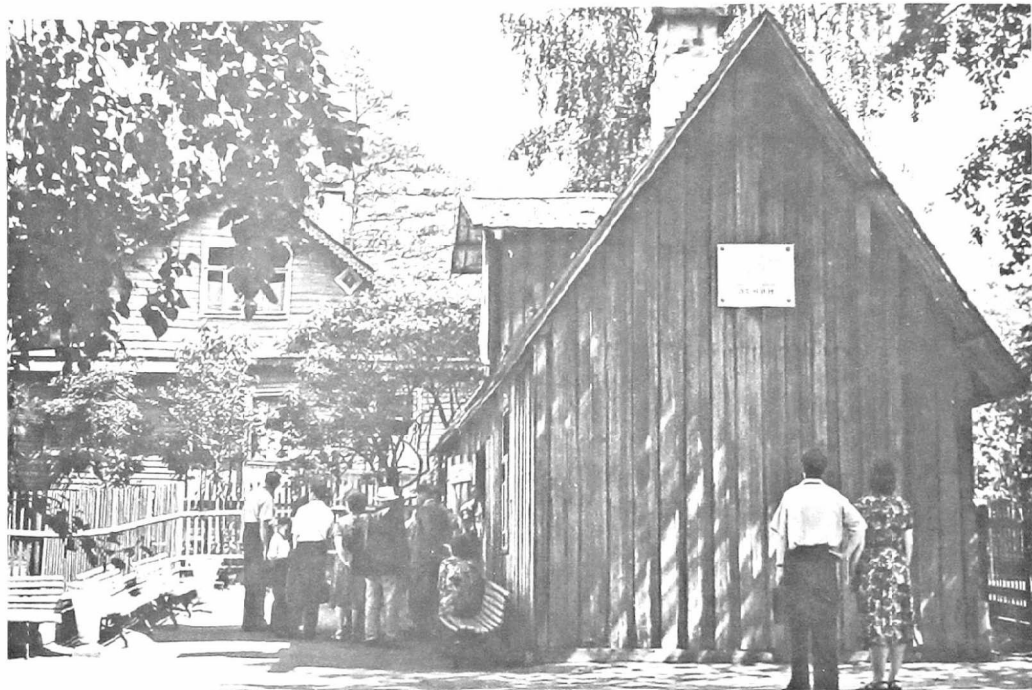

Рис. 7.
Сарай в Разливе, на чердаке которого скрывался В.И. Ленин в шале 1917 г.
1958 г.

Открытка из коллекции Историко-культурного музейного комплекса в Разливе
Фото Р. Мазелева

дней жил и работал Владимир Ильич Ленин».

Экспозиция музея в те годы включала в себя офорты, фото сарая и других исторических мест, связанных с В.И. Лениным и ходом революции 1917 года, фото революционных деятелей, копии статей Ленина, написанных в Разливе. Во второй половине 1950-х годов в музей поступали справки о реабилитации членов семьи Емельяновых, пострадавших во время

Рис. 8.
Группа экскурсантов на фоне музея «Сарай Н.А. Емельянова»
1950-1960-е гг.

Фотография из архива СПб ГБУК «Историко-культурный музейный комплекс в Разливе»

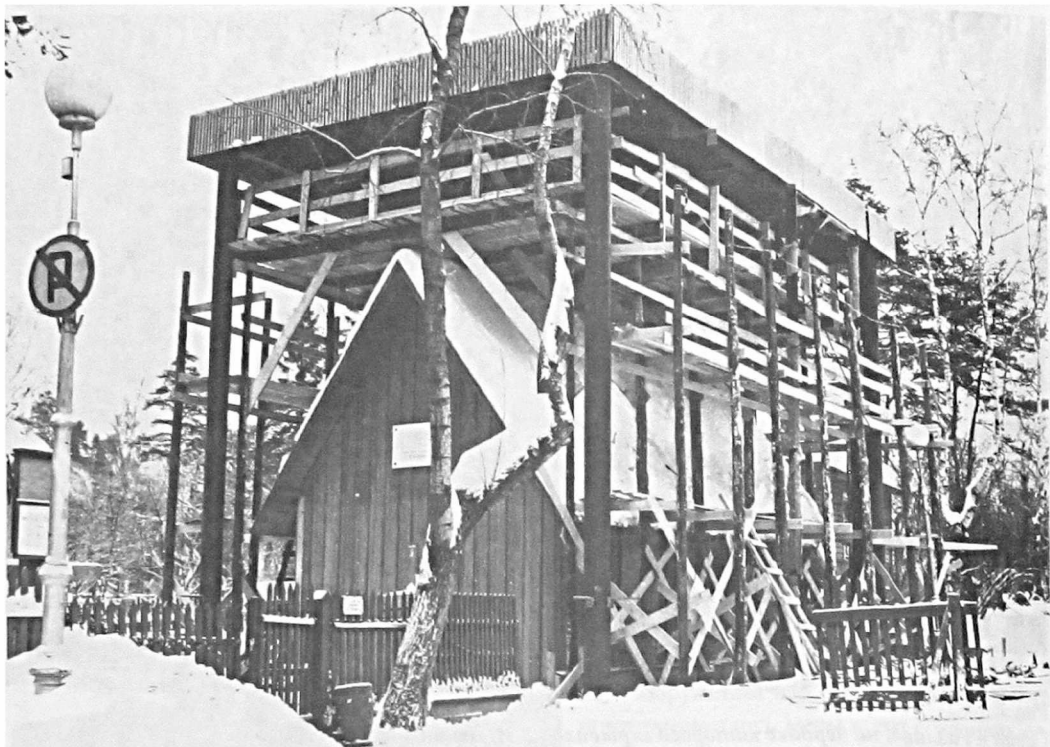

Рис. 9.

*Строительство стеклянного павильона над музеем Сарая Н.А.Емельянова в честь 100-летия со дня рождения В.И. Ленина
Зима 1969–1970 гг.*

Фотография из архива СПб ГБУК «Историко-культурный музейный комплекс в Разливе»

репрессий 1930-х гг. [Рис. 6; Рис. 7; Рис. 8]

В 1956 году с помощью Николая Александровича и Надежды Кондратьевны Емельяновых сотрудники Ленинградского филиала Центрального музея В. И. Ленина восстановили бытовую обстановку, которая была на кухне и в комнате сарая летом 1917 г. По словам Емельяновых, из подлинных вещей в сарае сохранились лестница, по которой Ленин поднялся на чердак, плита, большой латунный чайник, четыре венских стула, самовар с подносом и фотографии Николая Александровича и Надежды Кондратьевны. Остальные вещи, похожие на те, что находились в сарае в 1917 году, были переданы музею Н. К. Емельяновой или приобретены музеем по предоставленным описаниям в 1960–1970-е гг. Также был подобран рисунок и цвет обоев. В 1963 году сарай был покрыт огнестойкой краской цвета охры, которой он был окрашен в 1917 г. 18 августа 1969 года старший сын Емельяновых, Александр Николаевич, подписал справку о подлинности сарая.

Вопрос о специальном сооружении над сараем был решён в рамках подготовки к 100-летию со дня рождения В.И. Ленина. В 1968 году был утверждён проект защитного павильона, разработанный архитектором Р.С. Плетневой. Строительные работы выполнялись Главленинградстроем. Ленинградский филиал Центрального музея В.И. Ленина осуществлял научную консультацию и контроль. Перед возведением защитного стеклянного купола Ленпроектом в 1969–1970 гг. были проведены архитектурные обмеры «Сарая». Кроме того, в 1969 году были проведены большие реставрационные работы: удалены деревянные детали, поражённые гниением; несколько подрезана наружная обшивка с южной и восточной стороны у земли, поражённая грибом; заменён

Рис. 10.
Современный вид на Сарай Н.А. Емельянова и административное здание музея
Фотография 2011 г. из архива СПб ГБУК
«Историко-культурный музейный комплекс
в Разливе»
Фото Н.С. Коваленко

пол в нижнем помещении сарая; антисептирована вся древесина; всё строение было приподнято над фундаментом, для свободной вентиляции подполья сделаны продухи. Был заключен договор с Лесотехнической Академией имени С.М. Кирова о научном наблюдении за состоянием древесины. К 100-летию со дня рождения В.И. Ленина, которое отмечалось 22 апреля 1970 года, строительные работы по музею «Сарай» в Разливе были выполнены [Рис. 9]. 10 августа 1970 г. Исполком Ленгорсовета депутатов трудящихся принял решение «Об охранной зоне и зоне регулирования застройки в посёлке Разлив» около «Сарая». В 1970–1980-е годы музей ежегодно посещало более 300 тысяч человек.

В 1991 г. в связи с прекращением финансирования Ленинградского филиала Центрального музея В.И. Ленина музеи «Сарай» и «Шалаш» были переданы на баланс отделу культуры администрации Сестрорецкого района. В ноябре–декабре 1991 года была создана комиссия и проведены работы по передаче двух музеев с их зданиями, сооружениями, экспозициями,

музейными ценностями, хозяйственным инвентарем и технической документацией заведующему «Мемориальным Ленинским комплексом в Разливе». 30 марта 1992 года отделом культуры районной администрации было утверждено «Положение о краеведческом музее Сестрорецкого района г. Санкт-Петербурга».

В 1997 г. «Сарай» был исключён из числа памятников истории и культуры федерального (общероссийского) и местного значения. 5 июля 1999 года Законом Санкт-Петербурга № 174-27 «Об объявлении охраняемыми памятниками истории и культуры местного значения» «Сарай рабочего-большевика Емельянова Н.А., где в июле 1917 г. Ленин Владимир Ильич скрывался от Временного правительства» вошёл в государственный список недвижимых памятников истории регионального значения.

Долгое время музей назывался Краеведческим музеем Курортного района («Шалаш» и «Сарай» В.И. Ленина в Разливе). В 1990-е годы судьба «Сарая», как и «Шалаша», оказалась под вопросом. Удавалось лишь сохранить музеи, но в тех тяжелейших условиях невозможно было развивать работу. В ответ на письмо Совета ветеранов войны, труда, вооружённых сил и правоохранительных органов Курортного района Санкт-Петербурга с требованием обеспечить достойное финансирование музеев «Сарай» и «Шалаш», администрация Курортного района 17 июня 1997 г. прямо сообщала, что «возможности местного финансирования позволяют лишь не дать погибнуть музею как таковому», «местная администрация имеет минимальные возможности для финансирования заработной платы штатных сотрудников и коммунальных затрат».

Окончательно судьба музеев «Сарай» и «Шалаш» определилась в 2005 году, когда губернатором Санкт-Петербурга был подписан указ о сохранении памятников. Так возникло Санкт-Петербургское государственное бюджетное учреждение культуры «Историко-культурный музейный комплекс в Разливе».

За последнее десятилетие проведена масштабная работа по восстановлению музейного комплекса, включая замену инженерных систем и благоустройство территории. В 2009 году была осуществлена реставрация стеклянного купола музея «Сарай» с созданием естественной вентиляции крыши, в 2015-м, к 90-летию, был отреставрирован «Сарай» с противопожарной, антисептической обработкой и покраской фасадов здания [Рис. 10].

*ПОДОЙНИКОВ Станислав Иванович,
кандидат технических наук, старший научный сотрудник*

ПАМЯТНИКИ КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКОГО НАСЛЕДИЯ, НАХОДЯЩИЕСЯ ПОД ОХРАНОЙ ГОСУДАРСТВА И ИХ СОСТОЯНИЕ НА ТЕРРИТОРИИ МУНИЦИПАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ ГОРОД СЕСТРОРЕЦК

Объекты культурно-исторического наследия — это духовный, культурный, экономический и социальный капитал невозместимой ценности, который питает современную науку, образование, культуру, являясь гордостью, национальным самоуважением, признанием мировым сообществом, проявляющимся в обмене туристическими потоками граждан. Современная цивилизация, понимая высочайший потенциал культурного наследия, стремится к его сбережению и эффективному использованию, как одного из важнейших ресурсов мировой экономики. Утраты культурных ценностей невозполнимы и необратимы.

А. Составитель на основе перечня памятников культурно-исторического наследия, установленного Законом Санкт-Петербурга от 25.06.2014 № 417-65 «О внесении дополнений и изменений в Закон Санкт-Петербурга «О границах зон охраны объектов культурного наследия на территории Санкт-Петербурга и режимах использования земель в границах указанных зон и о внесении изменений в Закон Санкт-Петербурга «О Генеральном плане Санкт-Петербурга и границах зон охраны объектов культурного наследия на территории Санкт-Петербурга», попытался дать анализ состояния только памятников охраняемых государством, на территории лишь одного муниципального образования в Курортном районе Санкт-Петербурга. Всего по 30 адресам 64 объекта охраны.

1. Парк «Дубки»: г. Сестрорецк, Дубковское шоссе, 59. Федеральный уровень охраны с 25.08.1975. Под эгидой ЮНЕСКО. С этого места Пётр Великий начинал обживать с 1714 года место, ставшее в дальнейшем городом Сестрорецком. В состав охраны входят:

1.1. Гидротехнические сооружения Голландского сада, по которым есть несколько проектов восстановления.

1.2. Голландский сад, планируется восстановление по готовому проекту.

1.3. Вал оборонительный, состояние удовлетворительное, местами размыт штормами.

1.4. Парк в удовлетворительном, ухоженном, постоянно благоустраиваемом состоянии.

2. Завод оружейный Сестрорецкий (1721-2015): г. Сестрорецк, Воскова ул., д. 2. Федеральный уровень охраны. Под эгидой ЮНЕСКО. Здесь Петром Великим закладывалась промышленная, высокотехнологичная, оружейная база России.

2.1. Цех Газовый (производство газа для уличного освещения). Региональный уровень

охраны с 05.12.1988. Цех отсутствует.

2.2. Цех Тарный. Региональный уровень охраны с 05.12.1988 (снесён).

2.3. Литейная большая. Федеральный уровень охраны с 30.08.1960. Здание разобрано, включая дымовую трубу.

2.4. Цех № 12 (литера И). Региональный уровень охраны с 05.12.1988. На реконструкции.

2.5. Цех № 2, 11, 13 (литера З). Региональный уровень охраны с 05.12.1988.

2.6. Цех № 14 (литера Л). Региональный уровень охраны с 05.12.1988. На реконструкции.

2.7. Цех чеканки Цех № 14. Региональный уровень охраны с 05.12.1988. На реконструкции.

2.8. Склад Корпус № 14. Федеральный уровень охраны с 05.12.1988. В удовлетворительном состоянии.

2.9. Цех № 18 (литера Ц). Региональный уровень охраны с 05.12.1988, на территории технопарка.

2.10. Цех № 19 (литера БА). Региональный уровень охраны с 05.12.1988, на территории технопарка.

2.11. Цех № 21, 9, 17. Региональный уровень охраны с 05.12.1988, на территории технопарка.

2.12. Цех № 8 (литера ББ). Региональный уровень охраны с 05.12.1988. В удовлетворительном состоянии, на реконструкции.

2.13. Цех № 7 с пристройкой. Цех метчиков. Региональный уровень охраны с 05.12.1988. От здания осталась небольшая, но сохраняемая часть стены.

2.14. Дом командира завода (Воскова ул., д. 4, литера А). Федеральный уровень охраны с 30.06.1960. Здание капитально отремонтировано, эксплуатируется как офисный и торговый центр, состояние хорошее.

2.15. Сад у дома командира завода (4,2 га), г. Сестрорецк, Воскова ул., д. 2. Федеральный уровень охраны с 30.06.1960. Территория сада превращена в свалку строительного мусора. Огороженные строительным забором с 2008 года 0,5 га вокруг памятника С.И. Мосину, дома командира завода и памятника «Пушки», используются как сквер общего пользования.

2.16. Гидроэлектростанция с двумя разобранными турбинами. Региональный уровень охраны с 05.12.1988. На реконструкции.

2.17. Здание для стрельбищ (литера АБ). Региональный уровень охраны с 05.12.1988. На реконструкции.

2.18. Заводоуправление (литера А). Региональный уровень охраны с 05.12.1988. На реконструкции.

2.19. Соляной канал. Г. Сестрорецк, Воскова ул., 2. Региональный уровень охраны с 05.12.1988, канал засыпан.

2.20. Кордегардия. Федеральный уровень охраны с 30.06.1960. На реконструкции.

2.21. Система подземных водопроводящих каналов. Региональный уровень охраны с 05.12.1988. Каналы засыпаны.

2.22. Металлические столбы вдоль Соляного канала. Региональный уровень охраны с 05.12.1988. Столбы утрачены.

2.23. Цех № 6. Региональный уровень охраны с 05.12.1988. В удовлетворительном состоянии, на территории технопарка, работает.

3. Могила Мосина С.И. (1849-1902), конструктора оружия: г. Сестрорецк, Володарского ул., 64, городское кладбище. Федеральный уровень охраны с 29.06.1957. В хорошем состоянии.

4. Усадьба Авенариуса П.А.: г. Сестрорецк (Тарховка), Федотовская дорожка, 42. Федеральный статус охраны с 05.12.1988. Не эксплуатируется.

Данный и нижеследующие памятники относятся к периоду дачного освоения террито-

рии Сестрорецка в начале XX века.

4.1. Особняк (литера О): здание в аварийном состоянии.

4.2. Парк: состояние удовлетворительное.

4.3. Скульптура. Утрачена

4.4. Скульптура. Утрачена

4.5. Скульптура. Ленин у шалаша, гипс, нуждается в реставрации.

4.6. Скульптура. Балерина, гипс, нуждается в реставрации.

4.7. Фонтан не работает, внешний вид удовлетворительный.

5. Беседка г. Сестрорецка: Андреева ул. (Курорт, железнодорожная станция). Региональный уровень охраны с 05.12.1988. Аварийное законсервированное состояние. Есть точная копия беседки по адресу ул. Токарева д.1.

6. Дача Важевской Е.Ф.: город Сестрорецк, улица Андреева, дом 12, литера А (Курорт, железнодорожная станция Санкт-Петербург). Региональный уровень охраны с 05.12.1988, после пожара в 2008 году разрушается. В 2014 году территория эксплуатировалась строениями соседнего здания.

7. Дача Кривдиной: г. Сестрорецк, Григорьева ул., 16/8 (Санкт-Петербург, город Сестрорецк, Садовая улица, дом 8/16, литера А). Аварийное состояние. Федеральный уровень охраны с 20.02.1995.

8. Дача, особняк (Санкт-Петербург, город Сестрорецк, улица Григорьева, дом 4). Региональный уровень охраны с 05.12.1988. В 2012 году здание разобрано.

9. Дача Косяковой Л.И. (Санкт-Петербург, город Сестрорецк, Ермоловский проспект, дом 9, литера Б или Григорьева ул., 5, корп. 8 пансионата «Сестрорецк»). Федеральный уровень охраны с 20.02.1995. Состояние удовлетворительное.

10. Дача Прокофьевой А.М. г. Сестрорецк, Григорьева ул., 7, корп. 7. Региональный уровень охраны с 05.12.1988. Утрачена в 1989 году. Сведения об исторической ценности отсутствуют.

11. Особняк Правдзика Б.К. (Санкт-Петербург, город Сестрорецк, Ермоловский проспект, дом 9, литера А). Федеральный уровень охраны с 05.12.1988. Состояние удовлетворительное.

12. Дача Клячко Л.М. (Санкт-Петербург, город Сестрорецк, Лесная улица, дом 7, литера А). Федеральный уровень охраны с 05.12.1988. Здание с 2000 года на реставрации. Не эксплуатируется.

13. Дача Гольденова Я.М. (Санкт-Петербург, город Сестрорецк, улица Максима Горького, дом 20, литера А). Региональный уровень охраны с 05.12.1988. Новодел, близкий к оригиналу, с 2014 года в стадии завершения строительства.

14. Дача Дворжецкого С.И. – Собинова Л.В. (Санкт-Петербург, город Сестрорецк, Оранжевая улица, дом 3, литера А). Региональный уровень охраны с 05.12.1988. Удовлетворительное состояние. Нуждается в реставрации, частная собственность.

15. Шалаш. Место, где в июле-августе 1917 г. Ленин В.И. скрывался от Временного правительства. г. Сестрорецк (Тарховка), юго-восточный берег озера Сестрорецкий Разлив. Дорога к Шалашу Ленина. Федеральный уровень охраны с 29.06.1957, состояние хорошее. Сестрорецкий Разлив находится под эгидой ЮНЕСКО. Объект из истории «Ленинианы» 1917 года.

16. Сарай рабочего-большевика Емельянова Н.А. (Санкт-Петербург, город Сестрорецк, улица Емельянова, дом 3, литера Ж), где в июле 1917 г. Ленин В.И. скрывался от Временного правительства. Региональный уровень охраны с 29.06.1957. Состояние хорошее.

17. Могила Емельянова Н.А. (1871-1958), революционера г. Сестрорецк, Володарского ул., 64, городское кладбище. Федеральный уровень охраны с 03.09.1974. В удовлетворительном состоянии.

18. Могила Коробицына Андрея Ивановича (1904-1927), героя-пограничника: г. Сестрорецк, городское кладбище, участок 3, ул. Володарского, 64. Региональный уровень охраны с 03.05.1976. В удовлетворительном состоянии.

19. Могила Булавского Виктора Константиновича (1917-1939), Героя Советского Союза: г. Сестрорецк, Приморское шоссе 37 км. Воинское кладбище. Региональный уровень охраны с 03.05.1976. В хорошем состоянии.

20. Могила Салова Александра Михайловича (1917-1940гг.), Героя Советского Союза: г. Сестрорецк, ул. Володарского, 64, городское кладбище, участок 3. Региональный уровень охраны с 03.05.1976. В неудовлетворительном состоянии, нуждается в реставрации.

21. Братская могила летчиков, погибших в советско-финляндскую войну 1939-1940: Героев Советского Союза Аккуратова Ф.Я. (1915-1940), Койнаша В.В. (1911-1940), Корнилова Б.А. (1915-1940) г. Сестрорецк, ул. Володарского, 64, городское кладбище, участок 3. Региональный уровень охраны с 03.05.1976. В неудовлетворительном состоянии, нуждается в реставрации.

22. Братское кладбище советских воинов, погибших в Великую Отечественную войну. г. Сестрорецк, Приморское шоссе 37 км. Воинское кладбище-мемориал. Региональный уровень охраны с 03.05.1976, состояние хорошее.

23. Братская могила советских воинов, погибших в Великую Отечественную войну 1941-1944 гг. (Санкт-Петербург, г. Сестрорецк, ул. Володарского, 64, городское кладбище у главного входа). Региональный уровень охраны с 03.05.1976. Состояние хорошее.

24. Четыре братских захоронения воинов Советской Армии, погибших в годы Великой Отечественной войны 1941-1945 гг. г. Сестрорецк, Горское кладбище, Большая Горская ул., 82. Региональный уровень охраны с 03.05.1976.

24.1. г. Сестрорецк, Горское кладбище, у входа. Братское захоронение воинов Советской Армии, погибших в годы Великой Отечественной войны в которой похоронены: сержант Филиппович Л. С. (1923-1943), капитан Купчин К. М. (1918-1944).

24.2. г. Сестрорецк, Горское кладбище, у центральной площадки Братское захоронение воинов Советской Армии, погибших в годы Великой Отечественной войны 1941-1945 гг.

24.3. г. Сестрорецк, Горское кладбище, у центральной площадки Братское захоронение воинов Советской Армии, погибших в годы Великой Отечественной войны 1941-1945 гг.

24.4. г. Сестрорецк, Горское кладбище, центральная площадка.

25. Мемориал «Сестра» (Санкт-Петербург, г. Сестрорецк, Приморское шоссе, 38-й км) в память обороны города в 1941-1944 гг. - «Зеленый пояс Славы Ленинграда». Федеральный уровень охраны с 04.12.1974. Состояние хорошее.

26. Дача Зоценко М.М., на которой жил писатель 1946-1958гг (Санкт-Петербург, город Сестрорецк, Полевая улица, дом 14а). Региональный уровень охраны с 05.12.1988. Новодел, мало напоминающий подлинник, есть макет здания. Частная собственность.

27. Могила Зоценко М.М. (1894-1958), писателя: г. Сестрорецк, Володарского ул., 64, городское кладбище. Федеральный уровень охраны с 04.12.1974. В хорошем состоянии.

28. Средний парк: г. Сестрорецк, Ботаническая ул., Садовая ул. Региональный уровень охраны с 01.12.2010. Включён в список зелёных насаждений общего пользования.

29. Верхний парк: г. Сестрорецк, Курорт, между Лесной ул. и Оранжевой ул. Региональный уровень охраны с 01.12.2010. Состояние хорошее. Включён в список зелёных насаждений общего пользования.

30. Нижний парк («Пята») г. Сестрорецк, Парковая ул. Региональный уровень охраны с 01.12.2010. Включён в список зелёных насаждений общего пользования.

Б. Особым списком учитываются так называемые вновь выявленные объекты культурно-исторического наследия, не имеющие регистрационных номеров Министерства куль-

туры РФ, но представляющие исторический интерес на местном уровне. Эти объекты в различные годы включались в откорректированные Генеральные планы Санкт-Петербурга, в других редакциях они отсутствовали, затем вновь появлялись. Для этих памятников установлены границы зон охраны объектов культурного наследия на территории Санкт-Петербурга и регламентируется особый режим использования земель. Основанием является Приказ Комитета по государственному контролю, использованию и охране памятников истории и культуры Администрации Санкт-Петербурга от 20.02.2001 N 15: «Об утверждении Списка вновь выявленных объектов, представляющих историческую, научную, художественную или иную культурную ценность», утверждён приказом КГИОП от 20.02.2001 N 15 (по Сестрорецку 35 адресов).

В Сестрорецке по курортной части города:

1) Сестрорецкий Курорт (Сестрорецк, Курорт, улица Максима Горького, 2) со зданиями лечебного корпуса, бассейна, водонапорной башни, скважин минеральной воды, парка и место, где до Великой Отечественной Войны был знаменитый Курзал. Состояние хорошее. Часть парка планируется под застройку.

2) дача Шаповаленко (Сестрорецк, Парковая, 16 или Пляжевая, 8). Состояние после реконструкции отличное (№ 979 согласно приказа КГИОП).

3) дача Кондратьевой О.Р. (Парковая, 18). Состояние после реставрации отличное (№ 975).

4) дача Лихачёва В.Г. (Парковая, 16). Состояние после реставрации отличное (№ 974).

5) дача Кана Б.Н. (Парковая, 14, ДОУ «Юный связист»). Состояние хорошее (№ 973).

6) дом Витцеля Ф.Р. (Пляжная, 7, ДО академии связи). Состояние хорошее (№ 978).

7) жилой дом (Парковая, 20). Будет расселён. Требуется реставрация.

8) дом (Пляжная, 15). Дом исключён из списка памятников и в 2013 году снесён (№ 977). Возводится в 2015 году коттедж.

9) дача (Парковая, 24). Требуется реставрация после пожара. Жилой дом (№ 976).

10) дача Змиргородского Л.А. (Андреева, 3). После пожара в 2010 году разрушается вандалами. (№ 958 дом В.Ф.Фомина).

11) дача доктора Кречева И.Ф. (Григорьева, 18/6). Жилой дом. Расселён в 2014 году. Оценён как архитектурный шедевр. Требуется реставрация (№ 962).

12) дом Фертиц Л.Ф. (юриста О.О. Грузенберга), (Лесная, 9), бывший детский санаторий, филиал Тарховского военного санатория. Сожжён. Руины. (№ 964 загородный дом Л.Ф. Фертиц).

13) дача Бескараваева Г.Г. (Лесная, 13/42) бывшая территория ДОУ МО РФ, в 2014 году закончена реконструкция — новое строительство. Здание приватизировано. Состояние отличное (№ 965).

14) загородный дом Олофа В.П. (Сосновая, 18). ДОУ МО РФ. Требуется реставрация. Продано в аренду до 2056 года (№ 987).

15) дача Бескараваева Г.Г. (Наб. р. Малая Сестра, 44). После пожара 2006 года, в 2012 году снесена. Закончена реконструкция — новое строительство в 2014 году. Состояние отличное (№ 983).

16) дача Кочкина Н.М. (М.Горького, 8). Расселяется, требуется реставрация (№ 970).

17) дача Гвиди Карла Осиповича (Лиственная, 18). Выявленный объект культурного наследия. Приказ председателя КГИОП № 15 от 20.02.2001 (РГИС, 2014, 08 февраля). В марте 2014 снят статус объекта культурного наследия и снесена (№ 969).

18) дача Коновалова (М.Горького, 23), снесена в 2008 году (№ 971).

19) дача Вольсона (Сестрорецк на углу улиц Сосновой, 2 и Лесной, 1) утрачена до 2002 года.

20) Дача (деревянная), 1910-е. (Наб. р. Малая Сестра, 26). Утрачена до 2008 года.

21) здания всех литер на территории детского санатория имени Маслова ныне филиал детского санатория «Детские Дюны». Состояние хорошее. Здания эксплуатируются санаторием. Проектируется радикальная реконструкция по госзаказу.

В исторической части города Сестрорецка:

22) Гостиница Калачёва П.Е. (Володарского, 1). Состояние хорошее (№ 959).

23) дом Леонтьевой М.Е. (Володарского, 5/2). Горело. Руины. Требуется реконструкция (№ 960).

24) дача Цвета Д.М. (Наб. р. Малая Сестра, 51а). Сожжена. Руины (№ 984).

25) здание (Володарского, 26) известное, как бывший роддом, построено в начале XX в. на участке, принадлежавшем госпоже Реш. Строилось католической миссионерской организацией для приюта «Марианум». Состояние хорошее (№ 961 — Богдельня и детский приют при костёле).

26) здание вокзала (Сестрорецк, Дубковское шоссе, 1) . Состояние удовлетворительное, требуется капитальный ремонт с восстановлением планировки.

В посёлке Разлив:

27) бывшая туберкулёзная больница строилась как детский приют: (Разлив, М. Ленинградская, 62). С 1993 года постепенно разрушалась, горела. Есть макет здания. В 2013 году окончательно здание снесено и снято с охраны, как памятник. Одновременно снесён и больничный парк площадью несколько га. На этом месте строится жилой многоэтажный дом.

В посёлках Тарховка, Александровская, Горская:

28) дача Павловской М.Н. деревянная 1906-1909 (Тарховский пр., 46-1). (№ 989).

29) дача Ефремова В.К. деревянная 1910-1913 (Тарховский пр., 46-2). (№ 990).

территория бывшего ДОУ «Айболит» Комитета Здравоохранения (Тарховский пр., 46, дача № 1 Павловской М. Н. и дача № 2 В. К. Ефремова. Все здания на территории сожжены.

30) здание бывшей почты (Александровская, 4я линия, 1 / Красных Командиров пр., 19). Сожжено в 2006 году.

31) дача А. К. Гербиха. Жилой дом. (Сестрорецк. Александровская, 4я линия, 14а). Расселена в 2010 году, горела в 2012 году. (№ 967). В 2015 году ведётся реставрация.

32) магазин «Журавушка» (деревянный) начала XXв., (ст. Александровская, 9я линия 1. / пр. Кр. Командиров 5) (№ 968).

33) дом А. К. Чубанова (деревянный) начала XXв., (Александровская, Приморское ш., 250/Старая улица 2). Состояние удовлетворительное (№ 980).

34) дача деревянная начала XXв., (Тарховская ул., 7). Состояние удовлетворительное (№ 988).

35) дача (деревянная начала XX века) ст. Тарховка, Советский пр.17. Состояние удовлетворительное (№ 985).

Ранее до 2014 года №№ 963, 966, 972, 981, 982, 986 – исключены из списка охраняемых объектов приказами КГИОП. И дым отечества нам сладок и приятен! Любые потери отразятся на всех областях жизни будущих поколений, приведут к духовному оскудению, разрывам исторической памяти, обеднению в целом. Они не могут быть заменены ни развитием современной культуры, ни созданием новых произведений. Выявление, накапливание и сохранение культурно-исторических ценностей - основа развития цивилизации.

РАЗВИТИЕ КУРОРТНОГО ДЕЛА (К 70-ЛЕТИЮ ДЕТСКИХ САНАТОРИЕВ ЗЕЛЕНОГОРСКА И УШКОВО)

Постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) о создании на побережье Финского залива санаторно-курортной и дачной зоны для трудящихся Ленинграда вышло 28 мая 1940 года. Осуществиться задуманному помешала Великая Отечественная война. В июне 1944 года, сразу после окончания боёв на Карельском перешейке власти города приступают к реализации этого плана. В состав Приморской санаторно-курортной и дачной зоны вошла прибрежная часть от Александровки до Метсякюля (Молодёжное). Восстановление и организацию курортов, санаториев и домов отдыха возложили на Ленинградское управление домами отдыха и санаториями ВЦСПС. На Ленгорздравотдел возложили организацию новых детских санаториев и восстановление старых: детского костно-туберкулёзного в Дюнах, туберкулёзных санаториев в Халила и Патру. ГОРОНО и исполкомы обязывались организовать пионерские лагеря, дачи для детских домов, детских садов и яслей. Все эти учреждения планировалось открыть в сохранившихся жилых постройках, а не используемые для этих учреждений дома передавались Дачному тресту для распределения дач организациям и населению. Использование земель в пределах зоны допускалось исключительно для подсобных хозяйств и совхозов, обслуживающих санаторно-курортные учреждения и дома отдыха. пляжи и богатые леса должны использоваться для широкого развития массового кратковременного отдыха.

В год 70-летия Победы мы не забываем и о том, что нашим детским санаториям тоже исполняется 70 лет. Создавая санаторно-курортную зону, в первую очередь думали о ленинградских ребятишках. Наиболее живописные и удобные места в поселках Ушково, Серово, Молодёжное отвели для детей. Проведя обследование Курортного района, определили, что в Тюрисея (Ушково), эффективнее всего расположить детские санатории, так как местность эта отличается наиболее здоровым климатом, расположена высоко над уровнем моря. 5 ноября 1944 года Исполнительный Комитет Ленинградского Совета депутатов трудящихся принял решение об организации детских санаториев. В нём в частности говорилось:

1. Организовать к 1 июня 1945 г. на Карельском перешейке в районе Тюрисея и Келломяки детские санатории райздравотделов г. Ленинграда на 1650 коек с распределением по районам, согласно приложению № 1 и больницу – филиал Института Хирургического туберкулёза на 175 коек.

2. Передать на баланс Исполкома Райсоветов депутатов трудящихся и Институту костно-туберкулёза для использования под детские санатории и больницу здания и сооружения в районе Тюрисея и Келломяки.

3. Обязать Исполкомы районных Советов депутатов трудящихся в декадный срок обеспечить надлежащую приёмку от дачного треста выделяемых им для санаториев зданий, установить охрану их и развернуть ремонтно-восстановительные работы со сроком окончания работ не позднее 1 июня 1945 г.

4. Поручить Ленплану предусмотреть, и выделить Исполкомам Райсоветов и Горздраводелу в I квартале строительных материалов, обеспечивающих возможность проведения ремонтных работ по восстановлению санаториев.

5. Обязать Управление продторгами (т. Коновалов) организовать в Тюрисева и Келломяках базу для снабжения организуемых на Карельском перешейке санаториев не позднее 1 мая 1945 г.

В упомянутом Приложении № 1 содержалось распределение мест в санаториях по районам Ленинграда. В частности предполагалось, что Фрунзенский район получит в Тюрисева 100 мест, Выборгский – 120, Свердловский – 125, Ждановский – 125, Куйбышевский – 150, Василеостровский – 100, Володарский – 120, Дзержинский – 100, Московский – 100.

Так, один за другим, стали открываться детские санатории разного профиля: «Жемчужина», «Теремок», «Восход», «Ёлочка», «Чайка», «Звёздочка» - в Ушково, «Зорька», «Ласточка» и «Пионер» - в Зеленогорске, и туберкулёзный санаторий областного подчинения в Сосновой поляне.

Санатории закреплялись за районами, и первоначально не имели названий. Свои имена они получили в 1964 году. Работа, жизнь, быт в детских санаториях в первое послевоенное десятилетие имеют много общего. Истощённых, измождённых блокадой детей окормливали, лечили, возвращали к нормальной жизни. На примере истории детского санатория «Жемчужина» можно представить, как всё начиналось.

Детский туберкулёзный санаторий «Жемчужина»

В 1945 году в посёлке Тюрисева, ныне Ушково, Курортного района Ленинграда открывается детский костно-туберкулёзный санаторий. Из распоряжения от 25 апреля 1945 № 6764-р, подписанного в Москве заместителем председателя Совета Народных Комиссаров СССР А.Н.Косыгиным следует:

1. Открыть детский костно-туберкулёзный санаторий в посёлке Тюрисева на Карельском перешейке на 300 коек.

2. Отремонтировать до 1 сентября 1945 года 18 зданий, в качестве базы первой очереди на 175 коек.

3. Выделить земельный участок 40 га для организации подсобного хозяйства в районе расположения санатория.

4. Передать находящийся на участке скотный двор, крольчатник и примыкающий к участку, занимаемому санаторием плодовый сад.

Туберкулёзному санаторию отвели прекрасную территорию. Сохранившиеся после всех войн дачи богатых людей приспособили под лечебные корпуса. Вначале пришлось ликвидировать следы войны. Сапёры убрали снаряды, а сотрудники сами закопали воронки, убрали колючую проволоку. В 1945-1946 годах осуществили реконструкцию и восстановление имеющихся зданий, подготовили их к приёму детей. Построили водонапорную башню для подачи воды в корпуса из артезианской скважины. Комсомольцы копали траншеи для прокладки электрокабеля и водопровода. Осенью

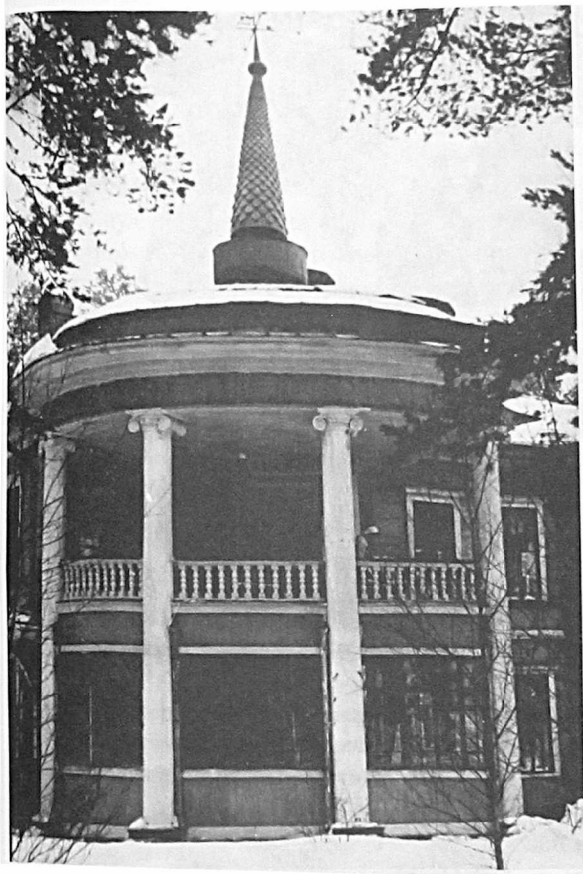

Фото 1.
Корпус костно-туберкулёзного санатория 1947 г.

но отопление в санатории было печное. Печи были облицованы изразцами. Плиты на пищеблоке топили дровами и готовили на них еду.

В санатории лечили детей больных костным туберкулёзом. После войны произошёл резкий рост заболеваемости, в том числе и детей. Костно-суставной туберкулёз был одной из наиболее тяжёлых форм, которая чаще, чем другие его формы, приводила к инвалидности детей, оставляя большие остаточные явления. Для его лечения применялись различные методики хирургического лечения, в том числе радикальные. Для этого устроили операционную, и профессор Крылов делал сложнейшие операции. Он обладал блестящей хирургической техникой при операциях на суставах.

Дмитрий Михайлович Крылов (1906-1968) замечательный врач-фтизиохирург, доктор медицинских наук, профессор по специальности «Костный туберкулёз». Все годы Великой Отечественной войны он трудился в блокадном Ленинграде, возглавлял институт хирургического туберкулёза, при котором имелся военный госпиталь. Его отличало бережное и заботливое отношение к больным, у которых он пользовался большим доверием и любовью.

У большей части пациентов санатория был туберкулёз позвоночника, другие страдали туберкулёзом суставов и костей. Дети в санатории находились подолгу. Лечение такого серьёзного заболевания занимало от года до четырёх, а порой и пять лет. Свидания с родителями разрешались один раз в месяц, в родительские дни. Лечились дети школьного

1947 года дали воду в лечебные корпуса, на пищеблок, скотный двор, в пожарное депо и прачечную. Так как санаторий был инфекционным, то построили баню для персонала. Построили гараж на пять автомашин.

Санаторий находился в ведении Института туберкулёза. Первым руководителем детского костнотуберкулёзного санатория была Мультиановская Лилиана Фёдоровна. До апреля 1951 года санаторий возглавляет профессор Крылов Дмитрий Михайлович. Затем главными врачами работали: Коробова Александра Антоновна, Петров Юрий Анатольевич, Титова Валентина Александровна. С 1998 года санаторием руководит Власенко Галина Петровна.

Первые больные поступили на лечение в 1947 году. Для их размещения предназначалось пять корпусов, в остальных постройках устроили медицинские кабинеты и подсобные службы. В санатории была своя аптека, при аптеке жил фармацевт. В санатории имелись автоклавная, физиотерапевтический кабинет, рентген, лаборатория, гипсовочная. Первоначально

возраста до 7 класса. Учителя занимались с ними в палатах, дети учились лежать. Для создания покоя на период лечения пользовались гипсовыми кроватками, корсетами. Дети годами лежали в гипсе. При туберкулёзе позвоночника они лежали в гипсовых кроватках, в других случаях были загипсованы только ноги. Выздоровливающие дети передвигались на костылях.

В то время при лечении широко применялся метод аэротерапии, суть которой заключалась в том, что больные дети с весны и до поздней осени находились на свежем воздухе в сосновом бору. Этому уделялось большое внимание. Летом дети спали на верандах и террасах, и даже зимой лежащих детей теплее укрыв, выносили на веранды. У корпусов натягивали тент и выставляли кровати, это заменяло им прогулку.

Требовалось большое терпение, забота и любовь персонала. Дети платили тем же. Они привязывались к медсёстрам и нянечкам, и когда наступал день выписки, расставаться всем было очень грустно.

Благодаря работе отличного, сплочённого коллектива, замечательным врачам, заботливым и добрым медсёстрам и нянечкам дети шли на поправку. Многие трудились в санатории с первых лет его работы и отработали больше 40 лет. Их уважали в коллективе, прислушивались к их мнению, у них учились.

Корпуса санатория расположились недалеко от Финского залива, на высоком уступе, среди сосен. Чистый, сосновый лес без лиственного подлеска, почва песчаная, и даже в самую дождливую погоду высыхает очень быстро. Дышалось легко. Дети никогда не болели простудными заболеваниями. Кормили их очень хорошо. Санаторий пользовался успехом. Лечились в основном ленинградские дети. Иногородних было мало, их устраивали в санаторий и опекали родственники, проживающие в Ленинграде.

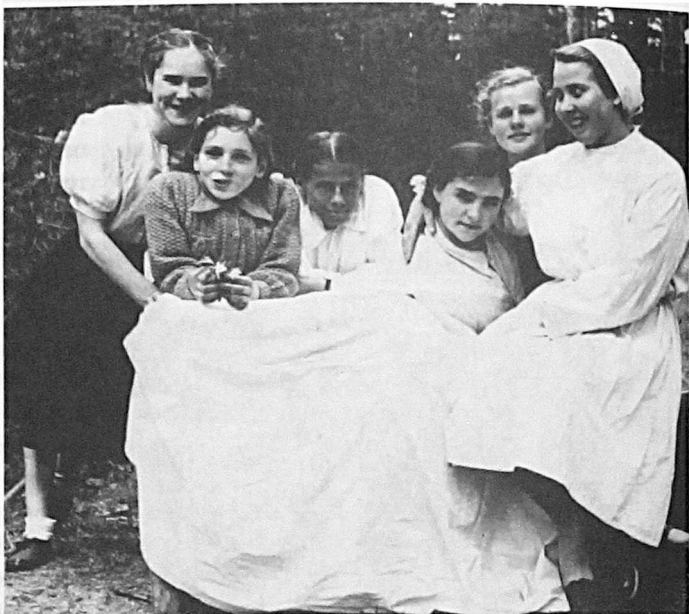

Фото 2. Медсестра Чиркова В.Н. с пациента. 1955 год.

Фото 3. Дети принимают воздушные ванны, 1948 г.

Особое внимание уделялось обеспечению больных высококалорийным питанием. Чтобы дети получали свежие продукты, овощи и ягоды, организовали подсобное хозяйство. Отремонтировали переданный в пользование скотный двор. В хозяйстве было 20-25 коров и больше 20 свиней. Всегда для детей было свежее молоко и мясо. В подсобном хозяйстве имелось два трактора и пять лошадей. Летом 1945 года заготовили много сена, собрали 2 тонны ягод и фруктов. Санаторий располагал двумя грузовиками и каретой скорой помощи. Хозяйство обеспечивало не только «Жемчужину», но и соседний санаторий «Теремок». Некоторые сотрудники обзавелись и своими коровушками. Молока было много, излишки продавали. В подсобном хозяйстве выращивали много картошки, капусты и других овощей. Огород и сад примыкали к территории санатория. На огороде в парниках выращивали огурцы, в саду собирали большие урожаи чёрной смородины и яблок. Детям к столу были и фрукты и ягоды и свежие овощи. Заготавливали на зиму бочки солёных огурцов, квашеной капусты, смородины протёртой с сахаром. Корнеплоды закладывали в хранилище. Помимо основной работы персонал помогал на огороде. Собирали ягоды, окапывали кусты и яблони, пропалывали грядки. Осенью копали картошку и убирали капусту.

Почти все сотрудники жили на территории санатория в общежитиях, в стеснённых условиях. Семье представлялась комната, а одинокие жили по 2-3 человека в маленькой комнате. Бывший крольчатник, который передали санаторию, отремонтировали и приспособили под жильё. Две бывшие бани сделали жилыми домами. На 905 метрах жилой площади проживало 187 человек. Новые дома строить запрещалось, можно было только ремонтировать.

Растили своих детей. Детей было много, разных возрастов. С новорожденными долго не сидели, когда ребёночку исполнялось 3 месяца, выходили на работу. Грудных детей оставляли на соседей, бегали с работы кормить их. Порой детишек соседи передавали друг другу, переносили из дома в дом, и потом мать не знала где найти своё дитя. Иногда оставляли ребёнка в незапертой комнате. Если заплачет, то кто-то всегда зайдёт, перепеленает и понянит.

В «красном уголке» показывали кино, а по праздникам самодеятельные концерты и спектакли. В реквизите имелись костюмы и парики. Мужские роли играли женщины. Сами ставили пьесы и выезжали на гастроли в воинские части. Был свой хор, с которым занимался музыкальный работник санатория. Участвовали в конкурсах. Устраивали танцы, пожилые люди тоже приходили, но не танцевали, а усаживались в сторонке и наблюдали за молодёжью. Имелась библиотека. Часто ездили на экскурсии.

Многих людей связала судьба с этими местами, для очень многих этот берег стал родным.

Санаторий ожидали большие перспективы. В 1946-48 годах был разработан грандиозный проект на строительство нового современного костно-туберкулёзного санатория на 320 коек. Проект разработали в мастерской № 6 «Леннипроект», авторы проекта архитекторы Гегелло А.И. и Мосевич Я.Я. В санатории хранится альбом с фотокопиями проектных рисунков архитекторов. На обширной территории предполагалось развернуть большой, соответствующий всем правилам санаторный комплекс. На краю уступа предполагалось построить лечебное здание, соединенное с двумя палатными корпусами (крыльями). По краям здания планировались веранды со спусками-пандусами. Было бы и отдельно стоящее здание приёмного покоя и изолятора, и аэрарий (беседка, где можно поставить кушетки для приёма воздушных ванн), паталого-анатомический корпус. Со стороны Пляжевой улицы красиво оформленный вход с воротами, калиткой и сторожкой. В глубине территории предполагалось устроить хозяйственный блок, с водонапорной башней и насосной станцией, котельной, баней для персонала, и цейхгаузом. Но необходимость строительства большого и узкоспециализированного комплекса отпала. Проект остался не осуществлённым.

Благодаря открытию детских туберкулёзных санаториев произошли большие успехи в ликвидации этого тяжёлого недуга среди детей. Помимо применения климатолечения и правильного сбалансированного питания в санатории применяли антибактериальную терапию препаратами, убивающими туберкулёзную палочку.

После 1955 года в санатории лечились большей частью дети дошкольного возраста, они страдали лёгочными формами туберкулёза, туберкулёзом лимфатических узлов и дети из туберкулёзных очагов. Длительность лечения с внедрением новых антибактериальных препаратов постепенно сокращалась. В 1958 году Детский костно-туберкулёзный санаторий был переименован в «Детский туберкулёзный санаторий», а с 1 января 1964 года он стал называться «Детский туберкулёзный санаторий «Жемчужина».

Здания, построенные в начале XX века, ветшали. Ввиду непригодности для дальнейшей эксплуатации закрыли два корпуса. Коек не хватало, заболеваемость туберкулёзом не уменьшалась. В связи с бедственным состоянием материально-технической базы появился план объединения «Жемчужины» с соседним «Теремком», который располагался в большом современном кирпичном здании, интересного архитектурного исполнения, построенном в 1978 году. В 1998 году санаторию «Жемчужина» передан имущественный комплекс детского санатория «Теремок». По сути, произошло слияние двух санаториев, поэтому ликвидация «Теремка» прошла безболезненно. Его сотрудники почти в полном составе влились в коллектив «Жемчужины», и продолжают работать в стенах родного санатория. В настоящее время Санкт-Петербургское Государственное Казённое Учреждение Здравоохранения «Детский Туберкулёзный Санаторий «Жемчужина» оказывает лечебно-профилактическую помощь детям города, инфицированным микобактерией туберкулёза и больным туберкулёзом. Санаторий расположен на территории в 27 га. Функционирует круглогодично, располагает комплексом на 115 мест для детей в возрасте 4-7 лет. Дети в санаторий поступают по направлению противотуберкулёзных диспансеров, путёвки бесплатные.

Перспективы у санатория самые наилучшие. В 2014 году начато строительство комплекса зданий и сооружений на 300 мест. Новый современный санаторий будет оборудован по всем правилам, с бассейном, спортивным залом, с просторными игровыми залами, уютными палатами и детскими площадками.

В 60 - 70-х годах XX века со стороны государства и городских властей уделялось большое внимание здравоохранению. Детские здравницы строились и развивались, улучшалась материально-техническая база. Открыли новые санатории «Комарово» (1960 г) и «Солнечное» (1963 г). Построены новые корпуса для санаториев: «Теремок», «Восход», «Чайка», «Звёздочка», «Пионер», «Детские Дюны». Некоторые санатории построили благоустроенное жильё для персонала.

В настоящее время в нашем районе круглогодично работают детские санатории, подчиняющиеся Комитету по здравоохранению Администрации Санкт-Петербурга. Они оказывают детям профилактическую медицинскую помощь, обеспечивают лечение и реабилитацию. В Ушково и Зеленогорске работают детские санатории, основанные в 1945 году:

- СПб ГКУЗ «Детский туберкулёзный санаторий «Жемчужина»
- СПб ГБУЗ «Детский санаторий «Чайка» пульмонологического и дерматологического профиля.
- СПб ГБУЗ «Детский санаторий «Звездочка» для детей, страдающих бронхиальной астмой и респираторными аллергиями.
- СПб ГБУЗ «Детский санаторий «Пионер» - психоневрологический.

Более 50 лет лечат детей санатории в посёлках Комарово и Солнечное:

- СПб ГБУЗ «Детский психоневрологический санаторий «Комарово».
- СПб ГБУЗ Детский санаторий «Солнечное» - многопрофильный.

И старейший в нашем районе санаторий, основанный в 1906 году -

- СПб ГБУЗ Детский санаторий - Реабилитационный центр «Детские Дюны».

Не все детские санатории сохранились до наших дней. Некоторые из них не преодолели трудностей, старые строения не соответствовали санитарным нормам и во второй половине 1980-х годов закрылись детский санаторий «Ёлочка», и туберкулёзный санаторий в Сошной поляне. Санаторий «Теремок» утратив кардиоревматологический профиль закрылся в 1998 году. По сути, произошло слияние его с санаторием «Жемчужина». В 2007 году закрыли санатории «Ласточка» и «Восход», за счёт этого произошло укрупнение санатория «Солнечное», где построили новый медицинский комплекс.

Профилактика заболеваний особенно в детском возрасте очень важна. Детские санатории остаются местом, где дети получают медицинскую помощь: лечение и наблюдение. Врачи, медицинские сёстры, педагоги, хозяйственные службы санаториев заботятся о детском здоровье, о лечении и воспитании, обучении, о комфортных условиях проживания, и всё делают для того, что бы дети от них уходили здоровыми. Заслуга города состоит в том, что в сложные годы была сохранена система детских здравниц. Детские санатории остались на государственном финансировании и не были переданы в частные руки. Ради будущего наших детей детские санатории необходимо сохранять и развивать, тем более в таких уникальных природных условиях, которые есть в Курортном районе Санкт-Петербурга.

СМИРНОВА Елена Валентиновна
Член Общества Друзей Петергофа

ЧТО РАСТЁТ В ТВОЁМ САДУ?

Один из фильмов об Эркюле Пуаро называется «Что растет в твоём саду?». Часть действия происходит на ежегодной выставке цветов в Челси в 30-е годы XX века. Первая такая выставка была организована британским Королевским обществом садоводов в 1862 году. Уже тогда обычные русские садоводы были частью европейского садового процесса и могли строить свои сады аналогично европейским коллегам. Только в отличие от европейцев, для многих россиян все оборвалось на роковой отметке 1917 года.

В данной статье речь пойдет не о парках, которые принято называть историческими, впечатляющих своими масштабами, а о парках и садах небольших усадеб и дач конца XIX – начала XX века. И если вопрос сохранения и восстановления исторических парков сейчас имеет под собой достаточно прочную научную базу и реальные перспективы, то будущее этих многочисленных усадебных и дачных комплексов крайне туманно.

На рубеже XIX-XX веков на российскую сцену вышел средний класс, обеспеченный материально и имеющий взгляды и требования человека, принадлежащего к европейскому обществу с его культурой и обширным кругозором. Но идеи таких людей в России, воплощенные в предметы материальной культуры, оказались хрупки и пали под натиском наступившего варварства. Сейчас практически невозможно восстановить тот мир или даже его подобие, но можно отдаленно «одушевить утраченное время», используя методы визуализации архитектурных объектов, описания и редкие фотографии.

В своем тексте о садах и парках конца XIX-начала XX века я ограничусь местностями в пределах протяженности Приморского шоссе от Горской до Приветнинского.

Что растёт в твоём саду? Что, как и почему сажали в своих садах обитатели дач, расположенных в этих местах?

Территориально рассматриваемые объекты относятся к природной зоне южной тайги. Такое местоположение и определяет нашу незатейливую растительность.

Владельцы дач, будучи людьми образованными и много уже путешествовавшими по Европе, безусловно, имели представление о развитии ландшафтного строительства и его стилях. О пейзажном стиле, пришедшем в европейские сады в XIX веке, о сохранении «природности» и естественности, о значении «заимствованного пейзажа». Но садовая мода, безусловно, ориентировалась на императорские парки. На южном берегу Финского залива в парке Александрия был построен знаменитый «Коттедж», с застекленной веранды верхнего этажа которого император мог смотреть в подзорную трубу на залив. И действительно, каждая более или менее значимая постройка и на южном, и на северном берегу имела либо беседку, либо башенку, ориентированную на залив, на которых были установлены смотровые приборы. Это стало модно.

Структурное и планировочное решение дачного сада можно рассмотреть на примере усадьбы И.Е. Репина «Пенаты». Перед домом были разбиты цветники более или менее оформленные, а далее шел свободный пейзаж с дорожками и различными садовыми постройками: лестницей на башенку, «храмом» (в котором явно просматривалась аналогия с постройками в исторических парках, например, Царского Села – башней-руиной и готическими воротами). Масштаб, конечно, другой, но стилевое решение можно считать аналогичным, с поправкой на «суровую» северную природу. Что же касается «свободного пейзажа», то он также чаще всего подправлен рукой садовника: есть и липы, и дубы, и различные виды культурных кустарников, хотя вряд ли можно найти перечень растений, высаженных в парке при первоначальной планировке.

Очень часто в поисках места той или иной усадьбы именно растения позволяют его найти. К примеру, в воспоминаниях упоминаются липовые аллеи. Липа – дерево «не местное», появившееся в этих краях по воле Петра I, и с тех пор, плохо ли, хорошо ли, но растет, кем-либо посаженное. Поэтому, если вдруг среди соснового леса появляется группа лип, – это означает, что рядом было жильё.

Более редкими в парках были туевые аллеи. Одна из них частично сохранилась в парке Ино/Приветнинского.

Весной 2015 года нам удалось встретиться с двумя интересными находками. Там, где на одном из рукавов р. Сестры у бывшей железнодорожной станции Дюны находился тамо-

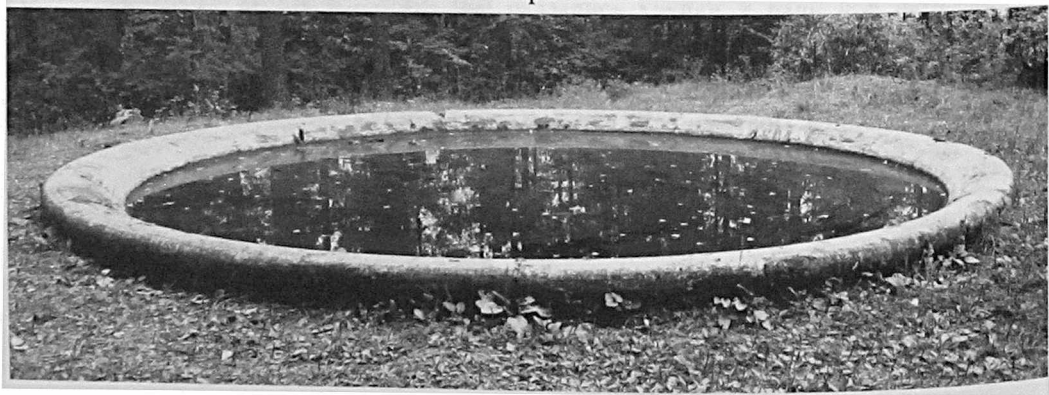
женный пост, на бывшей финской стороне, есть высокий песчаный холм. На нем растут две «кустовые» липы. Возможно, когда-то они оформляли вход на территорию усадьбы. Там же остались экземпляры культурных растений: среди соснового леса растут сирень и спирея. Первой выживать в новых для нее «диких» условиях сложно, и возможно, что ее вскоре уже не будет. А вот вторая вполне натурализовалась и заполнила большое пространство белой пеной цветения. Рядом мы увидели и остатки фундаментов, теперь уже неизвестно кому принадлежавшей большой и некогда ухоженной усадьбы.

А на противоположной стороне р. Сестры, где располагалась «курортная империя» Л.А. Авенариуса, даже на карте есть зона, названная «парк». Эта зона до сих пор ясно читается на местности. О ней говорят кусты караганы, с трудом пробивающиеся к солнцу под сосновыми кронами, и та же вездесущая спирея. На дачных участках же, некогда отведенных благотворительным учреждениям, на холме до сих пор растут огромные кусты боярышника и заросли ирги, которой любили отмечать границы участков. Там же нашелся фундамент большого здания, который без растительных «указателей» даже не просматривался.

А вот в усадьбе «Мариоки» мы не нашли того, что искали. Готовясь к поездке к бывшему имению М.В. Картавцовой-Крестовской, мы прочитали в многочисленных статьях о тех растениях, которые хозяйка высаживала в своем саду. Но, как это нередко бывает, такие статьи имеют единственный источник в виде воспоминаний. В одной из статей с описанием сада присутствуют листопадные рододендроны или, как их называли, азалии. Они действительно могли расти в северном саду, так как в помологическом питомнике Э. Регеля были представлены разные сорта, даже хорошо зимующие в наших климатических условиях. В статьях о саде Крестовской указывалось, что рододендроны натурализовались и до сих пор можно увидеть их цветение весной. Тем не менее, наша группа, в которую входил специалист из Санкт-Петербургского Ботанического сада, так и не смогла обнаружить описываемые рододендроны.

Зато было найдено место розария. Розы тогда сажали сортовые привитые на подвой. Они были довольно капризны и требовали тщательного ухода. Заброшенные, они не выживали. Поэтому, то, что мы видим сейчас – это разросшийся подвой, хотя иногда встречаются и очень редкие интересные экземпляры.

Еще одна характерная особенность этих участков – фонтаны. Зачастую, круглую чашу фонтана или ее остатки можно найти даже там, где не осталось и следов от фундаментов дачи. Фонтаны (и более простые бетонные чаши небольших водоемов) были неременным атрибутом дачной жизни. Чаша одного из фонтанов сохранилась в парке Ино/Приветнинского. Сейчас можно гадать: это аллюзия с Петергофом или воспоминания об Италии? Фонтаны не имели функционального значения. Это было модно. Это был образ жизни.

Беседка, фонтан, залив, закат, башенка, веранда... Веранда – это трансформированная оранжерея. В садах и парках XVIII-XIX веков оранжерея стояла отдельно. К дому ее присоединил впервые архитектор Вальтер Гроутеус в начале 20-го века. И цветы на веранде объединились с цветами сада. Веранда, оранжевый абажур, неспешная беседа...

Что же высаживали в саду? Деревья: дубы, клёны, липы, пихты, сортовые ели. Очень нарядно выглядела так называемая «букетная» посадка деревьев. Пример такой посадки, состоящей из пяти берез, был найден нами в парке Ино/Приветнинского.

Из кустарников высаживали сирень, карагану, жимолость, иргу, спирею, чубушник, пузыреплодник. В Комарово на территории бывшей дачи Веры Поммер мы нашли чудом сохранившиеся кусты чубушника.

Розы высаживали сортовые, отличавшиеся роскошным запахом. На запах цветов тогда вообще обращали особое внимание. У беседок сажали ароматные цветы с сильными вечерними запахами. Из многолетников сажали шпорник, аконит, пионы, флоксы, ирисы; аквилегии; луковичные нарциссы и гиацинты. Много клумб делали из летников. В центр часто ставили южные горшечные культуры, например, агавы.

То, что мы сейчас наблюдаем в дачных (коттеджных) садах – это явное упрощение того жизненного процесса. Мы почти потеряли эту связь времен, связь с людьми, к которым, кажется, еще недавно можно было прикоснуться, стоило только протянуть руку.

Может, еще не поздно постараться найти эту порвавшуюся нить? И на вопрос, что растет у тебя в саду? – назвать десятки полузабытых прекрасных растений.

*СНЕГОВАЯ Ирина Александровна,
заведующий краеведческим музеем поселка Комарово*

ГУМЕННИКОВ ВЛАДИМИР АРКАДЬЕВИЧ

ПАМЯТИ «ХРАНИТЕЛЯ МЕСТА»

Невозможно поверить. Как привычно было видеть Владимира Аркадьевича в его кабинете в Муниципальном совете. Даже в выходные он заходил не раз. Всегда подтянутый, всегда вежливый, выдержанный, учтивый. Завидное качество для чиновника, постоянно работающего с людьми. Как просто было к нему обратиться, как внимателен он был! Человек, который видел поселок как большой семейный дом и всегда находил возможность участвовать в его жизни. На свадьбах или похоронах он присутствовал среди других людей не в качестве важного начальства, которое всех напрягает, а как свой человек. Так он пришел в 2004 году на похороны моей свекрови, бывшей фронтовички.

Он был прост. Какое облегчение общаться с таким человеком в администрации! Его любили сотрудники, его любили жители поселка – та печаль от его ухода, которую высказывают люди, это подтверждает. «Такого уже не будет!» — говорили мне.

Я вспоминаю, как еще в 2000 году мы (Владимир Аркадьевич, Елена Цветкова и я) сидели в его кабинете и мечтали о том, как было бы хорошо, если бы поселок стал заповедником, обрел статус и имел бы помещение для выставки материалов о его истории и людях.

Поселок тогда был в удручающем состоянии – уныние, горы мусора возле Щучьего озера, какое-то безнадежное запустение вокруг. И в такой ситуации Владимир Аркадьевич слушал наши мечтания без раздражения и даже благосклонно. Он сам увлекался историей этого места, знаменитыми людьми науки и культуры, собирал материалы. Идеальный в моем понимании глава, который сам интересуется историей своего края, гордится им и хочет ему развития и совершенства. И при его участии было выделено помещение для музея, куда он сам не раз приводил гостей, рассказывал им, фотографировал их, пополняя тем экспозицию. Стоит войти в помещение Муниципального совета и вас встречают фотографии как своеобразный отчет о том, что происходит в Комарове. А коллекция кирпичей, которую он разрешил выставить в холле! Она вызывает неизменный восторг у всех проходящих и у групп экскурсантов. Где еще вы можете увидеть такое?

Он всегда умел удивить какими-то новыми находками, откапывая в интернете совершенно неожиданные материалы. В том, как он их собирал, чувствовался подлинный интерес.

Проходил ли Ахматовский праздник, Владимир Аркадьевич всегда присутствовал на нем. И не в качестве мимолетного виденья, которое после приветствия сразу исчезает, а в

качестве полноценного зрителя.

Проводились ли вечера у библиотеки, он бывал и на них. В музее висит фотография, где Владимир Аркадьевич рядом с известными литераторами Комарова. Вот он целует внучку академика Павлова на празднике, а вот он сидит рядом с писателем Василием Аксеновым. Вот он на сцене, а вот он среди ветеранов у памятника павшим в войне на празднике Победы. И с какой внимательной нежностью он обращался с людьми. Как же это подкупало! И вообще-то редкое качество, а в начальстве и того реже. За эти годы (с 1998 года Владимир Аркадьевич – глава муниципального образования) разве он стал чванливым, важным, недоступным? Нет, он остался верен себе в какой-то смиренной скромности и открытости. Что бы ни происходило, он не менялся.

Есть такое старинное выражение – отеческое попечение. Он любил это место, и оно отвечало ему взаимностью. Не удивительно ли, что его фамилия происходит от слова «гуменик», одно из значений которого – домовый на гумне. Теперь он ушел, заботливый хранитель места, и осиротевшее Комарово плачет о хорошем человеке.

Прощайте, дорогой Владимир Аркадьевич! Истинный патриот поселка Комарово.

СТЕПАНОВ Юрий Владимирович

ЗАБЫТЫЕ ГЕРОИ СЕСТРОРЕЦКА. КОМБАТ ШИРОКОВ

Герой нашего повествования - Алексей Николаевич Широков, боевой офицер, прошедший дорогами войны с самого первого ее дня и до победы 1945 года. Родился Алексей Николаевич Широков в 1910 году в поселке Сертолово. После окончания школы был призван в ряды Красной Армии. В 1932 - 1935 годах проходил обучение в школе младшего начсостава Ленинградского военного округа. Молодого парнишку отличали упорство в получении знаний, высокая степень ответственности и дисциплины. Так что уже через год он стал командиром отделения, а затем и помощником командира взвода школы. Алексей твердо решил связать свою дальнейшую судьбу с армией. Поэтому, в декабре 1935 года он поступил на Курсы подготовки командного состава Ленинградского военного округа. В октябре 1939 года А. Н. Широкова направили в 28-й отдельный пулеметный батальон Карельского Укрепрайона ЛВО помощником командира батальона. Алексей Николаевич принимал участие в советско-финской войне 1939 - 1940 годов.

В июне 1941 года он в звании лейтенанта становится начальником штаба 4-го Отдельного пулеметного батальона 28-го Укрепрайона Ленинградского фронта. С приближением фронта к Ленинграду, в сентябре 1941 года Александра Николаевича переводят в Колпинский укрепрайон командиром батальона. В октябре ему присваивают звание старшего лейтенанта и направляют на Сестрорецко-Белоостровский участок фронта. Под его непосредственным руководством было организовано создание круговой обороны - ДОТов и ДЗОТов с применением массированного, сосредоточенного огня, которые стали применяться во всех частях 22-го Укрепрайона.

Из характеристики А. Н. Широкова 1942 года: «Товарищ Широков с самого начала Отечественной войны находился на Ленинградском фронте, защищая подступы к городу Ленинграду. Участник боев против немецкого фашизма на Колпинском и Усть-Тосненском направлении. За это время показал себя как один из лучших командиров, способных бить врага. Находясь в составе 22-го Укрепрайона, товарищ Широков приложил огромный труд в укреплении своего рубежа обороны. По его инициативе переоборудованы ДОТы в сторону наибольшей насыщенности огневых средств».

В марте 1943 года А.Н. Широков за боевые заслуги и вклад в укрепление Сестрорецкого узла обороны был представлен к награждению орденом «Красного знамени». Из представления к награждению: «Товарищ Широков, командуя батальоном на самом ответственном участке обороны Сестрорецкого узла, показал образцы мужества и отваги в борьбе с врагами нашей Родины. Финны неоднократно пытались атаковать гарнизон батальона, но благодаря умелому руководству товарища Широкова захватчики всегда с большими потерями откатывались обратно. Отважным трудом организовал истребительное движение в бата-

льоне. Истребители батальона имеют на счету только лишь с апреля 1942 года уничтоженных до 700 белофиннов. Товарищ Широков в самое трудное зимнее время 1941-42 годов сумел организовать и обеспечить все необходимое для боеготовности батальона. Батальон является частью, способной выполнять любую боевую задачу в любых условиях».

В июне 1944 года началась подготовка к наступлению на Карельском перешейке. За боевые заслуги по прорыву «Карельского вала» Алексей Николаевич был представлен к награждению орденом Отечественной войны 2-й степени. В его представлении к награждению значилось: «Благодаря отличной организации взаимодействия огневых средств, техники и личного состава, товарищ Широков обеспечил на своем участке обороны уничтожение огневых точек противника, что послужило успешному прорыву сильной, укрепленной обороны финнов 9-10 июня 1944 года и дальнейшему продвижению наших войск». 1945 год Алексей Николаевич встретил в родном батальоне в звании полковника. За годы войны, помимо 2-х орденов, он был награжден медалями «За боевые заслуги», «За оборону Ленинграда» и «За победу над Германией», но своим первым орденом «Красного знамени» гордился больше всего. Ведь это была его первая боевая награда.

После окончания Великой Отечественной войны, вплоть до конца 1950-х годов Алексей Николаевич продолжал служить в рядах Красной армии в родном Ленинградском военном округе. В отставку Алексей Николаевич вышел в должности заместителя командира 53-го пулеметно-артиллерийского полка. Вместе с семьей он вернулся в ставший ему родным Сестрорецк, где жил до самой смерти в 1985 году.

Не спящий комбат

*Ночь плывёт над землёй, тишина на морском берегу.
В блиндажах и окопах солдаты тревожно не спят.
«Ни за что, ни за что не позволим прорваться врагу!»
Про себя повторял, проверяя дозоры, комбат.
За бойцов он спокоен: рубеж на надёжном замке.
Пулемёты и пушки, запалы заправлены в связки гранат.
Уже год не стихают бои на его пяточке,
За которым стоит Сестрорецк, а за ним Ленинград.
Он, Алёша Широков - бывалый, отважный комбат,
Со своим батальоном он будет здесь насмерть стоять!
Верный клятве, врага не пропустит советский солдат
За спиной Ленинград, значит, некуда нам отступать!*

Стихотворение Ю.В. Степанова «Не спящий комбат» заняло первое место в поэтическом марафоне, проводимом в библиотеке им. М.Зощенко в 2014 г.

Постскриптум:

Александр Ваймер, депутат Муниципального совета, председатель ДОСААФ России:
«Сестроречане просто обязаны помнить об Алексее Широкове. Именно благодаря этому человеку, настоящему герою, на территорию Сестрорецка не ступил ни один вражеский фашистский сапог. Депутаты сказали свое веское слово за присвоение новой улице имени комбата Широкова. Теперь слово за Топонимической комиссией Санкт-Петербурга, именно этот орган дает окончательную рекомендацию по названию той или иной улицы. Кроме того, к предстоящему юбилею предстоит привести в порядок могилу А.Н. Широкова на Сестрорецком городском кладбище».

*ТРАВИНА Елена Михайловна,
кандидат философских наук
координатор исследовательской группы «Старые дачи»*

АРХИТЕКТОР В.В.ШАУБ: ДВЕ ПРЕДПОЛАГАЕМЫЕ ПОСТРОЙКИ В ТЕРИЙОКАХ

Уходящая навсегда дачная архитектура северного побережья Финского залива почти вся безымянна. Более известны имена архитекторов и дачевладельцев вблизи Петербурга – в Лахте, Ольгино, а также в Сестрорецке. Менее известны авторы дачных проектов и их заказчики на территории Великого Княжества Финляндского, где в начале XX века существовало немало дачных поселков, «привязанных» к железнодорожным станциям¹.

Источник знаний об архитекторах один – это документы, связанные с постройкой.

Проще всего – если в архивах сохранились чертежи. Сложнее – если надо пересмотреть горы писем или воспоминаний современников, в которых вскользь говорится о построенной таким-то архитектором даче где-нибудь в Перк-ярви, принадлежавшей такому-то владельцу.

Проще, если был объявлен конкурс на постройку дачи, что влекло за собой публикацию проекта на страницах журнала «Зодчий» и фотоснимков уже осуществленных проектов в Ежегоднике Общества архитекторов-художников. Сложнее, если это была дача из каталогов, которых издавалось в начале века множество.

«Именных» дач на Карельском перешейке известно мало: дача Леонида Андреева в Ваммельсуу, построенная по проекту А.А. Оля; дача горного инженера Ф.Ф. Фосса в Куоккала – архитектора Л.А. Ильина; дача купца М.С. Воронина в Метсякюля – архитектора П.П. Бука и несколько других. О подавляющем же числе дач невозможно и предположить, чей проект был взят. В отсутствие документов, прямо указывающих на архитектора, на помощь приходят косвенные источники: воспоминания современников, всевозможная справочная литература того времени, личные дела студентов Института гражданских инженеров (ИГИ) и Академии художеств, а также формулярные списки архитекторов в делах различных ведомств.

К примеру, воспоминания, напечатанные в «Русских Листках в Финляндии», издававшихся в Хельсинки в конце 70-х – середине 80-х гг. и хранящиеся там же в библиотеке Русского купеческого общества, поистине бесценны для историка. Так, в записках Николая Бренева было найдено упоминание о вилле, известной в 20-30 годы как «Айнола», и ее первоначальном владельце по фамилии Салько. Ранее, при двойном переводе с русского на финский и обратно, фамилия в документах оказывалась неузнаваема – «Шалков»(?), «Салков»(?). Благодаря воспоминаниям Бренева выяснилась не только фамилия владельца, но и предполагаемого архитектора, поскольку Н.М. Салько был известным гражданским инженером, архитектором, который, наверняка, сам и построил дачу для себя и своей семьи².

1. Фотоиллюстрации к данной статье предоставлены сайтом terijoki.spb.ru

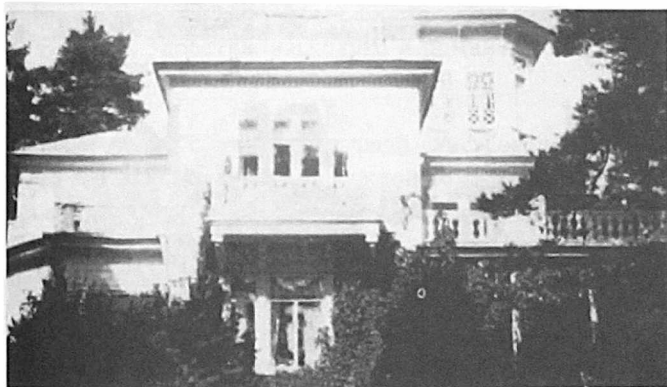
2. Перед революцией дача была продана сыном Н. М. Салько Айно Гранлунду, по имени которого и получила новое название – вилла «Айнола». Первоначальное название не известно. Адрес: Зеленогорск, Приморское шоссе, 521.

Не вызывает сомнения не только то, что архитекторы строили дачи для себя по собственным проектам. Если в семье был сын, брат, зять, окончивший ИГИ, то, скорее всего, именно он строил дачу: и обговаривать детали проще и об оплате легче договориться. К примеру, уже упомянутый архитектор А.А. Оль был женат на сестре своего заказчика, писателя Леонида Андреева. При анализе списка дачевладельцев Терийок выяснилось, что некоторые из них имели в семьях «своих» архитекторов: А.А. Гимпель, С.П. Гулин, А.П. Гоголицын, А.Д. и Д.Д. Дальберги, Л.Л. Леонидов, А.Ф. Нидермейер, К.Г. Эйлерс (в свою очередь шурин Ф.И. Лидваля), Р.А. Берзен вполне могли прийти на помощь своим родичам.

Атрибуция дач в Терийоках, построенных по проектам Шауба основана на этих двух суждениях: архитекторы могли строить дачи для себя, а также для членов семьи.

В Петербурге архитектор Василий Васильевич Шауб построил более семидесяти зданий – церквей, школ, особняков, доходных домов и промышленных зданий. Исследователи его творчества отмечали, что к началу XX века, став одним из первых адептов стиля модерн, он старается избегать «...всякого подражания и стремится найти совершенно новые формы, должествующие вытекать из самой сущности создаваемых им предметов. Эти слова историка И.Н. Божерянова относятся к 1902 г., когда Шауб еще не создал свои самые крупные произведения»³. Но это время и начала массового строительства дач в Русской Финляндии.

Почти наверняка можно говорить о том, что Шауб владел дачей в Терийоках, поскольку его имя значится в списке постоянных членов Общества благоустройства дачной жизни⁴.

Вилла Прокопэ, 1930-е гг

Вилла Прокопэ до сноса

Местоположение дачи не было достоверно известно, пока не возникла гипотеза, основанная на воспоминаниях Виктора Прокопэ. Согласно этим воспоминаниям, его мать, Мария Прокопэ, приобрела в середине 20-х гг. дачу в Кескикюля, центральном районе Терийок. По словам мемуариста, вилла была самая красивая в этих местах. Она была построена в средиземноморском стиле и из-за своего белого цвета, в сочетании с белым прибрежным песком, была названа ими «вилла Бьянка» («Белая вилла»). Во дворе были теннисная площадка и артезианская скважина с «водяным тараном» – остроумным устройством для подъема воды. На верхнем этаже было семь комнат для размещения гостей. В 1931 г. на вилле гостил К.Г. Маннергейм. Купленная Марией Прокопэ дача была «дачей Шауба»⁵.

Если мемуарист не ошибся, и купленная Прокопэ вилла дей-

3. В. Г. Исаченко. Василий Шауб.

4. Согласно Уставу постоянным членом Общества мог быть землевладелец, наниматель дачи, проживающий там три года подряд или лицо, внесшее в кассу Общества одновременно не менее ста рублей

5. Молчанов А. К. Обстоятельства пребывания К.-Г. Маннергейма в Терийоки.

ствительно первоначально принадлежала Шаубам, то, скорее всего, была и построена архитектором В.В. Шаубом по собственному проекту.

Вилла Прокопэ на 2-й Пляжевой улице была снесена в сентябре 2011 г., и сейчас на ее месте стоит здание, лишь отдаленно ее напоминающее.

Но, возможно, что В. В. Шауб был автором проекта еще одной знаменитой терийокской дачи – дачи Генриха Мюзера на Театральной улице (в документах КГИОП упорно называемой гостиницей Бель-вю).

Известно, что в 1895 году в Петербурге для Генриха Вильгельмовича Мюзера по проекту архитектора В. В. Шауба был построен доходный дом на Стремянной улице, 13. К самому концу XIX века, исходя из архитектурных особенностей постройки, относится и дача Мюзера в Терийоках⁶.

Более того. Семьи «петербургских немцев» Шаубов и Мюзеров были не просто близко знакомы по участию в деятельности немецкого реформатского прихода и его благотворительных организаций. Их семьи еще и породнились, когда в 1895 г. дочь Г.В. Мюзера, Софья, вышла замуж за брата В.В. Шауба, Густава. Примерно в это же время (1895-1896 гг) по проекту В.В. Шауба было построено здание Петербургского Речного яхт-клуба, где активным членом был брат Софьи, Генрих Генрихович Мюзер⁷.

Перечисленные факты позволяют выдвинуть гипотезу о том, что именно В.В. Шауб был и автором проекта дачи Мюзера в Терийоках.

Теперь историки архитектуры могли бы продолжить поиск документов, связанных с дачами Шауба/Прокопэ и Мюзера, которые бы подтвердили или опровергли авторство В.В. Шауба. И было бы небезынтересно провести историко-архитектурный сравнительный анализ известных построек Шауба на Каменном и Васильевском островах в Петербурге и терийокских дач на предмет выявления стилистических особенностей и параллелей между ними. Узнаваема ли «рука мастера»?

Вилла Прокопэ даже не была «удостоена» выявления в качестве объекта культурного наследия и снесена; вилла Мюзера быстро разрушается в этом статусе. Была бы у них такая судьба, если бы авторство Шауба было установлено?

Судя по находящимся в руинах постройкам маститых архитекторов в Сестрорецке – вряд ли...

Вилла Мюзера, 1941 год

Вилла Мюзера, современный вид

6. А. И. Роденков. Печи и камин дачи Мюзера.
7. П. Корвенкюля. Дача Мюзера.

*ЦИМБАЛ Ирина Сергеевна,
театровед, профессор СПбГАТИ*

ДОМА ТВОРЧЕСТВА, КАК ФОРМА ОБЩЕНИЯ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ

ФРАГМЕНТ ИЗ ДОКЛАДА

В 1946 году мой отец, Цимбал Сергей Львович, после госпиталя получил путевку в недавно открытый Дом Творчества Писателей в поселке Келломяки. Мы с мамой приехали его навестить. Это был старый финский дом с множеством комнат и древними скрипучими лестницами. Удобства, насколько я помню, были общие, но у всех постояльцев было по комнате.

Вернувшиеся с войны, эти люди чувствовали себя счастливыми. Они стосковались по любимой работе и почти из каждой комнаты доносился стрекот пишущей машинки и запаха, а то и кольца папиросного дыма.

Все были одинаково нищими без дач и персональных авто, но они были победителями, остались живы, да еще получили возможность общаться друг с другом на фоне финской природы за очень умеренную плату. Многие из них со временем станут известнейшими писателями, поэтами, учеными-филологами и составят гордость нашей словесности. А пока что они живут в деревянном доме, едят суровую послевоенную пищу и мечтают о том времени, когда на месте уже обветшавшего дома появится новый, каменный, с балконами и с умывальником в каждой комнате. Такие удобства казались верхом мечтаний для людей, не избалованных послевоенными коммуналками.

Время шло. Название станции изменилось – вместо Келломяк она стала Комарово. Бывают странные совпадения. Моей первой работой после окончания ЛГУ станет работа переводчика в Ботаническом институте имени академика В.И.Комарова, того самого, чьим именем назовут станцию Келломяки.

Пройдут годы, и появится дом, о котором мечтали писатели в далеком 1946-м. Дом, о котором, кажется, уже все сказано и все написано, но личные воспоминания неиссякаемы и, быть может, именно они позволяют нам раскрасив картину собственными индивидуальными красками, населить его ярчайшими личностями.

Из богатства человеческого общения, которое выпало на мою долю, выбираю эпизод знакомства с уникальной семьей Беков. Глава семьи – военный журналист, автор знаменитой повести «Волоколамское шоссе», каждый год приезжает отдыхать всей семьей (жена – г

тельница, а дочь – известный поэт) именно в Комарово. Еще жива А.А.Ахматова и мне повезло застать ее в Комаровском Доме Творчества, царственную и величественную и пишущую такие понятные всем стихи.

Потребность общаться с единомышленниками, с собратьями по профессии, отдалиться на время от бытовых проблем – вот что привлекало к этой новой форме человеческого общежития. Ведь путевки в эти дома было не так просто достать.

Дом Творчества Писателей и эту землю полюбили обитатели этого дома. «Земля, хотя и не родная, но памятная навсегда» – лучше Ахматовой не скажешь. Со временем у многих появились собственные дачи (не говоря уже о машинах), но Дом на Кавалерийской, 4 оставался центром притяжения.

И неудивительно, что, когда не стало А.А. Ахматовой, и она выбрала своим последним приютом комаровское сельское кладбище, за ней туда потянулись многие. Вот и Д.С. Лихачев (возможности которого были в этом безграничны) выбрал для себя и своей семьи Комаровское кладбище, на глазах превращавшееся в настоящий Некрополь со своей историей.

Но эту часть Карельского перешейка облюбовали для отдыха и творчества не только писатели, но и артисты, кинематографисты, композиторы.

И за каждым из этих домов – своя историческая биография и десятки выдающихся деятелей российской культуры.

Позже других открылся для людей искусства Дом Творчества «Театральный» в пос. Молодежный (бывш. Метсякюля). Прогулка в два километра по чудесной проселочной дороге – и вы попадаете на однокорейку, существовавшую с незапамятных времен.

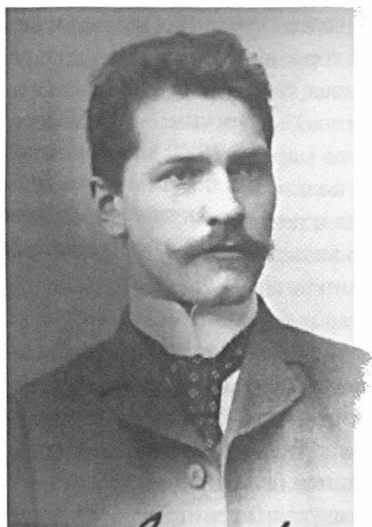
Хотя «Театральный» открылся позже других Домов Творчества (1 января 1988 г), но судьба его оказалась не менее примечательной. Оставим в стороне удачную ландшафтную архитектуру, тщательно продуманную вписанность в суровый северный пейзаж. Архитектор Л. Тинтарев заслуженно был награжден за этот проект медалью ВДНХ.

Оказалось, что интересами любознательных обитателей «Театрального» очень скоро заведает жизнь и судьба владелицы большого и хорошо известного в Петербурге (и за его пределами) поместья Мариинки, ставшего одним из ярчайших культурных центров Русской Финляндии. Не говоря уже о всемирно известной фигуре писателя Д. Андреева. Короче говоря, Дом творчества «Театральный» и поместье М.В. Крестовской, которое вернула в культурно-исторический контекст краевед-энтузиаст Н.В. Григорьева, оказались связаны десятками выдающихся имен и событий русской истории, перекличкой голосов и перекрестками судеб.

Разумеется, такая сближенность культурных вех не могла не отразиться на самой атмосфере Домов, в которых по-своему и на свой лад продолжает свою жизнь русская культурная традиция.

*ЧУПРОВА Елена Николаевна,
заведующая Государственного музея
научной библиотекой Выборгского замка*

ТОРККЕЛЬСКАЯ ГИЛЬДИЯ. ИСТОРИЯ ОБЩЕСТВЕННОЙ ОРГАНИЗАЦИИ ВЫБОРГА

Уно Ульберг (1879-1944)

В книге мемуаров О.И. Меурмана, в главе, посвящённой жизни в Выборге, автор описал события, связанные с историей создания общественной организации, объединившей многих жителей города: «... Выборг был полон древних, важных реликвий. В 1925 году архитектор Уно Ульберг получил задание построить сахарные склады для фирмы «Хакман и Ко» на участке в старой части города «Линнойтус» между улицами Скотопронной (ныне – Прогонная) и Северным Валом. Когда приступили к рытью котлована для строительства, обнаружили разрушенные кирпичные стены, помещения с кирпичными сводами и древние захоронения. Так были обнаружены следы древнего монастыря Серых Братьев. Среди находок была и серебряная ложка с гербами и вензелями Выборгского наместника Бертила Тотта и его супруги Эллин Курье.

Уно Ульберг связался с Археологическим Комитетом, и на раскопки прибыл для инспекции государственный археолог Аппельгрэн-Кивало. Государственный археолог был весьма доволен увиденным, а предъявленную ему серебряную ложку быстро засунул себе в карман, объяснив, что это для коллекции Национального Музея Хельсинки. Эти манипуляции с серебряной ложкой неодобрительно были встречены присутствующими, поскольку считали, что ложка могла быть украшением и Выборгского Музея.

Ульберг тщательно зарисовал (сфотографировал) находки, подробно описал их и отправил все материалы в Археологический Комитет. Эти события пробудили среди архитектурной общественности Выборга мысли о том, что древности города должны находиться под наблюдением и соответствующим присмотром. Я начал хлопотать по этому вопросу вместе с коллегой Георгом Фразером. Обращались по данному поводу в Финансовую Палату. Дело решилось в марте 1927 года, когда на заседании Совета городских старейшин была утверждена должность Хранителя Древностей города и предоставлена ему в распоряжение сумма 6000 марок. Моя активность не осталась без наказания: исполнение вновь утверждённой

должности было поручено мне без отрыва от основных обязанностей.

Назначенные городом ассигнования применялись для изучения сохранившихся со средневековых времён, созданных из природного камня строений, их тщательные измерения, фотографирование (составление планов и чертежей). Все материалы о древностях города я готовил обязательно в двух экземплярах: один экземпляр для Археологического Комитета, другой – для Выборгского музея. Но последние были уничтожены огнём пожара во время военных действий...

Раскопки, произведённые архитектором Уно Ульбергом, и обнаруженная им серебряная ложка, вызвали впоследствии целую серию событий. Исполняя обязанности Хранителя Древностей, я понимал, что их сохранение нуждается и в активной поддержке городской общественности. Однажды читая газету, узнал, что в Савонлинне, где реставрировался Замок Олафинлинна, существует городская общественная организация под названием Гильдия Святого Олафа, задачи которой – сохранение исторических реликвий. Отсюда следовало: в Выборге нужно создать такую же общественную организацию, а название у неё будет «Торккельская Гильдия». В этом начинании получил горячую поддержку у коменданта Выборгского Замка генерал-майора Гаральда Оквиста. Он был единственный начальник замка – финн, хотя и шведоговорящий, до него замком управляли шведские и русские коменданты, ну а после него – только русские. Гаральд Оквист был весьма заинтересован в том, чтобы поддерживать замок в хорошем состоянии, и поэтому представленный ему мною замысел об основании гильдии вызвал у него заинтересованность. Мы напечатали сотню пригласительных билетов, в которых значилось: «Просим с почтением Вас прибыть в парадный зал Выборгского Замка во вторник 7-го марта в 19.00 для совещания об организации Торккельской Гильдии». Далее следовали наши подписи, и был обозначен год – 1933. Приглашения были разосланы известным жителям города и деятелям культуры. За этим последовало замечательное событие: в Выборгском Замке собрались жители Выборга, которые откликнулись на наши приглашения.

В своей воодушевлённой вступительной речи Гаральд Оквист сказал, что сохранение исторических памятников является долгом, которым ни одна культурная нация не позволяет себе пренебрегать. Председателем собрания был избран выборгский епископ Эрkki Кайла, секретарём – директор Выборгского народного училища Арво Инкиля. Собранием было принято решение об основании гильдии и утверждении первоначально предложенного её названия. Сорок из присутствовавших на собрании жителей Выборга записались в члены-основатели Торккельской Гильдии.

Арно Туурна (1894-1976)

Собранием было принято решение об основании гильдии и утверждении первоначально предложенного её названия. Сорок из присутствовавших на собрании жителей Выборга записались в члены-основатели Торккельской Гильдии.

В избранное правление Торккельской Гильдии вошли: председателем епископ Кайла, заместителем председателя правления президент надворного суда Йохан Фредрик Селин, интендантом (заведующим) выбрали меня и секретарём – Арво Инкиля. В правление вошли также казначеем — директор банка Линтулахти, членами правления — губернатор Маннер, мэр города Арно Тунеберг (Туурна), ректор Ойнонен, писательница Лемпи Яскеляйнен, генерал-майор Оквист, домовладелец Хейкки Косонен. И новая организация Торккельская Гильдия стремилась в соответствии с уставом, утверждённом при её

создании, «служить сохранению Выборгского Замка и древностей города, изучать их историю со времени основания, собирать сведения об управителях Замка и других замечательных личностях, связанных с историей города, а так же знакомить жителей Выборга с его славной историей».

Об этих событиях вспоминает писательница Лемпи Яскеляйнен в своей книге «Весна в старом городе»: «В марте 1933 года в парадном зале Выборгского Замка собралось около сорока человек, которым были разосланы красочно оформленные, украшенные печатью Торккеля Кнутсона пригласительные билеты. Так была основана Торккельская Гильдия. Замысел о её создании возник у трёх людей, а именно: городского архитектора Отто-Ивари Меурмана, генерала-майора Гаральда Оквиста и директора банка Арво Линтулехти. Эти

три господина задумались о том, что хорошо бы основать в городе общество друзей истории. Этому обществу решено было присвоить старинное название «гильдия», а к этому старинному названию для Выборга самым подходящим определением было бы «Торккельская», в честь Торккеля Кнутсона, про которого в старинной хронике сказано, что им в третьем крестовом походе, в 1293 году, было принято решение о строительстве Выборгского Замка там, «где кончается земля христианская и начинается земля языческая». Помню хорошо этот мартовский вечер. Было прохладно, снег лежал на земле, на крышах, пронзительный ветер дул с Выборгского залива. Чернела вода залива между льдинами. Но Выборгский Замок был освещён, и в его парадном зале было тепло и уютно. Этим вечером можно было видеть только знакомые лица, как потом кто-то сказал, что это были «сливки выборгского общества». Это были представители различных сфер жизни города: деятели культуры, образования, духовенства, бизнеса, суда, городской и губернской администрации. Сам почтенный выборгский епископ Эрkki Кайла в своей речи приветствовал всех прибывших на это собрание. Затем всех пригласили расписаться в акте об учреждении новой общественной организации.

В новой организации в этот же вечер было избрано правление Гильдии, председателем которого стал епископ Эрkki Кайла, а членами правления – губернатор Арво Маннер, президент надворного суда Селин, генерал-майор Гаральд Оквист (его жена Брита была родом из старинного выборгского семейства Альфтонов), мэр горо-

Лемпи Яскеляйнен (1900-1964)

Отто - Ивари Меурман (1890-1994)

да Арно Тунберг (его женой была Сиркку Халленберг из Выборга), художник Рюрик Линдквист, городской архитектор Отто-Ивари Меурман, председатель городского Совета старейшин ректор Франс Петер Ойнонен, преподаватель Аарне Вартиайнен, директор банка Арво Линтулахти и я.

Таким образом, я оказалась единственной женщиной в избранном правлении Гильдии. И я должна была вносить свой вклад в деятельность Торккельской Гильдии. В городе тогда вспыхнул огромный интерес к истории. Выборг начал жить по-новому, и объектом всеобщего интереса являлся сам город и его история. Решено было устраивать вечерние чаепития, в конце зимы и осенью собрания и установили праздничный день Гильдии – легендарный день Выборгского Грома, тридцатое ноября. Я сначала думала, что такой чрезмерный интерес к истории Выборга продлится недолго, но я ошибалась. Интерес этот не ослабевал, и даже после того, как жители Выборга были эвакуированы, они по-прежнему чувствовали себя именно жителями Выборга, и собрались сначала в столице, а затем отделения Торккельской Гильдии появились в Турку и в Лахти (книга написана в 1957 году).

Сам епископ продемонстрировал свою заинтересованность в деятельности Гильдии. Однажды он покинул весьма важное мероприятие, чтобы вовремя присутствовать на заседании правления Гильдии. Так случилось, что этим вечером губернатор нечаянно взял принадлежавшую епископу трость с серебряным набалдашником. И когда епископ после поисков обнаружил её в руках губернатора, присутствовавший при этом ректор Ойнонен пошутил: «Вот как, господин губернатор, вы ещё намереваетесь завладеть и посохом епископа?»

Думаю, что епископ привык к тому, что женщины в общине всегда молчали. Помню одно заседание, на котором уточнялся устав Гильдии, а так же рассматривались коррективы к городскому путеводителю. Я тогда попросила слово. Епископ удивился, разглядывал меня сквозь очки и, помедлив, предоставил мне слово. Но при этом весь его вид демонстрировал удивление: ну что эта молодая женщина может такого правильного сказать среди мужских дел? Я тогда сказала о том, что правители Замка в разные времена по-разному назывались, и хорошо было бы употреблять название в соответствии с представляемой эпохой.

— «Но неужели так уж важна терминология?» — спросил епископ.

— «Так значит в документах», — ответила я.

Меня поддержал архитектор Меурман, за что мне и ему поручили вносить коррективы в текст путеводителя по Выборгу. Позже епископ при одной нашей встрече сообщил, что отдал распоряжение допускать меня в церковные и общинные архивы для изучения хранившихся там документов. Мне всегда было очень приятно присутствовать на заседаниях правления Гильдии, сидеть, наблюдать и слушать, как эти умные господа беседуют, какими рассудительными и находчивыми они бывают, как они любезны, внимательны друг к другу и ко мне. И это была галантность, присущая жителям Выборга в те прежние времена, истинно выборгская галантность...

...Я попытаюсь в общих чертах описать тех дорогих моей памяти людей. Архитектор Отто-Ивари Меурман был и до сих пор является одним из замечательнейших людей, которых я знаю. Он обладал удивительным качеством: увлечь и молодых, и зрелых людей. Его взгляд становился особенно острым, когда дело касалось того, чем он был увлечён. Сипловатый его голос первоначально царапал слух, но в дальнейшем общении с ним, это вовсе не замечалось. Меурман был блистательным организатором, и замечательно, что у Гильдии изначально был такой компетентный секретарь. Однажды он отвёл членов правления Гильдии под валы Замка, где проводились археологические изыскания, чтобы мы все могли почувствовать те древние времена. Это случилось тогда, когда проводились археологические раскопки у стен старой Башни Сапожника под

руководством магистра Кронквиста. Меня тогда спустили на глубину в широкой плоской деревянной лохани, руками рабочих сделанном своеобразном паланкине.

Ректор Франц Петтер Ойнонен, которого ученики любовно прозвали «Пясси», был светло-волосым, румяным и выглядел почти квадратным. Этот широкий, коренастый с короткой шеей человек имел необыкновенно тонкую душу. Он с самого начала не жаловал меня, поскольку не придавал никакого значения женскому творчеству. Да и я, честно говоря, недолюбливала его. Но он был умница с исключительным чувством юмора. Он был остроумен и помнил массу исторических анекдотов, поэтому приправленные его шутками заседания правления Торккельской Гильдии становились весьма привлекательными и незабываемыми. Впоследствии мы стали добрыми друзьями, но случилось это слишком поздно, в 1938 году.

Мэра города Арно Тунеберга, а у него тогда ещё было это имя, я мало знала, кроме его выступлений на разных торжествах. И, по моему мнению, он был слишком молодым мэром такого слишком старого города, как Выборг. Он всегда куда-нибудь спешил. И с начала он мне казался слегка самоуверенным и самонадеянным. У него была впечатляющая внешность: высокий, широкоплечий, стройный и лицо его запоминалось, стоило только раз его увидеть. Не раз мне приходило на ум, глядя на него, что он подобен Карлу Кнутссону Бунде, или, думала я: может, дух правителя Выборгского Замка вселился в него. Понадобилось несколько лет, прежде чем я хорошо узнала Арно Турне и научилась понимать его. Но к его чести следует сказать, что никогда так интенсивно Выборг не развивался, как при его руководстве. Город разрастался, хорошел, и в этом была большая заслуга мэра, беззаветно любившего Выборг...

В те времена у Выборга были богатые творческие традиции. Губернатор Арво Манер сочинял музыку и руководил хором «Tuokolan kuoro». Мэр города Арно Тунеберг писал стихи, будучи студентом, он опубликовал поэтический сборник «Светлый год». Его жена Сиркку занималась росписью фарфора. Городской казначей Эмиль Копонен блестяще играл на скрипке и увлекался театром, президент надворного суда Селин, и сменивший его на этом посту Каннел виртуозно владели музыкальными инструментами...

Тогда, когда основали Торккельскую Гильдию, были наши лучшие времена, мы в полной безопасности собирались в парадном зале Выборгского Замка и безмятежно мечтали о блистательном будущем Выборга...».

В архивных материалах Выборгского Магистрата сохранились документы о зачислении в реестр регистрации общественного объединения по изучению истории Выборгского Замка под названием «Торккельская Гильдия» (Torkkelin Kilta ry) за 1936 – 1939 годы. В документах значително, что в 1936 году в правление Гильдии произошли изменения: на смену Эррки Кайла (архиепископ) и Селину (президент надворного суда) были избраны епископ Юрьё Лоймаранта и архитектор Уно Ульберг.

В уставе Торккельской Гильдии было записано:

§1. Название организации «Торккельская Гильдия», местонахождение – город Выборг. §2. Основной целью данной организации является сохранение древнего Выборгского Замка и его исторических ценностей, изучение их и содействие распространению сведений о них.

Виды деятельности общества:

- 1) изучение этапов строительства Замка,
- 2) исследование сведений о правителях Замка и его обитателях,
- 3) сохранение и преобразование Замка в соответствии с распоряжениями об охране памятни-

ков древностей, принятых 2-го апреля 1883 года.

В особых случаях объектами исторических исследований могут быть и другие памятники древности и достопримечательности Выборга.

§3. Членами Гильдии являются:

- годовые члены, взносы которых в течение года составляют 20 марок;
- постоянные члены, которые одновременно внесли 400 марок (что равняется ежегодным взносам за 20 лет);
- дарители, которые пожертвовали не менее 2 000 марок;
- члены-корреспонденты; а также

- почётные члены.
- Членами организации могут быть различные общества и фонды.

§4. Члены-корреспонденты назначаются правлением Гильдии. Почётные члены избираются на общем собрании большинством голосов на основании представления правления Гильдии.

§5. Лишается членства в Торккельской Гильдии тот, кто два года подряд не платил членские взносы. Правление Гильдии может исключить из организации кого-либо, если на это имеются обоснованные причины.

§6. Правление Гильдии формируется из шести постоянных членов и трёх кандидатов. Правление выбирает среди себя председателя, его заместителя, секретаря, заведующего. Члены правления избираются на годовом собрании на три года.

§7. Председатель или заместитель правления созывает собрания как общие, так и правления, проводит их, подписывает счета к оплате и представляет Гильдию. Секретарь ведёт списки членов организации, протоколы общих собраний, заседаний правления, следит за перепиской, оформлением годовых отчётов о деятельности организации.

Заведующий (интендант) сохраняет коллекции Гильдии, библиотеку, архив, составляет их описи, наблюдает за проводимой работой и готовит годовой отчёт.

Казначей хранит денежные средства Гильдии, собирает платёжные поручения, следит за приходом и расходом, проверяет счета, ежегодно до 1 февраля представляет отчёт ревизорам и до 1 марта представляет отчёт о ревизионной проверке правлению организации.

§8. Правление Гильдии правомочно при наличии не менее четырёх членов. Решения принимаются простым большинством при голосовании. Если голоса разделились поровну, то решающим является голос председателя.

§9. Общее годовое собрание Гильдии проводится в марте, на собрании подлежат рассмотрению следующие вопросы:

- 1) выборы председателя собрания,
- 2) годовой отчёт,
- 3) финансовый отчёт,
- 4) финансовые вопросы,

- 5) вопросы о вознаграждениях,
- 6) выборы членов правления вместо выбывших и выборы ревизоров на предстоящий год,
- 7) другие вопросы, возникшие у членов правления или у членов Гильдии.

Выборы при необходимости проводятся закрытым голосованием, если голоса разделятся поровну, то всё решает жребий. Вопрос, который член Гильдии хочет предложить к обсуждению на годовом собрании, должен быть изложен письменно и предъявлен правлению не позднее, чем за 14 дней до собрания.

§10. Внеочередное собрание созывается, когда правление Гильдии усматривает в этом необходимость или когда правлению предъявлено заявление, подписанное десятью или более членами организации.

§11. О проведении очередных и внеочередных собраний заранее печатаются объявления в Выборгских газетах (не позднее, чем за пять дней). В объявлениях о внеочередных собраниях сообщается не только время проведения, но и содержание обсуждаемых вопросов. Подобным образом доводятся другие сведения для членов организации (т.е. через местную прессу).

§12. При голосовании на общих собраниях побеждает простое большинство, в случае разделения голосов поровну, решающим является голос председателя. В голосовании могут участвовать по доверенности.

§13. За организацию имеют право расписываться председатель или его заместитель, или лица, делегированные правлением Гильдии.

§14. Счета Гильдии заключаются на календарный год.

§15. Изложенные правила касаются решений, принимаемых на годовом собрании. В экстренных случаях, когда решение должно быть принято в кратчайшие сроки, требуется одобрение собрания Гильдии, о котором извещение в местных газетах подаётся за пять дней до проведения.

§16. Решение об упразднении Гильдии принимается на годовом собрании 2/3 голосов присутствующих на нём при условии, что подобное предложение было одобрено простым большинством при голосовании на предыдущем собрании. Организация может прекратить деятельность по усмотрению Общества сохранности древностей Финляндии или же города Выборга, как несоответствующая первоначально обозначенным целям. В том же 1936 году газета «Karjala» за №85 помещает объявление следующего содержания: «Годовое собрание «Торккельской Гильдии» сегодня в Выборгском Замке. Сегодня в 19.00 в парадном зале Выборгского Замка состоится годовое собрание «Торккельской Гильдии». После указанного собрания директор государственного архива магистр Рагнар Розен прочтёт лекцию «Борьба за власть в Выборге в конце 16 века». Мероприятие интересно для широкого круга интересующихся лиц».

На осеннем собрании правления Торккельской Гильдии, которое состоялось в канцелярском помещении Выборгского музея, обсуждались два вопроса. Как вспоминает Лемпи Яскеляйнен, нужно было подготовить доклад о пребывании Императрицы Екатерины II летом 1772 года в усадьбе под Выборгом Сяйние, это было поручено именно ей. Второй вопрос заключался в том, что Торккельская Гильдия совместно с городом перед 30-м ноября, т.е. перед знаменательным Днём Выборгского Грома, устраивала «Неделю Выборга», чтобы жители города имели возможность как можно больше узнать о нём с древнейших времён до современных дней. Название недели было: «Старый и новый Выборг». Программа предстоящей недели была обширной: история, искусство, промышленность, торговля и мореходство Выборга. Включили в организационный комитет задуманного мероприятия архитектора О.И. Меурмана, мэра города Арно Туурна, но так случилось, что подготовкой этого большого городского праздника занимались в основном

писательница Лемпи Яскеляйнен и городской казначей Эмиль Копонен. В книге Лемпи Яскеляйнен «Весна в старом городе» рассказывается: «Праздничная неделя была подготовлена, в газете «Karjala» напечатали не только объявление, но и анонс предстоящих событий, и напечатали тогда программы, украшенные печатью Торккельской Гильдии, стильные, выполненные в чёрном и красном цветах. Программа была следующая:

«Под названием «Старый и новый Выборг» Торккельской Гильдии

Выборгская неделя 22 – 29.11.1936

Воскресенье 22.11.1936

13.00 - Собрание в Выборгском Замке. Открытие Выборгской недели (председатель Торккельской Гильдии ректор Ф.П. Ойнонен). Экскурсия по Выборгскому Замку (генерал Оквист).

14.00 - Установка мемориальной доски Торккельской Гильдии на Музейной площади. Экскурсия по старому городу (архитектор О.И. Меурман).

15.00 - Посещение порта и рассказ о его значении городского инженера Эрикайнена в зале Ратуши. Там же по окончании выступление хора Народного училища.

Понедельник 23.11.1936

18.00 - Знакомство с профессиональными школами для мальчиков и девочек. Доклад о значении профессионального обучения .

19.15 - Посещение предприятия АО «Нави».

20.30 - Знакомство с городской электростанцией.

Вторник 24.11.1936

18.00 - Посещение мельницы и пекарни SOK.

19.00 - Знакомство с коллекциями Художественного Музея.

20.00 - Доклад архитектора О.-И. Меурмана о строительных перспективах Выборга.

Среда 25.11.1936

18.00 - Посещение городского театра, экскурсия за кулисы театра, присутствие на репетиции под руководством режиссёра Арви Туоми, знакомство с репертуаром театра.

19.15 - Знакомство со школой противохимической обороны в центральных казармах. Доклад о противовоздушной обороне и световой защите. Посещение солдатского клуба, расположенного на территории центральных казарм .

Четверг 26.11.1936

18.00 - Знакомство с кооперативным предприятием «Valio» (Aninankatu, 6). Там же доклад о предпринимательской деятельности в сфере сельскохозяйственного производства.

19.00 - Знакомство с железнодорожными механическими мастерскими.

20.00 - Посещение Выборгского банка. Обзор торговых перспектив Выборга. Ознакомление с нумизматической и филателистической коллекциями в Саво- Карельском Акционерном Банке, (Karjalankatu, 14).

Пятница 27.11.1936

18.00 - Посещение госпиталя.

19.00 - Посещение Окружного Архива, знакомство с архивными фондами. Лекция о финской литературе.

20.00 - Знакомство с Выборгским музыкальным училищем под руководством Бориса

Сирппо. Выступление Выборгского Оркестра Любителей Музыки в актовом зале Центральной народной школы.

Воскресенье 29.11.1936

13.00 - Участие в проведении ежегодного праздника городской пожарной дружины

14.00 - Праздничное собрание Торккельской Гильдии в здании библиотеки.

20.00 - Праздник Торккельской гильдии «Pamaus-juhla» в парадном зале Ратуши»

В газете «Karjala» от 22 ноября 1936 года было напечатано: «Организованная Торккельской Гильдией Выборгская неделя вчера началась в нашем городе. В честь этого дня общественные здания города были украшены праздничными флагами, и, согласно обширной программе предстоящей недели, в 13.00 людской поток стекался к Выборгскому Замку, над главной башней которого и на крыше находящегося напротив Окружного Архива развивались государственные синекрестные флаги. После торжественного открытия Выборгской недели и экскурсии по Замку, тогда, когда на Ратушной площади устанавливали мемориальную доску Торккельской Гильдии, собравшихся горожан было около трёх тысяч». Каждый день мероприятий освещался в газете в разделе, который так и назывался «Выборгская неделя». В последний день тожеств 29 ноября, в преддверье праздника «Viipurin Pamaus», в газете было напечатано объявление о том, что в завершении Выборгской недели состоится костюмированный бал, на котором участники будут наряжены в костюмы, позаимствованные в городском театре, и представят персонажи, жизнь которых в разное время была связана с историей Выборга. Название бала было «Weckroothien paraati» («Парад Векрутов»).

Согласно архивным документам, в 1938 году в правлении Торккельской Гильдии на смену выбывшего О.И. Меурмана был избран директор Окружного Архива Рагнар Николаус Розен. Общество сохранности древностей Финляндии назначило 9 июня 1938 года Р.Н. Розена Хранителем Древностей Выборга. В 1939 году писательница Лемпи Яскеляйнен и директор Окружного Архива Розен получили от города премию 15 000 марок за написанные ими труды по истории Выборга. В 1940 и 1941 годах опубликованы написанные Лемпи Яскеляйнен сборники исторических новелл о Выборге. В издании этих сборников большое участие принял Арно Туурна.

Исторически сложилось так, что Выборг стал советским городом, а его жители были эвакуированы в разные города Финляндии. Но участники Торккельской Гильдии воссоединились в Хельсинки, Лахти и Турку. Как написано в книге О.И. Меурмана «С тех времён у Торккельской Гильдии были годы «тучные и тощие», но богат список её славных дел, в том числе и то, что душа родного любимого края собрала их вместе. В 1952 году число членов Торккельской Гильдии (Хельсинки) составляло 80 человек, затем возросло до 500».

Список источников:

1. Otto- Iivari Meurman, Maarit Huovinen «99 vuotta. Mörrin muistelmia», Хельсинки, 1989.
2. Lempi Jääskeläinen «Kevät vanhassa kaupungissa», Хельсинки, 1957.
3. ЛОГАВ Ф.70 оп.2 д.441.
4. ЛОГАВ Ф. 1 оп.14 д.876.
5. ЛОГАВ Ф.534 оп. 1 д.19
6. Газета «Karjala» № 85 за 1936 год.

ШЕЛЯПИН Николай Викторович,
кандидат социологических наук, доцент

ОТГОЛОСКИ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ НА КАРЕЛЬСКОМ ПЕРЕШЕЙКЕ В 1920-1930-Х ГГ.

6 декабря 1917 года декларацию независимости одобрил парламент Финляндии голосованием 100 против 88. Этот день теперь является национальным праздником Финляндии — Днём Независимости. 8 (31) декабря 1917 государственная независимость Финляндской Республики первой была признана Советом народных комиссаров (*правительством*) *Российской Советской Республики*, а 23 декабря 1917 (5 января 1918) *Всероссийским Центральным Исполнительным Комитетом Советов рабочих и солдатских депутатов*. В течение первой недели 1918 года независимую республику Финляндию признали семь стран: 4 января — Россия, Франция и Швеция, 5 января — Греция, 6 января — Германия, 10 января — Норвегия и Дания, 11 января — Швейцария. Таким образом, Финляндия стала независимым государством, и у неё начался собственный период истории. 27 января 1918 года в Финляндии началась гражданская война между белыми и красными. Тем не менее, Россия и русские войска не остались в стороне от этих событий. Вскоре после вступления в силу Брест-Литовского мира от 3 марта 1918 года, в Финляндии оставалось всего около 30000 российских солдат, большинство которых также не хотело воевать. К концу марта 1918 года основная часть старой армии была выведена из Финляндии. Более-менее активное участие в боевых действиях непосредственно на стороне финской Красной гвардии принимало всего лишь около 7000–10000 русских солдат (как находящихся на территории Финляндии ранее, так и с учётом петроградских красногвардейцев, специально прибывших на помощь финским товарищам). Активное применение более значительных российских сил не получило одобрения в самой Советской России. 30 марта Министерство иностранных дел Германии отправляет большевикам ноту, в которой сообщается, что по поступившим из Финляндии сведениям, туда всё ещё «отправляются большими группами красногвардейцы из Петрограда». В ноте выражались протест и угроза предпринять необходимые меры, если советское правительство не выведет своих красногвардейцев из Финляндии в соответствии с договором. Когда ноту доставили, высадка немцев была уже в полном разгаре. Под давлением Германии Ленин 1 апреля 1918 запрещает официальную отправку солдат в помощь Совету народных уполномоченных Финляндии. Лишь 1000–4000 солдат воевало временами отрядами по 100–1000 человек за разные стороны. Напротив, до конца 1918 года некоторые русские офицеры руководили действиями красногвардейцев: М. Свечников на западе Финляндии и И. Еремеев на востоке. Совместная работа шла плохо, дело осложнялась языковым барьером и взаимной недоверчивостью. Количество русских солдат, участвовавших в гражданской войне, и их значение уменьшается, начиная с 18 февраля, когда возобновились боевые действия между Германией и Советской Россией. Войска бывшей Российской армии либо расформировывались, либо перемещались на защиту Петрограда,

после чего советская поддержка финских красных ограничивалась поставками оружия. Военная деятельность советских российских военных продолжалась до конца гражданской войны на Карельском перешейке, но главной задачей при этом была защита Петрограда. Из других частей Финляндии большая часть российских солдат была выведена ещё до начала наступления финской белой армии. Русские офицеры и солдаты также воевали и на стороне белофинов. Так, огромную помощь белым войскам К.Г. Манергейма оказал вице-адмирал Николай Люцианович (Константинович) Подгурский, который передал финским белогвардейцам значительное количество оружия и боеприпасов. На стороне белофинов воевали около 4 тысяч русских военных. Важным событием, символизирующим завершение гражданской войны в Финляндии, было взятие Выборга в апреле 1918 года белыми войсками и так называемой «выборгской резнёй», в результате которой, отступающие красногвардейцы убили 30 заложников в выборгской тюрьме, а после вхождения белых войск у стен выборгского замка в отместку было расстреляно около 400 русских солдат, которых подозревали в сотрудничестве с красными финнами. Не смотря на весь драматизм этих событий, стоит отметить, что описанные выше хроники, прежде всего, относятся к истории гражданской войны в Финляндии.

После завершения Гражданской войны в России и Кронштадтского восстания в 1921 году многие идейные противники советской власти нашли убежище в Финляндии, а сам путь из Финляндии в Советскую Россию через пограничный участок на реке Сестре, стал излюбленным маршрутом террористических организаций русской белой эмиграции в в 1920-1930-х гг. Таким образом, эта территория стала самым острым очагом противостояния белой эмиграции и советской власти. В 1920-30-е годы одной из форм белоэмигрантского экстремизма становится индивидуальный террор, направленный против советских дипломатов и торговых представителей, находящихся за рубежом, а также диверсионные акты на территории СССР. В 1920-30-е годы белогвардейский индивидуальный терроризм получил довольно широкое распространение: были совершены десятки крупных диверсионных актов. Однако отечественная и зарубежная историография была склонна упрощать это явление, представляя теракты как результат действий фанатиков-одиночек. Но при углубленном же изучении данного вопроса становится очевидным, что белый терроризм являлся частью единого плана по дестабилизации внутреннего положения в СССР и дирижировался из эмигрантских организационных центров — Российский Общевоинский Союз, Братство Русской Правды и т.п., а также и из штаб-квартир западных контрразведок. Все таки стоит считать, что белый терроризм нужно рассматривать в комплексе с другими аспектами экстремистского антисоветского движения, в частности, в связи с планами подготовки интервенции против СССР. В межвоенный период в европейских странах и на Дальнем Востоке происходил рост социальной и политической напряженности, который не мог не отразиться на положении и внутреннем состоянии российской эмиграции: в среде молодежных группировок, в активистских кругах русского зарубежья наблюдается тенденция к эскалации насилия — предпринимаются интенсивные поиски новых методов антибольшевистской борьбы: первое место среди них занимает индивидуальный терроризм, часть широкой программы белого террора. Белоэмигрантский экстремизм и терроризм, как его крайнее выражение, — это не серия выходов отдельных эксцентрически настроенных личностей или политических авантюристов. Его нельзя и упрощенно сводить к заговору западных разведок и консервативных сил против Советского Союза. Речь идет о противоречивом и сложном явлении в жизни зарубежной России, возникновение и разрастание которого в 1920-30-е годы было обусловлено рядом субъективных и объективных обстоятельств, в частности, ростом рваншистских настроений в среде российской военной эмиграции. Российские экстремисты в 1920-30-е годы руководствовались в своей террористической деятельности принципами,

сформулированными идеологами немецкого терроризма XIX века: «Мы провозглашаем нашим основным принципом... что убийство, будь то индивидуальное или массовое, остается неизменным инструментом решения исторических задач».

7 июня 1927 года белоэмигрант Виктор Ларионов совершил самый знаменитый террористический акт, забросав место заседания коммунистов гранатами в здании «Агитпропагандного Отдела Ленинградской Коммуны» по адресу наб. Мойки, д. 59. Виктор Ларионов родился в 1899 году в Петербурге. В 1916 году окончил гимназию, с сентября 1916 года по май 1917 года — учился в «Отдельных Гардемаринских классах», совершил плавание на крейсере «Орел» на Дальнем Востоке. В июне 1917 года Ларионов перешел в Константиновское артиллерийское училище, а осенью 1917 года пробрался на Дон. В. Ларионов принимает активное участие в гражданской войне. Он получил два тяжелых ранения, был награжден «Знаком Отличия первого Кубанского похода» 1-й степени, одной из наиболее почетных наград в Белой армии. После эвакуации Русской армии из Крыма Ларионов находился некоторое время в Галлиполи, а затем уехал в Финляндию. Но и за границей он продолжает борьбу против большевизма: вступает в тайную боевую организацию генерала А.П. Кутепова «Внутренняя линия», пытается наладить практическую работу по организации белого террора. Совершенный террористический акт Ларионов описал в своей книге «Боевая вылазка в СССР». В ночь на 1 июня 1927 года группа Ларионова в сопровождении финского проводника тайно пересекла советско-финскую границу по реке Сестре. Ларионов хорошо знал эти места, поскольку до Первой Мировой войны отдыхал здесь на даче. Двумя другими участниками группы Ларионова были бывшие гимназисты русской гимназии в Гельсингфорсе Сергей Соловьёв и Дмитрий Мономахов, которые также хорошо знали эту местность. Вот краткая выдержка из книги Ларионова «Боевая вылазка в СССР». «Проводник явно нервничает: молодежь слишком долго одевается на таком обнаженном месте. Мои друзья волнуются, никак не могут натянуть узкие и высокие сапоги на второпях обмотанные портянки. Поднимаюсь на крутой откос берега. Четко вижу вытоптанную патрульную тропинку. Налево видно довольно далеко — до изгиба реки, где особенно густо висит полоса тумана; направо — стена темного осинового леса; отсюда-то и могут ежеминутно появиться люди в серых длинных шинелях... Предохранитель маузера легким нажимом пальцам сдвинут на «огонь». Подходит проводник. Он «бывалый», около ста раз бывал уже «там». Среднего роста, худощавый, юркий, белесый, жесткие усики — тычком, вместо передних зубов — дыра... Нельзя сказать, чтобы особо внушал к себе расположение... Да еще ко всему этому — явно трусит и нервничает. Одет он — под «товарища», в русскую солдатскую шинель с неформенными пуговицами, без хлястика, с разорванным воротом. На голове серая потрепанная фуражка; на ногах, как и у нас троих, высокие сапоги. — Если что, сразу ложитесь и стреляйте. Они трусы, сразу носом в землю и стреляют куда попало. А как выпустите обойму, отбегайте к реке зигзагами, за кустарником, но не все сразу... С планом действий проводника я не согласен, но не возражаю пока что ему. У меня план несколько иной... Чтобы не промолчать, спрашиваю проводника:

— Чем они вооружены?

— Винтовками.

— Ну, это не плохо. В лесу маузер полезнее винтовки...

— А сколько их ходит в патруле?

— Да разное — пять, шесть человек. Это — первая линия погранохраны, а дальше идет линия патрулей ГПУ, те ходят по двое с револьверами. Кое-где по лесным дорогам ездят конные дозоры. Если ждут переходов, устраивают в разных глухих местах засады.

— Собаками они тут для слежки не пользуются?

— Есть у них и собаки, да они ни к черту — плохо ученые и заморенные...».

Как мы видим, пограничная застава была подготовлена ещё плохо, это позволяло осуществлять многочисленные переходы границы СССР белыми террористами. Только один финн-проводник, который вёл группу Ларионова, по данным белых боевиков, более сто раз переводил членов террористических групп через границу на реке Сестре. Стоит напомнить, что в том же 1927 году, 21 октября, пограничник Андрей Коробицин, находясь в одиночном пограничном наряде, наткнулся на четырёх вооружённых нарушителей границы — диверсантов, готовивших террористический акт в Ленинграде, и вступил с ними в бой, в котором получил смертельное огнестрельное ранение. В том же бою был ранен один из нарушителей. Пограничник Коробицин хорошо известен в Сестрорецке, ему поставлен памятник. Этот памятник напоминает о трагических событиях того времени, фактически означающих продолжение гражданской войны.

Акция боевой группы Ларионова, согласно его книги, проходила следующим образом. Ларионов открыл дверь комнаты, где происходило заседание, и приказал метать бомбы; первым метнул снаряд Мономахов. Послышался треск, однако бомба не разорвалась (как выяснилось впоследствии, капсуль-запал, воспламенившись, не зажег отсыревшего стопина в коленчатой трубке). Тогда Соловьев метнул вторую гранату, которая и разорвалась. Третья граната, находившаяся в портфеле у Ларионова, была им оставлена у дверей в помещение, в котором произошел взрыв. Из присутствующих было ранено 26 человек, 14 — тяжело. Ларионов и Мономахов выбежали вместе, Соловьев — отдельно. Первые двое кричали: «Скорее, милиция, скорая помощь, бросили бомбу!», встретили на улице милиционера, сказали последнему, что в клубе бросили бомбы, затем уселись на извозчика и поехали на Финляндский вокзал. В Левашове боевики снова соединились в отряд. В районе Черной речки, вблизи Выборгского шоссе, 8 июня они были обстреляны пограничной охраной. Однако им удалось уйти от преследования и пересечь границу Финляндии. За этот террористический акт было расстреляно 4 советских должностных лица за халатность. Любопытно, что никто из числа раненых гранатами Ларионова не скончался! При этом четверо пограничников были расстреляны своими...

Другая группа, в составе Опперпута, Захарченко-Шульц и Вознесенского (Петерса), направилась для совершения террористического акта в Москву в эти же дни, также перешла границу в районе реки Сестры. Акция в Москве не удалась. 10 июня 1927 года советские газеты опубликовали правительственное сообщение о провале попытки Захарченко-Шульц, Опперпута и Вознесенского взорвать жилой дом № 3/6 по Малой Лубянке. Заместитель председателя ОГПУ Генрих Ягода на страницах газеты «Правда» подробно рассказал о неудачном покушении: «Организаторы взрыва сделали все от них зависящее, чтобы придать взрыву максимальную разрушительную силу. Ими был установлен чрезвычайно мощный мелинитовый снаряд. На некотором расстоянии от него были расставлены в большом количестве зажигательные бомбы. Наконец, пол в доме по М.Лубянке был обильно полит керосином. Если вся эта система пришла бы в действие, можно не сомневаться в том, что здание дома по М.Лубянке было бы разрушено. Взрыв был предотвращен в последний момент сотрудниками ОГПУ». После провала террористического акта Захарченко-Шульц и Вознесенский пытались вернуться за рубеж, но были опознаны на территории СССР и погибли в перестрелке. Дерзкая вылазка В. Ларионова на территорию СССР и осуществление взрыва Ленинградского партклуба произвела на российских эмигрантских экстремистов огромное впечатление: апология белого террора как основного метода борьбы с советским строем достигает своего апогея. В среде белых реваншистов звучат призывы к развертыванию широкомасштабного террора против деятелей ВКП(б) и советского правительства, к «осуществлению сотен, тысяч таких акций». В 1931 году В. Ларионов выпустил в Париже

указанную выше книгу «Боевая вылазка в СССР. Записки организатора взрыва Ленинградского Центрального партклуба», сразу же ставшую бестселлером российской эмиграции. Однако, подробно описывая ход операции, В. Ларионов скрывает многие детали перехода советской границы и технической подготовки акции. Это вполне понятно — более подробное освещение данного вопроса могло привести к ответным действиям ОГПУ-НКВД, руководство которого также внимательно изучало содержащиеся в ней сведения. Виктор Ларионов, будучи сторонником политики белого террора против лидеров ВКП(б) и советских спецслужб, писал, призывая боевые кадры эмиграции и молодежь к борьбе: «Ответный террор против компартии!» — вот лозунг, наиболее действенный в борьбе с большевиками.

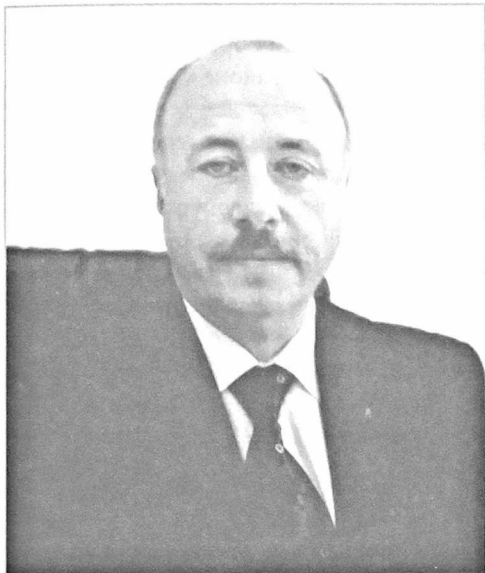
Но осуществленная В. Ларионовым и его группой диверсионная акция в действительности не дала ожидаемого результата: эффект от покушения на коммунистов, проводивших учебные занятия в Ленинградском партклубе, оказался прямо противоположный — белые террористы предстали в обличье убийц и диверсантов, дав пропагандистской машине Сталина великолепный материал для обвинения «зарубежной белогвардейщины» в подготовке белого террора и репрессий в СССР, в вынашивании планов свержения советского строя, что, в общем, вполне соответствовало действительности. Одной из последних удачных террористических акций, осуществлённых белыми террористами стал взрыв бомбы возле Клуба имени Каляева в Москве в 1936 году, совершённый группой белоэмигрантских боевиков, которая также перешла через границу на Сестре. Однако этот террористический акт не получил широкой огласки в средствах массовой информации, и о нем имеются лишь отрывочные сведения, содержащиеся в материалах польской контрразведки.

Таким образом, важной вехой истории современного Курортного района Санкт-Петербурга и всего Карельского перешейка является борьба белоэмигрантских террористов с советскими пограничниками и ОГПУ.

*КАРПОВ Евгений Владимирович
Председатель организационного комитета,
к.и.н., доцент СПбГАУ*

ПОСЛЕСЛОВИЕ

ДОРОГИЕ ЧИТАТЕЛИ!

Дорогие читатели! Конструктивная идея организации и проведения историко-культурного фестиваля «Смоляной Путь», несомненно, является коллективной.

Всецело поддержанная депутатом Законодательного Собрания Санкт-Петербурга Александром Ивановичем Куцаком, она явилась хорошим стимулом для проведения ежегодного смотра-конкурса интернациональных краеведческих и творческих ресурсов исследователей, равнодушных к истории побережья Финского залива Карельского перешейка.

Благодаря энергичной, инициативной поддержке неутомимых краеведов и писателей Нины Васильевны Григорьевой, Раисы Николаевны Гараевой, Бориса Еремеевича Ривкина, журналиста Ларисы Георгиевны Шаймухановой, историка Натальи Леонидовны Ивановой, вокруг альманаха «Смоляной Путь» стали соби-

раться эффективные исследователи-краеведы, создающие реальный краеведческий продукт, представляющий несомненный интерес для профессиональных историков, рассматривающих в геополитическом аспекте коллизии социально-политического развития на Карельском перешейке.

Важным организационным и творческим импульсом в создании «Смоляного пути» стало участие в работе его оргкомитета финского историка Туомо Сааринена (Tuomo Saarinen), являющегося координатором социальных программ с Россией от региона Коуволы. Именно ему принадлежит идея имени историко-культурного фестиваля. Мне, как одному из организаторов и координаторов этого гуманитарного проекта, понравилась некоторая поли-смысловая нагрузка словосочетания «Смоляной Путь». Смола хвойных деревьев, как мощный антисептик, является важнейшим противогнилостным препаратом в работах по сохранению корабля. «Смоляной путь» - это не только торговый путь, по которому могли перемещать необходимые для корабелов смолы, но и путь крепких культурных, деловых, производственных, оборонительных, государственных связей, которыми веками были связаны Россия и Финляндия.

Увы, но иногда интерес к войнам и конфликтам в нашем представлении о взаимоотношениях с соседями почти вытесняет интерес к столетиям конструктивного сотрудничества. Поэтому очень ценным материалом для осмысления драматизма утрат в разрушительный период распрей, совместно нажитого духовного, да и материального богатства, представляются фильмы кинорежиссёра и сценариста Арвоо Туоминена (Arvo Tuominen), открывшего для организаторов «Смоляного Пути» такой новый интересный формат мероприятия, как просмотр и обсуждение нового краеведческого кино в сочетании с путешествиями по побе-

режью, по местам, ставших объектом и предметом творчества кинематографистов.

Объединительный импульс «Смоляного Пути» был замечен и поддержан главой администрации Курортного района Санкт-Петербурга Алексеем Васильевичем Куимовым, высказавшимся за ежегодное продолжение как самого историко-культурного фестиваля, так и поиска форм его проведения.

Скептики спрашивают: «Какой смысл в проведении подобного рода мероприятий?». Лучшим ответом на такой вопрос является инициатива Комитета по межнациональным отношениям и миграционной политике в Санкт-Петербурге, предложившего именно в Курортном районе построить крупнейший на Северо-западе России этнопарк. Эта инициатива во многом связана с тем, что специалисты комитета с большим интересом участвовали в мероприятиях первого историко-культурного фестиваля «Смоляной Путь» и обратили внимание на степень, объёмы и темпы краеведческих исследований в Курортном районе Санкт-Петербурга — на побережье Финского залива Карельского перешейка.

Подготовка второго «Смоляного Пути» показала, что новым форматом мероприятия станет всё же в большей степени работа по уточнению и совершенствованию карты историко-культурных достопримечательностей Курортного района Санкт-Петербурга, дальнейший выпуск историко-культурного альманаха «Смоляной Путь», формирование и проведение авторских краеведческих экскурсий по побережью к историко-культурным доминантам в Курортном районе и презентация новых краеведческих фильмов и телевизионных программ.

Организационный комитет историко-культурного фестиваля «Смоляной Путь» выражает благодарность за помощь в подготовке мероприятия Елене Феликсовне Жировой, Светлане Олеговне Даниловой, Ульяне Руслановне Овчаренко, Никите Васильевичу Ункову, Алексею Леонидовичу Акентьеву, Роману Андреевичу Гаврилюку, Алисе Александровне Лисициной и Алле Геннадьевне Дружининой.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>КУЩАК А.И., депутат Законодательного Собрания Санкт-Петербурга</i>	3
<i>КУИМОВ А.В., глава администрации Курортного района</i>	4
<i>АЛЕКСАНДРОВА И.М.</i> РАЗЛИВ. БЛОКАДА. 1941-1942	7
<i>АМИРХАНОВ Л.И.</i> ДАЧНЫЕ ЯХТ-КЛУБЫ	16
<i>БАЛАЦЕНКО Ю.Д.</i> ЧЕТВЕРОНОГИЕ ДРУЗЬЯ ОБИТАТЕЛЕЙ УСАДЬБЫ И.Е. РЕПИНА «ПЕНАТЫ»	22
<i>БРАВО А.Е.</i> СОХРАНИВШАЯСЯ ДЕРЕВЯННАЯ ЧАСОВНЯ КОНЦА XIX-ГО ВЕКА НА ТЕРРИТОРИИ БЫВШЕЙ УСАДЬБЫ ПОДМЕНЕРА/ДЕМИДОВА В СЕРОВО	28
<i>ВИЗИРЯКО Т.Н.</i> УЗОРЫ ВРЕМЕНИ, ИЛИ О ЧЁМ ГОВОРЯТ ЛИТЕРАТУРНЫЕ ПРОТОТИПЫ	35
<i>ГАРАЕВА Р.Н.</i> ОТЧИЗНЫ ВЕРНЫЕ СЫНЫ	40
<i>ГРИГОРЬЕВА Н.В.</i> ДАЧИ – СВОИ, ЧУЖИЕ И ОБЩИЕ	52
<i>ЖИЛЬЦОВА Е.Н</i> (ПРИМОРСКИЙ) РАЙОН. АДМИНИСТРАТИВНО- ТЕРРИТОРИАЛЬНОЕ ДЕЛЕНИЕ В 1940 - 1954 ГГ	62
<i>ИЗОТОВА М.Д.</i> ЕЛЕНА МАРТИЛЛА. БЛОКАДА. 1941-1944	72
<i>КАРПОВА Е.В.</i> ПАРК В ТЕРИЙОКАХ	78
<i>КЛАУС Н.А.</i> СИНОПСИС «ДНИ ОРУЖЕЙНИКА»	85

<i>КОВАЛЕНКО Н.С.</i> ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ СПБ ГБУК «ИСТОРИКО- КУЛЬТУРНЫЙ МУЗЕЙНЫЙ КОМПЛЕКС В РАЗЛИВЕ» ПО СОХРАНЕНИЮ КОЛЛЕКЦИИ БЫВШЕГО НАРОДНОГО ИСТОРИКО-РЕВОЛЮЦИОННОГО МУЗЕЯ СЕСТРОРЕЦКОГО ИНСТРУМЕНТАЛЬНОГО ЗАВОДА ИМЕНИ С.П. ВОСКОВА	97
<i>ЛЕОНТЬЕВА О.В.</i> КОРАБЛИ-ЗЕМЛЯКИ: СУДЬБА ПАРОХОДОВ «СЕСТРОРЕЦК», «БЕЛООСТРОВ», «РАЗЛИВ». ПО МАТЕРИАЛАМ ВЫСТАВКИ «СЕСТРОРЕЦК - ИСТОРИЯ НА ВОДЕ»	100
<i>ЛОГУНОВА О.В.</i> ЛАХТА. ОЛЬГИНО.	105
<i>МАРТЫНОВА А.И.</i> ЛЕКАРСТВЕННЫЕ ТРАВЫ КАРЕЛЬСКОГО ПЕРЕШЕЙКА И ЭКОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ РАЙОНА	110
<i>НИКИТИН В.А.</i> ПОВЕСТЬ О НАСТОЯЩЕЙ МАТЕРИ	117
<i>НИКУЛИН В.В.</i> СОТРУДНИЧЕСТВО СЕСТРОРЕЦКОГО ОРУЖЕЙНОГО И КОВРОВСКОГО ПУЛЕМЕТНОГО ЗАВОДОВ В 1916 - ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ 1920-Х ГОДОВ	129
<i>ПАВЛЕНКО В.В. ,</i> СЕСТРОРЕЦК — НАШЕ МОРСКОЕ НАЧАЛО	134
<i>ПЕТУХОВ И.П., РУКОМОЙНИКОВА Е.Г. ,</i> 90 ЛЕТ ИСТОРИИ МУЗЕЯ «САРАЙ Н.А.ЕМЕЛЬЯНОВА»	139
<i>ПОДОЙНИКОВ С.И.</i> ПАМЯТНИКИ КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКОГО НАСЛЕДИЯ, НАХОДЯЩИЕСЯ ПОД ОХРАНОЙ ГОСУДАРСТВА И ИХ СОСТОЯНИЕ НА ТЕРРИТОРИИ МУНИЦИПАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ ГОРОД СЕСТРОРЕЦК	147
<i>РОГАЛЕВА Н.Н.</i> РАЗВИТИЕ КУРОРТНОГО ДЕЛА (К 70-ЛЕТИЮ ДЕТСКИХ САНАТОРИЕВ ЗЕЛЕНОГОРСКА И УШКОВО)	153
<i>СМИРНОВА Е.В.</i> ЧТО РАСТЁТ В ТВОЁМ САДУ?	160

<i>СНЕГОВАЯ И.А.</i> ГУМЕННИКОВ ВЛАДИМИР АРКАДЬЕВИЧ	164
<i>СТЕПАНОВ Ю.В.</i> ЗАБЫТЫЕ ГЕРОИ СЕСТРОРЕЦКА. КОМБАТ ШИРОКОВ	166
<i>ТРАВИНА Е.М.</i> АРХИТЕКТОР В.В.ШАУБ: ДВЕ ПРЕДПОЛАГАЕМЫЕ ПОСТРОЙКИ В ТЕРИЙОКАХ	168
<i>ЦИМБАЛ И.С.</i> ДОМА ТВОРЧЕСТВА, КАК ФОРМА ОБЩЕНИЯ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ	171
<i>ЧУПРОВА Е.Н.</i> ТОРККЕЛЬСКАЯ ГИЛЬДИЯ. ИСТОРИЯ ОБЩЕСТВЕННОЙ ОРГАНИЗАЦИИ ВЫБОРГА	173
<i>ШЕЛЯПИН Н.В.</i> ОТГОЛОСКИ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ НА КАРЕЛЬСКОМ ПЕРЕШЕЙКЕ	182
<i>КАРПОВ Е.В.</i> ПОСЛЕСЛОВИЕ	187

Историко-культурный альманах

СМОЛЯНОЙ ПУТЬ

Выпуск 2

Редактор - *Карпова Елена Витальевна*

Составители - *Н.В. Григорьева, Р.Н. Гараева, Л.Г. Шаймуханова*
Компьютерная верстка и оформление обложки - *У.Р. Овчаренко*

Научный консультант - *к.и.н., доцент СПбГАУ Е.В. Карпов*

Подписано в печать 30.09.2015. Формат 70x100 1/6. Печать офсетная.
Гарнитура Minion Pro. Усл. печ. листов 12,25 (в т. ч. 1, 29 вклейка)
Заказ 1660. Тираж 1000 экз. Изд. №482.

ГРУППА ИЗДАТЕЛЬСКИХ ПРОЕКТОВ «ОСТРОВ СЛОВ»

www.gennin.ru
e-mail: slovo812@yandex.ru

При участии «Издательского центра «Остров»

СПб: Межрегиональный общественный культурный фонд им. Валерия Суслова

Адрес для писем:
199034, Санкт-Петербург, 5-я линия В.О., 10
Юридический адрес:
198332, Санкт-Петербург, Ленинский пр., 81, корп. 1, кв. 15Н литер А
Тел./Факс: (812)328 09 01
e-mail: kulturniyfond@mail.ru

Перестроенная часовня. Фото А. Браво

Яхт клуб Терийоки

Вилла Лепони в Терийоках

ЦБС Курортного района № 09 006105F

